

РОМАН ЗАИН

С Л Е Д У Ю Щ И Й Д Е Н Ъ

исторический роман

16+

Роман Заин
Следующий день

«Автор»

2020

Заин Р.

Следующий день / Р. Заин — «Автор», 2020

Действие книги разворачивается в эпоху Римской империи. В этом романе показывается «обычная» жизнь людей той эпохи. Главное для героя – Луция, стать достойным своего отца. Однако его планы переворачивает с ног на голову, недавно купленная в дом молодая рабыня Авелия.

© Заин Р., 2020

© Автор, 2020

Шел семидесятый год нашей эры, эпоха становления Римской Империи, обрастание её мясом и мускулами, пригоняемых, казалось бы, со всего света, рабов. С разных уголков мира в столицу плыли корабли, тянулись караваны разнообразных и причудливых товаров. Город, расположившийся на поверхности земли, словно клещ на плоти, рос и жирел с необыкновенной скоростью. Однако, если насекомое, все-таки имеет свойство насыщаться, Рим был неуемен. Чтобы охватить больше и больше, тропы и просеки превращались в вымощенные камнем дороги, флоту подчиняли воды Тибра, а поток двигающихся по ним товаров, не утихал ни на секунду. Днем и ночью, утром и вечером, постоянно, на артериях, ведущих в город, стояла толчея. Недаром старики поговаривали, будто сам Гермес, однажды спустившись с Олимпа, оказался настолько обрадован размахом ярмарки у подножия горы Соракты, что осмотревшись, благословил сие место на прибыль и процветание. Тогда он и представить себе не мог, какой рост ожидает Империю.

Рим еще сотрясали восстания, однако, в большинстве своем, очаги мятежа уже были потушены обильным количеством человеческой крови. Флавий Веспасиан, получивший благословение и поддержку своих солдат, объявил себя императором, и принялся рьяно наводить «железный порядок» в империи. Первым делом, вопреки привычным для того времени грабёжам в свою пользу, он стал пополнять государственную казну. В счет шли контрибуции с завоёванных стран, увеличение имеющихся налогов, изобретение новых, доселе неизвестных пошлин. На ропот патрициев и плебеев новый император внимания не обращал. Да и стоило ли обращать, ведь под тяжелой рукой нынешнего властителя, не то чтобы перечить, думать о том, что ты можешь перечить, считалось страшно. Ужас пред ним настолько тяготил, что самые известные шутники-острословы, держали рты на замке, не позволяя лишнего высказывания, даже за семейным обеденным столом. Кроме того, всё имело свойство возвращаться на круги своя, поэтому, опытная знать не только не перечила, но и помогала новому императору. Так же как и он, сановники заявляли во всеуслышание, что коррупция должна сгинуть в небытие, вместе с остатками старовластных прислужников. Однако, криком всё и ограничивалось. Они-то знали точно, спорить с военным властителем плохая затея. Пока надо кивать головой и разделять мысли божественного Флавия, а когда благородный запал кончится, просто оказаться рядом и не проморгать удачу. Да и ждать-то привычного уклада оказалось совсем недолго. Знать знала истину, что невозможно объять необъятное. Чем больше времени император тратил для установления диктата на краях безграничной империи, тем меньше замечал, происходящее прямо под своим носом, в столице.

Шло то время, когда легионы, возглавляемые Титом, начали славный поход из завоёванной Иудеи домой. Обратный путь, как и положено победителям, проходил весело. Войны шли с песнями, волоча за собой богатство и славу триумфаторов. Стоит отметить, что уже к ихнему приходу, город коснулись изменения, так ожидаемые знатью. Обитатели достопочтенного города, всё более и более пропитывались властью и звоном монет, а разделение между богатыми и бедными становилось неприлично огромным. Доходило до того, что жители среднего достатка начали путаться, не понимая к кому классу, они относятся. Гражданство, которым так дорожило коренное население, продавалась направо и налево, в виде клиентелы. Вчерашние гордецы, упивавшиеся происхождением, отдали свой голос или подтверждали любое слово «хозяина», лишь бы мошна, набиваемая денариями и сестерциями, приобретала бы больший вес. Но, как известно, для больших дел нужны большие затраты, а к сожаленью, не каждый вопрос можно решить с помощью денег. Чтобы расти выше и воровать больше, жизненно необходима гражданская поддержка. Однако, голосов на всех не хватало, а борьба за место под солнцем, разворачивалась масштабнее и стремительнее. Тогда, как и во все времена, власти-тели вспоминали про обычный народ. Рим всегда оставался Римом, и крылатые слова «Хлеба и зрелищ» сказанные когда-то Ювеналом, полностью отражали суть политики того времени. Игры и празднества проходили повсеместно!!! Разгоряченная вином и поединками гладиато-

ров, чернь, превращалась в послушное море, текущее по указанному руслу, и потопляющее любые преграды, встреченные на пути. При этом нельзя было сказать, что кто-нибудь из черни, простолюдинов, представителей плебса, или даже правящей знати считал данный уклад не правильным. Всех всё устлавало. Хотя, конечно, встречались моралисты – философы, представившие мир в других красках, но и их взгляд менялся, стоило только вопросу собственного благосостояния зазвенеть по-другому.

Меж тем, фантастическая тяга к прекрасному сделала Рим красивейшим городом мира, на долгие-долгие годы. Улицы утопали в архитектурном величии их строений, словно красное море, изобильно усеянное кораллами. Форумы, бани, храмы и амфитеатры, изумительным образом гармонировали с величественными домами богачей. Инсулы простолюдинов, нежно кремовых цветов, с маленькими мансардами, гармонично вписывались в это фантастическое море. При этом насаженном друг на друга великолепии, ни у кого не повернулся бы язык назвать город «каменными джунглями». Напротив, среди замысловатых и богатых построек, встречалось огромное количество садов, рощ или просто зеленых насаждений. Город, словно чудесная жемчужина, переливался на солнце, блеском выбеленных фасадов и колоннад. Большого шарма придавала раковина, опоясывающая эту жемчужину. Она блистала легким оттенком светло-коричневых крыш, окаймленная роскошными вилами богачей, с виноградниками, полями пшеницы, садами и парками. Как и положено, населяли диковинное море, диковинные рыбы. Кого только не принял Рим под своим крылом. Город вмещал в себя самые разные народности, представители древнейших конфессий тесно переплетались между собой, одновременно, противореча и поддерживая друг друга. Несомненно, главным богом Рима, всегда являлся Юпитер. Грозный властитель, с верною супругой Минервой, лики, которых были отражены во множественных храмах, восседали духовными правителями и наставниками империи. Однако, это не мешало им делить власть с остальными иноземными верованиями. Существовали греки, с похожими, но звучащими на свой лад именами богов, имелись египтяне, заматанные только в набедренную повязку, славящими Амон-Ра и Анубиса, и конечно были африканцы, доказывающие люду вокруг, что страшный Бумба отрыгнул солнце, и с этого начался мир. Но мир духовный, есть мир духовный, а материальный – есть материальный. И в материальном мире тоже имелся бог. Только в отличие от своих небожителей коллег, он не терпел соседства, неуважения или неповиновения. Имя его и титул – Император Флавий Веспасиан. Всякий кто осмеливался оспаривать его статус, не приносить жертву в его честь или не произнести тоста за его здоровье, подвергался, нет, не гонениям, за такие проделки предусматривалась смертная казнь.

Таким представал город городов, в то незапамятное время. С таким населением и с такими порядками. Однако, о сравнении его с кем-то другим не могло быть и речи. Именно тут зародилась цивилизация, по образу и подобию которой, выстраивалась жизнь за пределами империи.

На дворе стоял июнь месяц. В теплом дневном воздухе начала появляться жара. Однако, она не была еще той жарой, что приходит в середине лета, с обжигающим зноем, а была еще той, греющей, ласкающей, и не сжигающей при мимолетном появлении на улице. Вечера напротив, расставляли всё по своим местам, заставляя глубже кутаться в одежды, напоминая, что лето только началось, и земля еще недостаточно напиталась теплом, чтобы раздавать его вот так, направо и налево. День набирал свой максимум световых часов, отводя для забот больше времени, и меньше оставляя на отдых. Богатые патроны старались принять пуще прежнего клиентов, жадные ростовщики пораньше начинали торговлю, и все как один преследовали единственную цель – жирнее поживиться. Однако, имелись тут и недовольные приходом, долгожданных июньских деньков. Невольники, подгоняемые пинками и тумачи хозяев, выполняли фантастические объемы работы, трудясь без перерыва, ради получения хозяйских барышей.

Усталость валила с ног, и даже усиленные пайки не спасали положения. В те дни умножалась смертность, а рабские побеги становились обыденностью. Но долю не выбирают, чаще она выбирает тебя. Поэтому послушные бедолаги в очередной раз смиряться с судьбой-злодейкой, и безропотно выполняли всё, что приказано господами. Главное не падать духом, а посему, в те редкие минуты отдыха и расслабления, рабы в шутку завидовали ослам, у которых в месяце имелся хотя бы один, но выходной день. Справедливости ради, стоит отметить, что и ослы иногда завидовали рабам, особенно в дни Сатурналий, когда тем позволялось не только не работать, но еще и питаться за хозяйским столом. А бывало и так, что сами хозяева, веселья ради, за этим столом им еще и прислуживали.

В один из таких дней, из-за горизонта, на вымощенной булыжниками дороге, ведущей из Остии, появилась навьюченная повозка. Она была запряжена одной белой лошадей, которая с некоторой леностью и, казалось бы, даже с возмущением тянула свою ношу. Стоит отметить, что причины тому у нее имелись самые, что ни на есть весомые. Каждый шаг жеребца смотрелся отчеканенным и вышколенным, в нем чувствовалась не поступь батрака, а аллюр искусного скакуна, закладывающийся не один год. Видимо народ совсем из ума выжил, позволяя себе впрягать в повозку этаких коней. Так думал и скакун, с негодованием тащащий за собой, скрипучую, доверху нагруженную телегу. Вскоре, следом за ним, появилась еще одна повозка, и еще, и еще. Процессии, вырастающей из-за пригорка, не виделось конца и края. Видимо какой-то богач решил на переезд или длительное путешествие. Все телеги были доверху набиты домашним скарбом, предметами мебели и роскоши, а также скульптурами, картинами, обрамленными в золотые рамы. Массивные огромные сундуки, поскрипывавая на телегах, сменялись более мелкими, однако, одно общее виделось в каждом из них. Они были до полна забиты и скорее всего еле-еле закрыты. Смотря на эти сундуки, казалось, что будь кочка посильнее, или какое-нибудь неловкое движение лошади, так они взорвутся от внутреннего напряжения. Стоило закончиться лошадям, им на смену, так же из-за пригорка, появились рабы, впряженные в телеги, по несколько человек. Причем стоит отметить, по скорости они вовсе не уступали, своим парнокопытным собратьям. Вереница обозов и телег тянулась нескончаемой линией, без конца и края. Глядя на ее неисчерпаемую прорву становилось понятно, почему благородных скакунов использовали в таких низменных перевозочных целях – добра было слишком много!! Но ничего вечного не бывает. Так и в этой процессии появились признаки спада, а если точнее, то закончились телеги. Однако, им на смену, из-за того же самого пригорка, выросли рабы одиночки, тащившие на плечах и в руках, остатки того, что не получилось положить на повозки. Чтобы они не отставали, рабов заботливо сопровождали несколько наездников, экипированных кнутом и прочим снадобьем, придающих сил бедолагам. Глядя на измученные лица наездников, лошадей и рабов, становилось понятно, что в пути они не первый день, и давно нуждаются в отдыхе. Общая утомленность, словно туча, тяготила и обременяла процессию. Но всему есть предел. Последний раб, несколько раз упавший, но поднявшийся без помощи всадников, прибавил ходу, дабы догнать ушедших вперед. Мгновение, его не стало видно, и на вымощенной булыжниками дороге воцарилась безмятежность и тишина. Процессия иссякла и закончилась окончательно. Снова загалдели птицы, зажужжал жук, то там то здесь застрекотали цикады нежась в теплых лучах июньского солнца. Однако, то считался конец грузовой процессии, но не конец шествия. Спустя несколько минут, оттуда, откуда и выходили и остальные, то есть из-за пригорка, появилась пара носилок. Их несли неспешно, с чувством и тактом, так, чтобы перевозимые чувствовали себя максимально комфортно. В первых из них, в белоснежных, с причудливым узором на крыше в виде льва, с запаянными алыми шторами, сидел старик. Его гордый орлиный профиль, с глубоко посаженными глазами и высоким лбом, внимательно осматривал дорогу и всё прилежащее к ней. Волосы на голове смотрелись редкими, а те, что остались, были собраны копной, и зализаны на затылок. Руки, безучастно сложенные крестом одна на другой, выдавали в своем владельце

человека с военным прошлым. О том можно было судить по многократным шрамам и боевым рубцам, украшающим кожу своего обладателя. Однако, не только это читалось по ним. Некоторая дрожь и постоянное сгибание кисти в кулак передавали нервное напряжение их хозяйина. Толи усталость, а может, и какие-то другие причины беспокоили его. Туника малинового цвета, с повязанной сверху белоснежной тогой, обнажали в старике, если не эстета, то точно богача, ибо вещи, одетые на нём, стоили весьма приличных денег. Однако, то было не совсем правдой. А если точнее, неправдой совсем. Дорогие материалы, идеальная модная укладка тоги не являлись его прихотью. То было желание женщины, сидящей прямо против него. На вид ей угадывалось лет, не более сорока пяти. Лицо ее еще хранило остатки увядающей молодости, но его уже обрамляли мелкие морщинки возле глаз. Однако, старым или хотя бы постаревшим, никто не смог её назвать. Напротив, в женщине читалась колоссальная работа и желание выглядеть прекрасно. Изумительные, густые волосы цвета каштана, спадали на плечи. Губы и глаза, по моде выделены искусным косметологом, а может и собственной рукой, отливали изяществом. Цвет лица и его кожаный покров были доведены до идеального, но главное, от нее исходил какой-то внутренний свет, заслоняющий собой даже свет солнца. Блуждающий взгляд, которым она с любопытством осматривала дорогу, выдавал в ней приезжую, а также говорил, что обладатель этого взгляда, человек ласковый, добрый и чуть-чуть уставший. Белая палла, так же, как и у спутника, уложенная на последний манер и накрахмаленная до блеска, облегла чуть-чуть тучную фигуру. Рука женщины, виднеющаяся из-под одеяния, поигрывала на солнце изящным браслетом в форме змейки с изумрудной мордочкой.

Сразу за ними, замыкали процессию, вторые и последние носилки, выполненные так же богато, как и первые, только выкрашенные в тускло-красный цвет, и несли их не восемь рабов, как предыдущие, а всего лишь шестеро. В них находился молодой юноша, одетый точно так же как и старик, сильно на него похожий внешне, но совершенно вымотанный длительной поездкой, и потому, еле-еле высиживающий на своем месте. Компанию ему составляла девушка, походившая на своего спутника и на старика одновременно, только черты ее лица, смотрелись более плавными и округлыми. Туалет спутницы составляла легкая белая туника, перехваченная поясом в области талии да сандалии, небрежно расстёгнутые на молоденьких ножках. На вид, молодым людям, было лет по пятнадцать – семнадцать. Оба казались энергичными и активными, как и положено подросткам, и посему, та чинная чопорность, которую они пытались на себя напустить, дабы выглядеть значительнее, не подходила им совершенно, придавая статусу не серьезности, а скорее комизма. Однако статус есть статус. Молодые люди, из последних сил сдерживали себя, чтобы не выпрыгнуть из носилок, не вскочить на коней, или на худой конец пешком не помчаться по дороге, напоив задеревеневшие в пути мышцы, таким необходимым для них движением. В этом прекрасном возрасте подрастающее племя нетерпеливо. Молодежь стремится жить скорее, чтобы успеть насладиться сполна, всеми дарами и сюрпризами, которые преподнесет им жизнь. Оба жадно смотрели вперед, желая поскорее добраться до пункта назначения и стряхнуть с себя усталость путешествия, этой нескончаемой, последней недели. Однако, не только это объединяло молодых людей. Общим было и то, что оба не желали этого переезда, оба противились ему по мере возможности, и у обоих не получилось на это повлиять. Как и для любого человека, переезд на новое место всегда связан со стрессом, но для подростка, выдернутого из понятной ему среды, в которой он знает всех и вся, и садят в новую, ему неизвестную, он болезненнее в три раза. Именно поэтому первые впечатления, которые сформировались у них о новом месте, оказались унылыми и печальными. Море тут виделось не таким лазоревым, природа не такой зеленой, дорога недостаточно хорошей. Хотя на самом деле, дороги близ столицы, считались лучшими во всей Империи. Но и молодых людей можно было понять. В данную минуту новизна их не манила, а отталкивала. Путешествие, выпавшее на долю нашим героям, считалось бы внушительным расстоянием для обычного обывателя, и не представляло ничего сверхъестественного для торговца, совершавший такие же, несколько

раз в год. Для неподготовленного путника, дорога казалась вечностью. А для путешественника предпринимающего сей вояж первый раз в жизни и вообще!! То была поездка наполненная опасностями, новыми впечатлениями, знакомствами приятными и не очень, удивительными открытиями и всем остальным, что могло бы потревожить сердце человека, впервые оторванного от дома. Путь их вел, из самого сердца северной Африки – Карфагена в Остию, с небольшой, по времени, пересадкой на Сицилии. Конечно, для такого путешествия должны иметься очень веские и основательные причины!! И они имелись. Разумеется, не у всей семьи. Они имелись у отца семейства, который, как и положено законам того времени, являлся полноправным хозяином и распорядителем жизни своих домочадцев. Но что же могло побудить его, взять и уехать из своего обжитого, красивого дома. Что могло заставить покинуть свое жилище, так удачно спрятанное в тени пальмовых алей, вызывающего зависть не только у простых смертных, но и у самых высокопоставленных господ. Что мотивировало его оторваться от друзей, от знакомых, от городских улиц, столь привычных, что даже не являясь их владельцем, они всё равно казались своими и родными. Причина крылась в том, что Флавиан, так звали отца семейства, принял предложение Луция Пизона, нынешнего проконсула Африки, сулившего тому в управление своё обширное владение, в деревеньке под Остией. Имение то было зажиточное и богатое, и по самым скромным подсчетам составляло более двух тысяч рабов, несколько тысяч голов скота, невиданной широты земельные наделы. Кроме того, вся империя знала не понаслышке утонченный стиль Луция Пизона, любителя изысканной красоты и бросающегося в глаза богатства, поэтому сомневаться не приходилось в том, что главным украшением этого владения близ Остии, несомненно, будет дворец его властителя. Тем не менее, все это не могло затмить по-настоящему, самого весомого и определяющего фактора. Того фактора, что почти все дикие звери, ввозимые из Африки в Рим, приплывали именно в порты Остии, и далее распределялись по указке проконсула или его доверенного лица, то есть теперь Флавиана. Назвать это место просто удачным язык не поворачивался. Это был подарок судьбы, дар Фортуны, касание Гермеса, обрекающее на богатство. Проще говоря, в данной области Флавиан становился монополистом!!! Хочешь праздника с дикими хищниками, иди к Флавиану. Нужно ли упоминать, что игры без зверей есть сплошное разочарование, скука и полное безвкусие. Игры без зверей это вообще не игры, а какое-то дешевое безобразие. Не один уважающий себя римлянин на них не пойдет, да и чернь побрезгует. Ведь если нет животных, значит, и гладиаторы там будут средней руки, значит, и призы будут так себе или их не будет вовсе. В общем, хотя об этом никто не говорил напрямую, Флавиан становился главным распорядителем Римских празднеств. Стоит ли напоминать, что игры мог захотеть только очень состоятельный гражданин, отчего интерес нового распорядителя выглядел весьма привлекательно. Разумеется, такое вакантное место не может быть пустым. Оно желанно и, пожалуй, очень многие мечтали бы о подобной должности. Теперь стоит упомянуть, что и до Флавиана, был распорядитель, приглядывающий за хозяйством, управляющий финансами, устраивающий сделки для Луция Пизона. Однако, несколько месяцев назад, проконсул получил письмо, из которого становилось ясно, что денег он явно не дополучает. Будучи человеком спокойным, он может быть и внимание на то бы не обратил, но позже ему стал известен размах мошенничества. Ладно бы речь шла о том, что Марий (так звали управляющего) прикарманил себе чуть-чуть. Но нет, по слухам, барыши со сделок вычислялись ауресами, а не сестерциями. Размах воровства и безнаказанности достиг неприличных размеров, и когда пошла молва, будто распорядитель строит себе дом, по красоте и убранству, с которым, не сравнится и усадьба господина, судьба вора окончательно решилась. Вердикт решился довольно быстро, и вскоре Марий познакомился лицом к лицу, с питомцами, которых имел удовольствие продавать на празднества, и на которых так удачно наживался все это время.

Начало смеркаться, когда караван повозок, с измученными людьми и животными, наконец- то добрался, до финальной точки своего путешествия, до виллы Луция Пизона. Размах

ее поражал не только своими размерами, но и великолепием. Уже на подъезде к центральным воротам, по дороге, тянущейся вдоль белокаменной стены, их начали встречать, взгромождённые на постаменты статуи, вырезанные из мрамора с ярко раскрашенными красками деталями одежды и тел. Тема скульптуры являлась самой, что ни на есть, разнообразной. С одной стороны, на проезжающих смотрела молодая девушка, с белым, как алебастр, лицом и голубыми глазами. Волосы ее были завиты на макушке, а на руках она держала маленького ребенка, захлебывающегося от плача, и пытающегося вырваться из неудобных ему объятий. С другой стороны, смотрел Марс, облаченный в доспехи, в шлеме с богатым плюмажем, вооружённый копьем, и с прислоненным к ноге щитом. Меж памятников, и как бы на заднем плане, дорога пестрела усаженными деревьями, кустарниками и цветами. Непосредственно вилла находилась в низине, и подъезд к ней хитроумно прятался в тени вековых рощ, скрывая путников от палящего зноя и духоты. Подъезжая ближе, воздух наполнялся бодрящей свежестью и гомоном птиц, перепрыгивающих с одной ветки на другую, чтобы лучше рассмотреть уставших странников. Путники, хотя и тащились еле живыми от усталости, попав в этакий оазис, открывали рты от удивления и восторга. И действительно, подобное не каждый день встретишь, и не везде увидишь. Гуляя по подобным аллеям, утопающих в зелени и гомоне птиц, пропитанной ароматами разнообразных кустов и фруктов, невольно ощущаешь себя императором, не меньше.

Когда последние носилки поставили против ворот, ведущих во двор, то яблоку оказалось упасть негде. Создавалось впечатление, что все жители Остии высыпались на улицу, встречать именитых гостей. На самом же деле нет, всеми жителями оказалась только прислуга. Обилие народа смотрелось таким плотным, что в этой немой суматохе, люди могли попросту передать друг друга. Однако по-другому, встречать новых хозяев, было не принято. Выстроившись амфитеатром против входа, рабы безмолвно приветствовали нового господина. Впереди, как будто бы на показ, выставлялись рабы посильнее, покрасивее и понаряднее остальных. То считалось стандартной процедурой, хотя необходимости в ней не было, ведь хозяйство не передавалось от прошлого владельца к будущему, а можно сказать, наследовалось. На задворках приветствующих находились те, на которых без слез не взглянешь, но именно поэтому они и стояли на задах, чтобы рассмотреть их с фронта не было никакой возможности. Надо отметить, что люд встречающих оказался самым разнообразным и разношерстным: огромные белесые галлы, скорее всего племени гельветов, стояли рядом с широкоплечими фракийцами, грязные волосы которых собирались копнами на макушках. Их проряжали, будто комья талого снега, седые мудрецы афинийцы и фиванцы. Но больше всего, несомненно, было негров, привезенных с самых разных сторон Африки. Тут стояли черные как земля нубийцы, славящиеся силою и покладистым характером, стояли эфиопы, за которыми справедливо закрепилось звание умелых земледельцев, стояли и еще какие-то народности, определение которых, не представлялось возможным. Одеты трудяги были, как и подобает рабам, во что попало. Однако, это не отменяло принципа расположения. На передних встречающих, что попало было свежее штопанное и не затертое до дыр, на тех же кто теснился сзади, с точностью до наоборот. Если же брать что-то промежуточное, то есть средний ряды, то выглядели они примерно так: грязные туники перемешивались с набедренными повязками, истрепанные сандалии гармонично тасовались и разодранными шляпами. Однако, при всем этом общем «великолепии», бросалось в глаза то, что к появлению нового господина двор готовился. Лохмотья, хоть и драные, но недавно постиранные. Рабыни, будучи сильно измотанными, а все равно, по-бабьи старающиеся составить прически на засаленных головах, дабы произвести впечатление более ухоженных, на будущего хозяина. Имелось и ещё одно общее чувство среди присутствующих. Причем не важно, где находился раб, впереди или в конце толпы встречающих. На бронзовых лицах, в усталых глазах этого сборища застыл один и тот же немой вопрос, в разных формулировках конечно, но с одинаковым смыслом: Кто их новый господин? И от этого главного вопроса, косяками, стаями, отлетали остальные вопросы второстепенные: Чего от него ждать? Добр ли он? Строг

ли? Справедлив или безрассуден? Каким богам поклоняется? Всё это стало одинаково важно, ибо теперь и жизнь их и смерть, зависели всецело только лишь от его желания.

Пару носилок, под общий выдох толпы, поставили на землю. Однако, вопреки ожиданиям, первыми из них, вместо хозяина и хозяйки, появились молодые люди. Словно два олененка выпрыгнули они из своего заточения на землю. Одеревеневшие и затекшие члены ломили после долгого сидения, и потому были непослушными. Первые шаги молодых людей, походили на первые шаги только что родившихся оленят. Они выглядели натужными и трясущимися. Юношу звали Луций, а спутницу, которая, приходилось ему родной сестрой, Муцией. Оба, красивые от природы, оглядели усталым, но уже веселым взглядом собравшихся.

Луций смотрелся высоким симпатичным парнем, с вьющимися, черными как смоль, волосами. Согреваемый отцовской кровью, он, так же как и родитель презирал убранство внешнее, представляя пред кучею слуг, мятым, непричесанным и даже чумазым. За ним, в отличие от родственника, некому было посмотреть в носилках, да и не сильно переживал он по этому поводу. Хотя, скорее всего зря. Ведь за такой внешностью как у него, стоило и посмотреть. Правильные черты лица, немного смуглая кожа, не по-детски широкие плечи и крупные руки. Надо отметить, что богиня Венера благосклонно смотрела в его сторону. Уже в детском возрасте мальчику предрекали множество побед над слабым полом. Впору добавить, что и Марс не поскупился на его создание, наделив юношу помимо крепкого тела, сильным духом, быстрым живым умом, твердым и властным характером. Однако, то относилось к Луцию мальчику. Наш же герой стремился взрослеть. Уже сейчас глядя на одного отрока угадывалось, что он уже не какой-нибудь озорной подросток. Переходный возраст являлся сегодня его спутником. Быстрый ребячий взгляд, менялся на более тяжелый, властный и неспешный. Походка, следуя за взглядом, да и вообще поведение, превращались в мужские, постепенно стирая в памяти остатки детского озорства, оставляя от них лишь приятные воспоминания прошлого. То были изменения, которых он сам желал, стремясь во всем походить на отца. Сестра же напротив, не торопилась взрослеть, постоянно хохоча и радуясь жизни. Девушка жила беспечно и легкомысленно. Она веселилась от всего и со всеми. Да и почему не веселиться!!!! Афродита наградила ее красотой, стройным станом, ласковым взглядом; Минерва подарила уже в столь раннем возрасте способность по-женски мудро разбираться в деталях жизненных перипетий; не поскупилась и Фортуна, одарив красавицу богатыми и добрыми родителями, под крепким крылом которых, чего-то плохого, просто не могло произойти.

Следом за детьми, носилки покинули и родители. Флавиан, стряхнув с себя усталость, властным взглядом осмотрел толпу перед воротами. Из первых рядов ему навстречу, неуклюжа торопясь, вышел немолодой розовощекий человек, облаченный в темную тунику, тянущуюся от плечей и до самых колен. Надо отметить, что сшита она была по фигуре, идеально сидела на крепком теле, обрамляя золотистыми кантами мощную шею и крепкие руки. Лицо его, чуть-чуть пухлое и строгое, совершенно не гармонировало с резким и холодным взглядом, выдавая в своем владельце, человека делового и сурового. Однако, при виде нового хозяина, это лицо преобразилось, став мягким и услужливым, как того требовала должность. Это был Палла, управляющий именем вилик. Рабы расступились, пропуская его вперед, а после, стоило тому пройти, сомкнулись полукольцом вокруг, чтобы тщательнее расслышать всё, о чем будут говорить.

– Приветствую тебя, господин! – сказал толстым, басистым голосом Палла. – Пусть боги Рима, Греции, и остальных верований, будут к тебе благосклонны, и не забудут тебя в новом месте. Мы же с рабами, будем служить тебе верой и правдой, будем работать так усердно, что с улыбкой на лице ты вспомнишь тех недостойных, оставленных в Карфагене, бывших слуг своих, и никогда не захочешь вернуться к ним обратно.

Он хотел говорить еще и еще, но Флавиан грубо перебил его.

– Я слишком устал за время поездки, чтобы слушать твою лесть. Оставь ее до завтра, – патриций прошел вперед, и не поворачивая головы добавил:

– Когда я отдохну, ты покажешь мне имение, и знай твёрдо, будь ты хоть трижды хитер как Гермес, я всё равно увижу правду, и не приведи Юпитер, она мне не понравится, – при этом он так посмотрел на вилика, и близ находившихся рабов, что мелкая дрожь пробежала по их телам, оставляя холодный след на спинах.

Рабы застыли в ожидании, впереv в нового хозяина испуганные моргающие взгляды. Бедолаги не знали, что им предпринять, дабы он смягчился. Однако властитель внимания на это не обращал. Будучи человеком военным, он ненавидел бездействие. Бегло обведя взглядом перепуганную толпу, Флавиан сделал несколько шагов вперед, навстречу к ним, и это возымело действие разорвавшегося вулкана. Рабы очнулись от оцепенения, словно кто-то протрубил наступление. Не осознавая себя, машинально, они принялись за работу, по пути соревнуясь в скорости и услужливости, друг с другом. Те, что стояли спереди бросились бегом разгружать повозки, распрягать лошадей, которые находились чуть поодаль, помчались в дом, чтобы заняться привычными делами и встретить нового хозяина уже в родных стенах. Каждый старался максимально пристроить себя и желательно так, чтобы хозяин видел это. Флавиан же с довольной улыбкой осмотрелся. Эта картина «жужжащего роя, разбуженного дымарем пасечника» была ему приятна и знакома. Еще служа в легионе, отдавая приказ, не один и не два раза, он видел похожую картину. Чуть-чуть постояв, и утвердительно кивнув головой, старый воин двинулся ко входу, сопровождаемый семьёй, и виликом Паллой, быстро семенящим вперед.

Пройдя огромные деревянные ворота, украшенные по центру двумя массивными бронзовыми козлиными головами с металлическими кольцами в ноздрях, они оказались в большом саду. Хотя, именно садом его можно было бы назвать с натяжкой. Скорее это был лес, с выстриженными зелеными лужайками, с вымощенными шлифованными камнями дорожками, с фонтанами, с кипарисами изыскано постриженными на современный манер. Пройдя вперед, пред путниками возник коридор арочного типа, с полом выложенным ярко красной мозаикой. Это коридор казался достаточно широким и при желании, в нем могли бы разъехаться пара повозок. У правого края, на цепи вмурованной в стену, сидел огромный чернокожий раб, испуганно мигающий глазами на входящих. Слева, прямо против раба, точно в таком же незавидном положении находилась черная пантера, так же прикованная цепью, возбужденная всеобщим волнением, тихонько ревушая, и замышляющая броситься на любого, кто окажется в зоне ее атаки. Минуя их, путникам открылся просторный зал. Это был атриум. Свежий и прохладный, он настраивал гостей на домашний лад. Сев на маленькие скамеечки, услужливо приготовленные для входящих, семья отдалась в руки рабов – мойщиц. То считалось давней и доброй традицией, проистекающая из самых недр цивилизации, подвластной исключительно влиятельным особам. В задачи молодых приятных девушек, что разместились подле скамеечек, входило освобождение усталых хозяйских ног от обувного бремени, омовение их чистой студеной водой, а также быстрый восстанавливающий массаж снимающий напряжение с изнуренных стоп. Пока этот незатейливый, но очень замечательный процесс длился, семья немного осмотрелась. Атриум представлял собой вытянутое прямоугольное сооружение, выложенное плиткой разных цветов, но эта палитра не имела вид разобранный. Напротив, чувствовалась рука мастера – архитектора, который создал, а потом воплотил в жизнь, свой проект. Стены снизу чернели цветом смоляного опала, который приобретал более светлый оттенок, поднимаясь выше. Средняя линия, по периметру, была облицована камнем песочного оттенка с неровной текстурой, а верх, неожиданно для всех, зеленелся темным изумрудом. Композиция смотрелась интересно и довольно неожиданно. Она, скорее нравилась большинству увидевших ее, и совершенно точно не оставляла никого равнодушным. Пикантности добавляли чаши на длинных тонких ножках, расставленные по четырем границам атриума, с зажжёнными в них языками пламени, отбрасывающие на стены причудливые тени. Создавалось впечатление, что эти

тени танцуют для гостей!! В середине зала, как и положено стилю того времени, не хватало части крыши, и яркое солнце забрасывало свои светлые лучи, внутрь постройки. Под открытым небом находился бассейн – имплювий, собиравший в себя дождевую воду. Края его чернели выложенные грубым камнем, а кант отливал, причудливой формы, карнеолом. Опоясывали имплювий мощные белокаменные колонны, со спирально закрученными рельефами по всей длине и лепниной в виде расправленных листьев у оснований. Неподалёку находился декоративный мраморный колодец, и на него как бы навалившись, опиралась статуя красивого молодого юноши, шутливо сверкающего глазами. Стены атриума украшали картины-гобелены, с изображением мифологических персонажей, бывших властителей, членов фамилии хозяина виллы. Лишь потолок оставался снежно-белым, нетронутым, натянутым на атриум, как будто шкура на барабан. Недаром этот зал считали центром римского дома, ведь отсюда можно было попасть в разные его участки: в спальни, на верхние этажи, предназначенные для размещения рабов, в рабочий кабинет, который теперь принадлежал Флавиану.

Процедуры омовения наконец-то закончились и услужливый Палла, предложил следовать за ним. Опытный вилик смотрелся похожим на кота, семена маленькими аккуратными шажками и ведя за собой властительное семейство. Кланаясь и улыбаясь, он привел гостей в перистиль. Стоило им перешагнуть порог, как они оказались в саду. Нежная и мягкая прохлада распахнула пред усталыми путниками свои объятия. Влажный запах свежести, перемешанный с ароматами плодовых деревьев, ударил в нос, заставив на секунду поверить, что они находятся где-то на волшебной реке, а не в перистиле Луция Пизона. В середине сада находился бассейн, с кристально чистой голубой водой. В двух противоположных друг от друга углах, на берегах этого самого бассейна, возвышались два мраморных фонтана. Тот, что ближе к входу, изображал Нептуна, грозного, возвышающегося из волн, осыпаемого пеной брызг. Он повелительно разводил руки в разные стороны, как бы приглашая гостей насладиться его благами. В левой руке, водяной бог крепко держал трезубец, а правая, сжатая в кулак, демонстрировала смотрящим власть и силу его над морями. Дальний фонтан, напротив, смотрелся нежным и грациозным воплощением богини Исиды, присевшей на одно колено, и раскинув руки-крылья порознь. Вдоль бассейна, ближе к воде, по всей длине берегов играл красками восхитительный сад. Аллеи кустарников и растений благоухали для гостей изумительными ароматами, а по дорожкам выложенным среди сада, важно выхаживали павлины, раскинув для важности свои разноцветные хвосты. Среди зеленого постриженного благолепия, может быть для красоты, а может и для придания большего аромата, раскинули невысокие кроны плодовые деревья. Росли тут, витиевато уходя в небо, черешни, груши и яблоньки. Все как один стройные, молодые и аккуратные. Опоясывала же дивным сад, крытая мраморная галерея, с фронтонными белеными колоннами, тянущаяся по всем четырем сторонам перестили. Пол в этой галерее, специально выкладывался белой блестящей плиткой, чтобы солнце, отразившись от него, могло освещать стены, искусно исписанные художниками, рассказывающие сцены былой славы Рима, мифы и легенды божеств.

Постояв немного на месте, так чтобы новые хозяева смогли сполна насладиться красотой и величием галереи, Палла повел их дальше. Надо отметить, что дорога не была дальней, всего-то и следовало пройти в конец перистилия, где прислоненная к стене, скрывалась от взоров летняя беседка, сплетённая из тонких ивовых прутьев. Всё ее пространство было искусно украшено цветами. Здесь хочется пояснить, что слово украшено, не в полной мере отражает присутствие цветов в беседке. В ней они находились повсюду. Цветы вплетались в стены, рассыпались по полу, спадали с потолка, стояли распрямившись, во всевозможных вазах. Помимо того, невозможно передать словами аромат, источаемый беседкой. Казалось, что ты находишься в поле, в саду и в лесу, да где угодно, но только не в строении возведённом человеческой рукой. От столь небывалого количества запахов могла закружиться голова. Однако, композиция не заканчивалась только лишь цветами. Они являлись основным ее фоном и только.

Пол беседки оказался достоин восхищения ничуть не меньше стен. Он представлял собой элегантную постриженную зеленую лужайку, присыпанную сверху лепестками роз. Внутри этого чудесного строения стояло несколько круглых столов, ножки которых были обложены мхом таким образом, что их становилось не видно и создавалось впечатление, будто бы эти столы, словно зеленые кочки, росли прямо из земли. К ним, как и положено, прилегали три обеденные кушетки, в форме плетеных гамаков, накрытых шелковыми накидками. Под потолком, на специальных крючках, висели золотые клетки с попугаями разных размеров и расцветок. Они наполняли беседку веселым гомоном, а также несколькими заученными озорными фразами, проговариваемые гнусным акцентом. Что же касается обеда, то легкие закуски уже манили едоков гастрономическим вождением, сервированные на зеленых кочках. Однако нет, не как обычно в вазах и пиалах находились кушанья. Посуда соответствовала, под стать беседке. На столе, ломились изобилием плетеные корзины с фруктами, деревянные чаши, искусно увитые виноградными лозами, манили усталых путников вином. Тарелки, казались вырезанными из коры и соблазняли гостей разнообразными закусками.

Палла жестом пригласил господ занять места за столом. Новые хозяева принялись рассаживаться, и как только руки оказались вымытыми, откуда-то из-за угла беседки, которого и видно не было, послышались нежные звуки музыки. Сначала ритм струнных инструментов был слегка уловим, но с каждым появлением в нем ударных, нарастал. Мгновенье, словно из воздуха, в беседке появились девушки танцовщицы, в легких прозрачных нарядах, с лентами, вплетенными в волосы. Девушки служили фоном для кушанья, а не каким-нибудь расслабляющим блюдом, на которое стоило бы отвлекаться. Начался обед. Пока закуски перемещались с пиал на тарелки, раб находившийся неподалеку, принялся громким голосом объявлять:

– Суп из птичьих гнезд!! – огласил он.

Надо отметить, что при оглашении раб скорчил такую надменную физиономию, что у обедающих невольно сложилось впечатление, будто бы они всю жизнь, только этого супа и ждали. Однако, нельзя сказать, что он не угадал. Услышав название блюда, Эмилия, мать семейства, восторженно сложила руки ладонями друг к другу, и ахнула от удивления и восхищения. Еще будучи в Карфагене и болтая с подругами о чем-то не важном, их разговор коснулся деликатесов из страны шелка. Камиция, жена одного из высокопоставленных сенаторов, как-то невзначай упомянула, будто бы ей довелось попробовать блюдо с очень странным названием «Суп из птичьих гнезд». Вкус его она нарочно описывать не стала, возможно, назло подругам, а возможно и по каким-то другим причинам. Да и не важно это сейчас. Тут основную роль играл вовсе не вкус, тут на первое место выходила именно невозможность попробовать его остальным. Ведь если пробовала Камиция, а остальные не пробовали, у неё, как бы само собой, вырисовывалось некое преимущество. Поговорили и забыли, однако теперь, вновь услышав это название, Эмилия заново распалилась. Сложность попробовать суп остальным не куда не девалась. Как и положено, все то, что не досягаемо, становится во сто крат привлекательней, и попробовать этот злосчастное блюдо, стало в своё время, чуть ли не мечтой Эмилии. Она вспомнила беседу с Кимицией, вспомнила ее чуть-чуть надменный взгляд. Вроде и было давно, а как будто бы только что!! Разумеется, в тот момент она и виду не подала, что хотя бы капельку завидует. Как и положено матронам, они обсудили этот суп с некоторой насмешкой, но каждая признала, где-то внутри себя, что хотела бы его вкусить. Именно поэтому, объявление о подаче супа, вызвало такую радость у матроны. Еще больше грела мысль о том, что она первая попробует его, а после, сможет описать это удивительное блюдо подругам. Прекрасное настроение вылилось в восторженный взгляд, который она перевела на мужа, и утвердительно кивнув тому, дала понять, что задумка с блюдом пришлась ей по душе.

Внесли небольшую кастрюлю, на широком подносе, украшенную бледно-нежною бирюзой. Следом появились глубокие тарелки с искрящимся кантом, и наборы увесистых деревянных ложек. Будучи уставшими и голодными с дороги, предвкушение блюда превзошло

все возможные и невозможные ожидания. Фантазия не рисовала чего-то конкретного, просто содержимое кастрюли, казалось каждому вкусным по-своему. Луций и Флавиан, мечтали о чем-то круто сваренном и мясном. Эмилия и Муция, наоборот, о чем-то воздушном и утонченном. Однако рабы не дали им возможности долго мечтать. Сдернув крышку с блюда, пред едоками предстала киселе-подобная жидкость, светлого-розоватого цвета. Рядом, на вытянутом подносе, лежали куриные фрикадельки и кусочки хлеба перемолотого с зеленью. На вид это что-то тягучее, совершенно не разогревало аппетит. Напротив, мутная жижа источала неприятный запах, и являлась отвратительной для глаз. Тем не менее, изысканный деликатес, есть изысканный деликатес. Тарелки наполнились блюдом и расставились против каждого гостя, дабы те вкусили утонченного гастрономического изыска. Семья переглянулась между собой. После посмотрели на обрадованную и излучающую счастье мать, и молча, внутри себя согласились с тем, что попробовать это все-таки придется. Вкус не понравился никому, быть может, потому, что его и не было вовсе. Однако, вида никто не подал, дабы ни выказать неуважения к Эмилии, безмерно счастливой, от такого изящного наслаждения. Следующим блюдом шли фаршированные петушиные гребешки, поданные с кислыми сортами жареных яблок, и пришедшиеся по вкусу каждому. Далее ассорти из морепродуктов, приготовленных в кокосовом молоке, языки фламинго, устрицы, морские ежи, а закончилась трапеза десертом, выполненным в виде горы фруктов облитых растопленным медом.

Обед закончился. Усталые гости, словно насосавшиеся крови комары, отвалились на ложах. Подобное обжорство случается после длительного голодания, или если питание не соответствует твоему рациону. А как известно, еда в путешествии не всегда свежа и разнообразна. Именно поэтому, гости набросились на блюда, словно некормленные собаки, и с жадностью, запихнули в себя больше, чем того требовал голод. Однако римская трапеза никогда не состояла только из блюд. Стоило гостям показать, что кушать они попросту больше не могут, как в беседку вбежали белокурые кудрявые мальчики, лет, наверное, шести, в белых туниках и сандалиях, закрепленных ремешками на маленьких ножках. Семья слышала про старую и добрую традицию богачей, вытирать руки о кудри незрелых юношей, однако самим быть ее участниками, никогда не доводилось. Мальчишки подбежали к кушеткам, услужливо стали на колени перед хозяевами, согнув при этом маленькие головки и уперев подбородки в шупленькие грудки. Процесс вытирания начался. Это было потрясюще!! Кудри оказались мягкими и воздушными словно пух. В связи с этим жир, с удивительной быстротой переключался на волосы, сделав их сальными и толстыми. Традиция очень понравилась семье. Конечно не самим содержанием, ведь руки, с таким же успехом, можно было и помыть в лимонной воде. Традиция понравилась размахом!! Именно тем, что не каждый мог себе ее позволить, а они теперь могли. Настроение стремительно росло вверх, однако тягость путешествия, навалилась с новыми силами. Как известно, плотный обед лучший друг полуденного сна. В пору было и отдохнуть. Первым с кушетки встал Флавиан. Патриций одобритительно кивнул виллику, давая понять, что обедом он остался доволен. Однако, будучи человеком деятельным, даже в миг тяжелой усталости, он не только отблагодарил управляющего, но и успел дать первые наставления. Флавиан велел, чтобы на следующий день, Палла выстроил всех рабов, трудящихся в имении, на полях, в зверинцах, даже тех, кто сидел в эргастулах, одним словом всех, в две шеренги. Дождаться они его должны были на поле, обязательно голые, облаченные лишь в повязки, закрывающие срамное. Новый господин желал осмотреть свое новое имущество.

Утро выдалось погожим. Солнце встало несколько часов назад, но не успело прогреть воздух до полуденного зноя, делая пребывание на улице комфортным и освежающим. Белые, пушистые облака сновали по небу взад и вперед, подгоняемые неспешно дующим ветром. Жизнь вокруг замерла в предвкушении важного события, которое должен был огласить новый хозяин. Работы в полях, как и положено, отменились, согласно распоряжению нового госпо-

дина. Рабы, выстроенные вдоль барачков, терпеливо ждали появления Флавиана, при этом тихонько переговаривались между собой, пытаясь угадать, зачем этот маневр придуман.

– Наверное, хочет объяснить нам новые правила, – говорил один невысокий, сгорбленный от работы старичок.

– А я слышал, что он сильный хозяин!!! Скорее хочет посмотреть на свое хозяйство, и на нас конечно. – отвечал ему второй.

– Нет!!, – вмешался третий, – он хочет

Но раб не успел договорить, как из-за деревьев появился Флавиан, сопровождаемый своим сыном и виликом Паллой, бегущим впереди и услужливо указывающим дорогу. Они разгоряченно спорили, это стало слышно по отрывкам слов, доносящихся с их стороны, и видно по активной жестикуляции разговаривающих. Когда хозяева поравнялись с первой шеренгой, то смысл их диалога стал обретать понятный и ничего хорошего не суливший, смысл.

– И я не намерен кормить дряхлые рты, не приносящие ничего, кроме боли от созерцания их сущности – доказывал старик своему сыну, раскрасневшись от нервного напряжения, и раздосадованный упрямством ребенка. Однако, на Луция его полукрик совершенно не действовал. Он был по-прежнему спокоен, холоден взглядом и уверен в себе. Это одновременно бесило и радовало отца.

– Ты хотел услышать мое мнение отец, и я его еще раз тебе повторяю!!! Неправильно делать выборку по внешнему виду. Надо посмотреть на трудяг за работой, посоветоваться с надсмотрщиками, дать каждому возможность проявить себя. Но, разумеется, окончательное решение будет принято только тобой – отвечал подросток монотонным голосом, с примесью пренебрежения.

Отдышавшись после прогулки и спора, Флавиан окинул злобным взглядом выстроенных рабов. Еще раз посмотрел на сына, как бы спрашивая его не передумал ли тот, и не увидев правильного ответа, пошел вдоль выстроенных рядов, показывая пальцем то на одного, то на другого невольника, злое добавляя: «Ты». Следом шел Палла, запоминая выбор господина. Луций остался стоять на месте, провожая отца равнодушным, безразличным взглядом. Меж тем, выборка Флавиана не заняла много времени и по ее окончании, никому не говоря не слова, хозяин молча направился восвояси. Он был зол и даже можно сказать, смотрелся взбешенным поведением сына. Его раздражало не то, что сын с ним не соглашался, а то, что у него вообще есть альтернативная точка зрения, и она не похожа на его. Ведь он растил и обучал сына с самого измальства, и делал это правильно!! Откуда взялся тогда этот глупый гуманизм?? Всё тлетворное влияние матери!! Ух, устрою ей баню, как попадетса мне на глаза. Флавиан громко плюнул через плечо и не оборачиваясь растаял за деревьями. Меж тем Луций и вида не подал, что его это как встревожило или расстроило. Он так и остался стоять совершенно невозмутимым и теперь, с этим же ледяным спокойствием, наблюдал за дальнейшим развитием событий.

С уходом господина стало так тихо, что в воздухе слышалось дуновение ветра или перелет одинокой птицы, хлопающей крыльями, над их головами. Сотни испуганно-взволнованных глаз впились в Паллу и Луция, взглядами полными надежды, тревоги и страха. Шума не было, каждый из стоящих в шеренгах боялся нарушить это мгновение. Каждый понимал, что вот-вот произойдет что-то ужасное, необратимое. Все как один догадались, что хозяин не просто так приходил, и не просто так выбирал бедолаг. Критериев отбора тяжело было не заметить. Перст властителя, безошибочно, определял в толпе слабых, больных и измотанных. Предполагать другую участь для них оказалось, решительно, невозможно. Сегодня происходила чистка, в самом суровом её проявлении. Солёные струйки слез потекли по загорелым и запыленным лицам, ведь не один год прожили они вместе, под одной крышей. Сегодня не было важно, выбрали тебя или нет, сегодня каждый терял кого-то. Молча, вытирая влажные глаза, грубыми от работы руками рабы переглядывались между собой, не произнося не слова.

Да и не нужно ничего говорить. Всё и так понятно. Они прощались. Прощались еле заметными кивками, короткими быстрыми перемигиваниями, еле заметными движениями. Прощались взглядами, в которых, лучше всяких слов читались грусть, скорбь и отчаяние. Как будто бы невзначай, вторя происходящим событиям, из-за бугра показалась вооруженная охрана, с обнаженными, переливающимися при свете дня, клинками. Общий вздох страдания вырвался из тысячи грудей. Чистые слезы, тонкими струями, увлажнили даже самые крепкие лица рабов, привыкших к лишениям. Сейчас для кого-то обрывалась жизнь, кто-то терял отца, кто-то мать или друга. Однако, все как один стояли в шеренгах, не решаясь пошевелиться. Ведь приговор еще не оглашен, а значит, какой-то мизерный, незаметный шанс все-таки есть. Вдруг я ошибся, вдруг мой сосед тоже неправильно подумал, вдруг ничего не произойдет. Таким вот горьким иллюзиями тешили себя работяги на закате своего бытия. Вилик, опытный в подобных делах, дабы не допустить беспорядков, быстрой скороговоркой, начал оглашать:

– Всем, на кого указал перст господина, остаться. Остальные возвращаются обратно на работы. Быстро!!! Быстро!!

Стоило этим словам слететь с языка, приученные к повиновению рабы, полубегом помчались на рабочие места. Для придания им скорости и уверенности в правильно выбранном решении, в воздухе засвистели хлысты надсмотрщиков. Сперва они рассекали воздух, но уже через несколько холостых щелчков, перебрались на спины неторопливых и зазевавшихся работников. Вскоре двор опустел, лишь в середине его осталась, боязливо озираясь, не большая группа людей, вырванных из общей массы. Испуганные, подавленные, ожидающие очевидного приговора, и от того, кажущиеся еще жалче, стояли рабы, вода тощими шеями с нанизанными на них головами, из стороны в сторону. Эта маленькая кучка, имела один общий признак – слабый, негодный для работы, невзрачный вид. Кто-то был старым и дряхлым, другие явными инвалидами, остальные смотрелись настолько тощими и убогими, что даже будь они лучшими работниками в своем ремесле, в это ни кто-бы не поверил. Невозможно не угадать намерения нового хозяина, однако, та непонятная надежда на лучшее, живущая в каждом человеке, теплила их измученные сердца. Хотя, разумеется, это было не так. Флавиан, будучи человеком военным, имел взгляд на всё конкретный и практический, без рассусоливаний и лишней болтовни. Жизнь для него считалась простой и понятной. Если раб здоров, он будет работать и приносить прибыль. Если болен, то надо понять можно ли его вылечить, и нужно ли то. Старший центурион легиона прекрасно разбирался в человеческой натуре. От старости и убогости он знал одно лишь средство, и знал, что других никогда не придумают, или будет то не на его веку. Новый хозяин решил отсеять хороших рабов от плохих, тем самым сократить расходы на их содержание, хотя в этом и не имелось особого смысла, ибо Луций Пизон был действительно очень богат. Скорее Флавиан делал это бессознательно, машинально, потому что так считал правильным, а не в целях экономии. Просто потому что так надо, потому что это рационально. Кроме того, как и положено человеку только что поставленному на новое место, ему хотелось сразу проявить себя. Зная, что слух об этом действе разлетится по округе, Флавиану хотелось, выглядеть рачительным хозяином, а для рабов считаться твердым, жестким, но в тоже время справедливым хозяином. Именно поэтому, перспективы самые печальные, ожидали оставшихся во дворе. Каждый из них знал какая участь постигает рабов, более не годных к труду – их отправляли, на так называемый, остров Эскулапа. На остров, где по легенде жили врачи, помогающие и подлечивающие больных, невзирая на социальные признаки. Но эта была лишь красивая легенда, неподтвержденная никем. Всё потому, что никто не помнил такого случая, чтобы раб вернулся оттуда здоровым, или вообще, чтобы раб оттуда вернулся. То был вымысел, в котором убеждали хозяева, в который хотелось верить рабам. Ведь надо же во что-то верить!! Быть может рабы, подлечившиеся на острове, определялись в другие места, а не в прежние. Ходили и такие слухи, но и им подтверждения не находилось. Правдой же, опять-таки бездоказательной, было совершенно другое. Слух более конкретный,

и по своему содержанию, более возможный, выглядел так. Остров есть действительно, и на него, безусловно, отправляют. Только вот нет там врачей, нет жилищ, нет еды и питья. Ждет на острове бедолаг, смерть голодная и мучительная. Зная Рим, зная его отношение к рабам, в это верилось намного больше, хотя и неохотнее. А для кучки бедолаг, оставшихся на поле после отсева, момент истины наступал прямо сейчас. Кое-кто из них уже успел подготовиться к такому развитию событий, потому что знал, неоднократно убедившись в этом на своей шкуре, что век раба короче, чем век свободного человека. Тело под непосильными нагрузками, стареет быстрее, а душа, теплящаяся, словно уголек в брэнной оболочке, начинает уставать от постоянного созерцания каторжной жизни. Тягость, накопленная годами, начинала проситься наружу и требовать отдыха, пускай даже и таким немисливо ужасным образом, как смерть. Этот конец закономерен. Так и должно быть. Любой человек смертен, и раб не исключение. Воин погибает на полях сражений, гражданин – в своем доме. Удел невольника – остров Эскулапа. Понимая это, рабы полупешотом начали молиться своим богам, поднимая измученные глаза к небу. В них не читалось страха, сожаления или злости. В них текла покорность своей судьбе. Однако, не все оказались готовы к подобной участи.

Те, кто слабее духом, бросились к ногам вилика с просьбой заступиться. Чувствуя дыхание смерти, ощущая ее костлявую руку у себя на плече, они просили рассказать новому хозяину, что внешний вид обманчив, что квалификация которой они обладают, действительно высока. Бедняги визжали в голос, заклиная Паллу, немедленно мчаться к господину и доказывать тому, что польза от них настолько огромная, что глупо отказываться от этих специалистов прямо сейчас. Они доказывали, обращаясь уже к солдатам: «пусть сначала найдет нам замену, после убивает. Ведь ежели ему об том не рассказать, то вам за это будет!! Точно будет!! Ух и расправится же он с вами, как только поймет свою ошибку». Однако, никакого эффекта их вопли не возымели. Кто-то из несогласных, бросился в поля напоказ работать, дабы своим усердием заслужить прощение. Но убежать от тренированных воинов, считалось делом, решительно, невозможным. Рабы разрывали воздух громкими обещаниями работать лучше, давали зарюки богам в том, что хозяин не разочаруется оставив их. Но ничего из подобного, не могло повлиять на решение, принятое Флавианом. Где-то внутри, и сами бедолаги об этом знали, но продолжали надеяться и сопротивляться. Среди этого безумства, покорности и крика, неподвижно стоял старик, с увлажненными от слез глазами, глядевший куда-то вдаль, за горизонт. Он не стонал, не заламывал рук, не сопротивлялся и не корил судьбу, а лишь молча смотрел на происходящее, что-то тихонько нашептывая себе под нос. Прекрасно понимая происходящее, осознавая безвыходность, он все-таки не желал подчиниться своей доле сейчас. Размышляя о том, что еще слишком рано платить обязательную дань седому Хорону, старик думал, как ему отсрочить эту участь. Будучи неглупым, и достаточно посмотревшим на своем веку, он знал, что подобными деяниями, как крики или мольбы, добиться в Риме чего-нибудь, решительно, невозможно. Однако времени что-то выдумать, тоже не оставалось. Очнувшись от свиста плетей и криков надсмотрщиков, потихоньку прекращавших этот жуткий спектакль, и ничего путного не придумав, он уверенным шагом, осыпаясь ударами и пинками с разных сторон, толкаемый в бок, безумной массой обреченных людей, стал пробираться к вилику. Задачей старика было привлечь его внимание, не рассеянное как могло показаться на первый взгляд, а наоборот, собранное, но скрываемое от остальных. Дорвавшись ближе, старик принялся мычать и делать знаки руками. Но где там!?! В такой суматохе тяжело разобрать самого себя, увидеть же другого практически невозможно. Но надо было двигаться дальше. Один из охранников, сильным пинком в бок, сшиб старика с ног, однако это, на удивление, только добавило ему сил, и он на четвереньках, еще быстрее, пополз к своей цели. Через несколько секунд еще удар наступил старика. Путаясь в клубах поднимаемой пыли, он отлетел в сторону. Попытка подняться на ноги не увенчалась успехом, силы покидали его, и старец, предпринял последнее решающее поползновение. Собрав остатки мужества воедино, дед рванул вверх, однако,

сил хватило лишь, чтобы приподняться на колено. Побитое тело обмякло, наклонилось вперед и старик начал заваливаться. Силы окончательно покинули несчастного. Сознание помутилось, в глазах потемнело, а в ушах поднялся такой нестерпимый звон, что казалось голова сейчас разорвется. Старик понял, что умирает или, как минимум, теряет сознание. Находясь на небольшом пригорке, он словно мяч покатился вниз, да так ловко, что оказался прямо в ногах у Луция, который не ушел вслед за отцом, и наблюдал за происходящим со стороны. Их взгляды встретились. На лице юноши не читалось жалости, сострадания и вообще подобных чувств. По лицу молодого человека гуляла исключительно досада от того, что родитель поступил по-своему. Происходящее его нисколько не занимало, он даже, как будто бы, не замечал случившегося. Будучи воспитанным в лучших традициях вечного города, юноша не считал рабов за людей. С молоком матери он впитал в себя, что это не люди, что это орудия труда, за которыми надо ухаживать, не больше чем за лопатой. Целью их существования, Луций безошибочно считал приношение пользы хозяевам. Да и как он мог думать по-другому, ведь в его же доме, их наказывали за провинности плетками, никогда не хвалили. Признаться честно, он и по именам то их не знал. Ну в самом деле, неужели сын хозяина коровьей фермы знает по именам всех телок, дающих молоко?? Или он, по-вашему, отслеживает, которую из них забрали на мясо?? Конечно же нет!! Тем не менее, все-таки, кое-кого из рабов он знал. Точнее тех, кто его хоть как-нибудь интересовал. Вот и сейчас дед заинтересовал его. Будучи совсем еще молодым юношей, как и положено в столь прекрасном возрасте, Луций был веселым и смешливым молодым человеком, готовым смеяться над всем, в том числе и над собой. Именно поэтому, мычащий дед, в пыли, летящий кубарем с горки развеселил его, и заставил отвлечься от грустных мыслей. Он посмотрел на него со снисходительной улыбкой и спросил:

– Ты, что же это? Побег удумал, что ли? Ну погляди же на себя, дряхлый как пень, а всё туда же. Ну куда ты собрался?? Клянусь тебе старик, Осирис давно прибрал бы тебя, да только никак найти не может. Уж больно ты похож на трухлявый пенек, – при этом юноша засмеялся во весь голос, радуясь тому, как он так ловко и весело пошутил.

Но старику сейчас было не до смеха. Для него теперь настала, быть может, самая важная минута жизни. Дед, из последних сил, кинулся в ноги веселящемуся парню, пытаясь гладить их и целовать. Держась за край тоги одной рукой, другой он показывал в сторону бараков, при этом продолжая бессвязно мычать. В Луции проснулся спортивный интерес. Жизнь или смерть деда никоим образом не трогали его, но глядя на старика, он видел, что и собственно деда, они не особо трогают. С пристрастием и какой-то особой любовью, показывал старик куда-то за горизонт. Юноша почувствовал, как азарт побежал по жилам, перемешиваясь с кровью. Интерес полностью занял сердце Луция. Куда же тебе так надо, думал он. Становилось очевидным, что старик не собирался бежать, не бережет себя, а лишь просит о чем-то. Поэтому позвав надсмотрщика, он спросил:

– Ты знаешь, чего он хочет??? Ты его понимаешь?

– Как же не понимать, господин – ответил ему, задыхавшимся тоном охранник.

– Этот раб не боится смерти, слишком уж часто ей в глаза заглядывал. Думаю, он хочет попрощаться со своими зверушками.

Интерес юноши продолжал разгораться новыми и новыми языками пламени. Будучи от природы любознательным, он интересовался всем понемногу, однако, как и у любого человека у него были свои пристрастия и увлечения. Так вот, с самого детства Луций питал неподдельную слабость к хищным животным, особенно ко львам. Эта грациозная кошка вызывала в нем какое-то чувство благоговения. Он любил в ней всё: ее силу, грацию, мягкую походку способную меняться в мгновение ока, любил мощную статью, величавый характер, одним словом он любил в ней всё. Но одновременно с этой любовью, душу его наполнял трепетный страх перед этим хищником. Тот самый страх, которым невозможно управлять. Страх заложенной самой

природой, неконтролируемый и необузданный. Эти чувства перемешивались в один коктейль и приправлялись колено-преклонным чувством восхищения и почитания царя зверей.

– Не тронь его! – обратился он повелительно, к надзирателю. Солдат остановился и уставился на Луция.

– Расскажи теперь подробнее про его зверушек. Кстати, есть ли у вас, – Луций осекся и сразу поправился – у Нас, львы?

– Да, господин, есть. И много есть. А еще есть и шакалы, есть гепарды и пантеры, слоны, медведи, есть даже крокодилы, привезенные с берегов древней реки Нила. Ну а сколько другого зверья, я и не упомяну, уж больно много.

– А это кто? – и он кивком головы указал на запыленного старика.

– Это Митрас, он, как бы это объяснить. Он друг зверей. – при этом охранник потупил взгляд и уставился в землю, понимая, что сказанное им звучит как минимум тупо.

– Как это понимать? Друг зверей! Он дрессировщик? Или может, ты так называешь звериного доктора?

– Нет, нет! Я правильно ответил, молодой хозяин. Он не лечит зверей, не кормит их, не ухаживает и не занимается дрессурой. Он с ними разговаривает и дружит.

Луций, с выражением тупости на лице, уставился на надзирателя. Он решительно не понимал, что тот хочет донести. Нет!! Юноша понимал, что под словом дружит или общается, этот человек понимает что-то другое, что-то в переносном смысле, а не в буквальном, но что конкретно, сообразить не мог. В свою очередь и надзиратель видел, что юноша его никак не понимает. Он видел, что Луций пытается сообразить, пытается найти тайный смысл слов, так сказать, прочитать между строк, но самое противное – охранник говорил прямо, без намеков и подтекста. Повисла пауза. Оба рассматривали друг друга, не решаясь продолжать. Каждый выглядел глупо, однако надзиратель первым прервал дурацкую тишину:

– Так не только мне кажется. Я имею ввиду, что и остальные видят эту дружбу Митраса со зверьями, а самое главное, те отвечают старику взаимностью. То есть, всё ровно так, как я вам и рассказал – при этом глаза охранника снова уставились в землю. Он отчетливо понимал, что эти слова звучат глупо, или, по крайней мере, странно. Немного постояв, он продолжил.

– Дело в том, что звери, все без исключения, его любят. Он без страха и какого-либо вреда для здоровья, заходит в клетку ко льву. Ко льву, которого только что растравил Марлон, а этот бестиарий умелый и считается первым специалистом в нашем зверинце. Недаром наших хищников называют самыми свирепыми в Риме и не только. Так вот, прямо после травли, когда морда льва еще не успела обсохнуть от свежей человечины, к нему заходит Митрас, обнимает того за шею, треплет за холку как котенка, а лев в ответ, переворачивается на спину и мурчит, будто домашний кот. Знаю, мой господин, знаю, что эти слова звучат как выдумка, я и сам бы не поверил, если б не видел всего собственными глазами. Мы с друзьями пробовали запихнуть его в клетку к шакалам, гепардам – результат всегда один: шакалы, словно слепые щенки, прыгают вокруг него, скулят, трутся о его ноги. А гепарды уподобляются львам, превращаясь в котят.

– То есть, ты хочешь мне сказать, к кому его не брось, ни один зверь его не тронет?

– Именно так, господин.

Луций задумался. Он никогда не слышивал про такие чудеса, и это особенно раззадорило любопытство. Однако, верилось в услышанное тяжело, уж больно сказочно выглядели слова охранника. Прямо диво дивное. Он недоверчиво всматривался в лицо собеседника, пытаясь что-нибудь на нем угадать, однако там решительно ничего не было написано. Получается, он говорил правду?!! Но такого быть не может, размышлял юноша. На мгновение ему показалось что, быть может, этот охранник глуп, и хочет подшутить над ним. Возможно, он хочет продемонстрировать бравату, и показать сослуживцам, как ловко он веселится над хозяйским сыночком. Ведь Луций являлся пока еще молодым, и даже можно сказать ранним господином. Эта шутка, вроде, как и невинна. Ведь если зверь сожрет бедолагу, то охранник

сделает удивленное лицо и скажет, что номер не удался. Но стоит тому произойти, как этот подлец растрезвонит по всему поместью про дурь, в которой смог убедить, недалекого господского сыночка. Луций уже начал представлять, как за его спиной, охранник вместе с ему подобными, покатываются со смеху. Он представлял, как тот изображает разочарованное и тупое лицо юноши, расстроенного отсутствием чуда. Как они говорят:

– Надо ж в этакую дурь поверить??!! Натурально, молодой идиот!!

Кровь, словно бурлящая лава, вскипела в жилах, зубы стиснулись так сильно, что чуть не лопнули, однако, вида юноша не подал. Еще не хватало, чтобы он обращал внимание на высказывания прислуги. Этим он уронил бы достоинство, прежде всего в своих глазах, а потом еще и в глазах этих глупых рабов. Поэтому Луций решил поступить следующим образом:

– Я хочу сейчас же увидеть чудо своими глазами, и если то, о чем ты рассказал неправда, то клянусь Юпитером, следом за Митрасом, в клетку к шакалам пойдешь ты.

Слова юноша произнес с такой злостью, и таким отчеканенным тоном, что сомневаться в их искренности, не приходилось. Охранник побледнел. Холодная испарина, не смотря на полуденную жару, пробила лоб и спину. Он был уверен в своих словах, ибо видел тому подтверждение не один раз. И все-таки боялся. Вдруг чудодейственные силы оставят старика и разъяренный зверь, раздерет его тело на части. С огромным трудом он проглотил комок, застрявший в горле. Если чары Митраса кончились, то дальнейшее даже представить страшно. На секунду, фантазия нарисовала его в клетке с шакалами. От ужаса закружилась голова, и он чуть не грянулся оземь. Что угодно, но только не это!! Охранник являлся старожилом и не понаслышке знал кровожадность животных. Он знал, как страшны их клыки и когти, с каким хрустом трещит плоть, будто разрезаемый кусок папируса. Однако, так же ясно и то, что после слов, произнесенных молодым господином, по-другому быть не может. Бедолага кивнул головой Луцию в знак согласия, при этом пытаясь изо всех сил, взять себя в руки, и окончательно не потерять самообладание. Жестом показав в какой стороне находится зверинец, и что им теперь туда, он направился к Митрасу. Запыленный старик, внимательно наблюдающий за их диалогом силился подняться. С этого момента услужливый охранник, кинулся помогать ему в этом деле, попутно отряхая того. Взгляда солдата теперь не узнать. Теперь, на смену взору гневному и веселому, пришли жалость и сострадание, к себе любимому, разумеется. Всего несколько минут назад, разгоряченный и возбужденный своим делом, он совсем потух. Он как-бы безмолвно говорил – Митрас, не подведи. Однако, сомнения, словно стая саранчи, наполняли его душу новыми и новыми переживаниями. Как еще передать то чувство, когда жизнь твоя вверена в руки рабу. Тому, которого, к слову сказать, многие считали ненормальным. Бедный охранник не знал, что и думать. Да и не зависело от него больше, равным счетом ничего. Жизнь и дальнейшее благополучие сосредоточились в руках Митраса. И все же, некоторый оптимизм все-таки присутствовал. Стоило показать старику на зверинец, как он воспрянул духом, а старческое лицо озарило счастье. Он снова стал таким же как раньше.

Прочие охранники, слышавшие краем уха разговор, усиленно показывали свою занятость и непричастность к данному диалогу. Они молились своим богам, чтобы только этот дурень, заваривший кашу, не пошел бы к ним, вместе с хозяйским отпрыском, в поисках подтверждения произнесенных слов. Поэтому «смельчаки» несколько отделились от них, изо всех сил показывая озабоченность трудом. Лишь Палла, по роду деятельности обязанный принимать участие во всем происходящем, поспешил к троице.

Подняв старика, компания направилась к зверинцу. Путь предстоял не близкий, но и не далекий. Во время прогулки Палла предпочел никого не расспрашивать о причинах, побудивших немедленно идти в зверинец. Будучи опытным виликом, он знал, как лишний раз не накликают на себя беду. Хитрый от природы, Палла умел усваивать жизненные уроки, и один из них гласил: лучше пересидеть бурю, чем врываться в нее в попытках узнать, как она устроена. А буря сейчас была. Вилик догадался об этом молниеносно, стоило ему бросить взгляд на

Луция. Тот, покрасневшись словно помидор, сжигал ненавидящим взглядом охранника идущего впереди. Он даже дышал тяжело, и казалось, может вот-вот поднять что-нибудь тяжелое с дороги и этим чем-нибудь пришибить бедолагу. Однако, как мы уже упомянули, время пути было не долгим. Буквально за соседним холмом их взору открылся зверинец Луция Пизона. Масштаб поразил Луция с первого взгляда, однако креатив построек, расстроил. Дело в том, что молва про зверей Луция Пизона, про их ухоженность, про их стать и красоту, рисовали в памяти совершенно другие условия содержания. Как будто, что-то общее с жар птицей в золотой клетке. Здесь же золотом и не пахло. Пред ними, вырастала из земли череда серых зданий, спрятанных за массивным забором, выкрашенным в светло-розовый цвет. Причем это выкрашено считалось достаточно условным. Правильнее сказать, когда-то выкрашено, ибо краска местами отваливалась. Касаемо зданий, вылезавших из-за забора, то они были самими, что ни на есть обычными, без какой-нибудь нотки затейливости. Серые, унылые и безрадостные. Единственное, что все-таки выделяло зверинец среди остальных, так это размер. Подобного этому по размаху, юноше видеть не приходилось, да и не только юноше. В остальном, зверинец как зверинец. Сплошная заурядность. Подходя ближе, в нос ударил горячий и острый запах животных, смешанный с навозом, потом, вонью сырого мяса. Из-за стен, слышался дикий рык африканских кошек, грозный рев медведей, жалкое бляение копытных, а также, как бы вырываясь из разных областей зверинца, доносились щелчки кнута. Обойдя стену, они очутились у входа, представляющего собой двухстворчатые железные ворота, неохраемые никем. Заходи, бери чего хочешь. Сквозь их проржавевшие прутья, взору открывалась скрытая от всех, будничная работа служащих зверинца. Немой вопрос застыл на губах у Луция. Он перевел взгляд на Паллу, который прочтя его, не стал тянуть с ответом:

– Охрана внутри. И позвольте заметить, молодой господин, что ни один раб или может быть вор, добровольно, сюда не войдут. Разве только Митрас. Мне кажется он единственный, кто по своей воле здесь бывает. И надо отметить, проделывает это с завидным постоянством – при этом вилик так улыбнулся, что Луцию стало как-то не по себе. Однако, Палла и представить себе не мог, насколько не к месту оказалась его заявление про Митраса. Сам того не понимая, он наступил на большую мозоль. Реакция юноши была молниеносной.

– Вот и посмотрим, – процедил он сквозь зубы.

Не надо быть гением, чтобы угадать свой промах. Палла быстро понял, что заявлением явно затронул не то, что можно было затрагивать. Это подтвердил и охранник, до этого вяло плетущийся по дороге, и явно оживший после слов про Митраса.

Пройдя в открытую воротину, они очутились во дворе. Внутри зверинец казался еще огромнее, чем снаружи. Зловонье встречавшее их за стенами, оказалось настолько слабым в сравнении со смрадом наполняющим двор, что от новых ощущений, с непривычки, на глазах выступили слезы. Земля, перемешанная с песком и сеном, хлюпала и продавливалась под ногами. Глядя на нее, решительно, невозможно было угадать, чего же там больше, собственно земли или остального, насыпанного сверху. Гам и гул живого, доносившегося с разных сторон, мешал Луцию соображать. Словно новый жилец зверинца, застыл он при входе, не понимая, где очутился, и куда идти дальше. Совсем не так он представлял себя зверинец Луция Пизона. И хотя толком не знал, как же он должен выглядеть на самом деле, но точно верил, что как-то не так. Прежде всего, не укладывалось в голове то, как эти величественные звери, победители арены, могут содержаться в подобных, скотских условиях. Любому понятно, что их цена и ценность были явно достойны лучшего. Взор привлек медведь, поднявшийся на задних лапах, обхвативший передними решетку, и трясущий ее так неистово, что казалось, вот-вот сломает. Чувство жалости и отвращения охватило душу. Всё в ней бурлило и клокотало, требуя немедленного вмешательства. Однако, что он мог сделать? Обведя еще раз глазами внутренний двор, и убедившись, что такие условия повсеместно, а не только у медведя, он ничего толком не придумал. Да и что можно поделывать?? Как улучшить?? Только все сломать и выстроить

заново. Каким-нибудь косметическим вмешательством, этот вопрос явно не решить. Что же представлял собой внутренний двор зверинца? Огромная непропорциональная куча ржавых, кое-где порванных, клеток, расставленных вокруг грязного пруда. Куча мух, словно передвижное солнечное затмение, перебиравшаяся с одного живого тела на другое. Причем, не особенно они разбирались, кто пред ними, человек или животное. Дорожки отсутствовали. Их заменяли протоптанные путики, как в лесу. Рядом с клетками, в какой-то мутной жиже, плавали испражнения и остатки недоеденного корма. Рабы, те, что обслуживали зверинец, смотрелись ему под стать. Они выглядели оборванными, неряшливыми и обглоданными. Наверное, по-другому тут и не могло быть. Меж тем, Палла, Митрас и побелевший охранник, с видом здешних завсегдатаев, продефилировали мимо юноши направо. Луций, расстроенный увиденным, и даже на время забывший, зачем сюда явился, поплелся за ними. Однако, чем дальше они удалялись от входа, тем приличнее становилось вокруг. Сначала изменились клетки. Металл, по мере удаления от входа, становился новее и качественнее, чистота зверей и условий содержания, росли вверх геометрической прогрессией от плохого к хорошему. Появились дорожки, исчезали мухи, откуда не возьмись, глазам открылись деревья и кустарники, постриженные на современный лад. Каким-то образом получался своеобразный переход из ада в рай. Спустя еще мгновение, обзору открылись величественные, пятнистые гепарды, размещенные, казалось не в клетках, а в домах, отделенные от остальных тонкою решёткой. С противоположной стороны дороги, подобный дом был отведен и для тигров. Эти клетки совершенно другого уровня и качества. В них звери могли прятаться от солнца в полуденные часы, или резвиться на площадках с установленными там деревьями, когда жара спадала. Сделав еще несколько поворотов среди многочисленных, уже красивых клеток, они очутились пред огромным вольером, разделенным на части, так же как до этого тигрино-гепардовые владения. Первая часть, так сказать лицевая, примыкающая к решетке, находилась под открытым небом, вторая скрывалась за деревянной стеной. Если внимательно присмотреться, то становилось заметным, что перегородка, разделяющая вольер на половины, ближе к низу, была исцарапана и разодрана здешними обитателями. Фасадная, видимая часть, пестрела редкими, но высокими деревьями, в тени которых, распластавшись будто бы на пляже, отдыхали несколько гиен. На поверхности земли, словно на мировой карте океана, рваными островками торчали пучки зелено-желтой травы, смотревшиеся настолько гармонично и красиво, будто бы их нарочно туда, кто-то посадил. В деревянной стене, разделяющей клетку, в самом ее центре, находился невысокий квадратный лаз, откуда торчала зубастая морда еще одной гиены, внимательно наблюдающей за прибывшими гостями. Вдоль решетки, отделяющий вольер от остального мира, стояло огромное белое корыто с питьевой водой. Все выглядело буднично и спокойно. Надо отметить, настолько спокойно, что кроме гиены в окошке, на прибывших гостей, внимания никто не обратил.

– Какая честь для меня, приветствовать несравненного молодого Луция, в его угодьях. Пусть разорвут меня на куски псы Артемиды, если не любовь к созерцанию бешенства и ярости диких зверей, привела тебя сюда. Пусть покарает меня, как Фалека, разъяренная львица, если я ошибаюсь, – послышался голос откуда-то сбоку.

Луций обернулся. Словно джин из неоткуда, появился и предстал пред ним огромный чернокожий мужчина, в самом расцвете сил. Он был исполинского роста, крепко сложен, дышал здоровьем и имел какой-то отталкивающий вид. Эта была та категория людей, что не нравятся прямо сразу, не успев даже ничего натворить, или чего-нибудь сказать. Однако этот успел. И надо отметить, лучше бы этого не делал. Речь его, словно несмазанная дверь, скрипела, фальшивила и пахла лицемерием. Но не только слова вызывали раздражение. Глядя на него, отталкивал и внешний вид. Сейчас пред ним стоял действительно огромный детина с потрясающе некрасивым телом. Даже можно сказать так, не некрасивым. Тело смотрелось безобразным и уродливым. И виной тому не являлась природа или создатель. Огромные омер-

зительные шрамы, украшающие амбала, вдоль и поперек. Сколько их находилось на нем, не знал, наверное, и он сам. Весь, исполованный рубцами, переломанный, словно только что вынутый из мясорубки, стоял он пред Луцием, силясь тому понравиться. Непропорционально смотрелась и голова, выглядевшая много меньше размером, по отношению к телу. Один глаз на ней прятался в замотанную тряпицу, а другой смотрел так пронизательно, что казалось, просвечивает тебя насквозь, словно луч рентгена. Стоило ему улыбнуться, как окружающим становилось страшно, потому что улыбка эта, больше походила на оскал хищного зверя, чем на дружелюбное приветствие. Однако, при всем этом «наборе великолепия», что-то магически-притягивающее было в нем. Скорее всего, манила его внутренняя сила, сомневаться в которой не приходилось, при одном только взгляде на этого верзилу. И сила эта, как будто распространялась и на тебя. Находясь рядом с ним, да еще в таком страшном месте как зверинец, создавалось впечатление спокойствия и защищенности, будто бы ты находился не с человеком рядом, а с огромным, послушным, хотя и страшным псом, готовым броситься, спасая тебя и в огонь, и в воду. Однако, первым впечатлением, все же оказалась неприязнь. Поэтому Луций машинально отошел на пару шагов от него, почти прислонившись спиной к клетке.

– Господину не стоит беспокоиться из-за меня, я всецело раб его и слуга – мягким, убаюкивающим голосом проговорил он.

– А вот Аниса уже третий день не ела, и может напугать вас, – при этом великан кивнул на клетку, ту что за спиной юноши. Луций медленно повернул голову и увидел, что на него, будто бы на ягненка, смотрит огромных размеров гиена. В ее черных, как агат, глазах, красными угольками переливалась смерть, и если бы не клетка, отделявшая их друг от друга, то эта гиена оказалась бы последним, что он видит в жизни. Ужас охватил и сковал члены юноши так сильно, что он застыл будто бы вкопанный. Луций молча утопал в глазах хищника, боясь лишний раз пошевелиться. Но оцепенение прошло, и повинувшись инстинкту самосохранения, он отпрыгнул от клетки.

– Позвольте представиться, – с застывшим в уголках рта оскалом, продолжал африканец. – Меня зовут Буру. Я растравитель этого вивария. Буру почтительно поклонился, опустив маленькую голову на огромную грудь.

Луций, оправившись от страха, понемногу пришел в себя. На лице его снова загулял мальчишеский интерес ко всему происходящему. Щеки загорелись румянцем, озорные глаза беспокойно забегали, в поисках новых ощущений, пускай даже и страшных. Хотя в данный момент ему было несколько досадно, и причиной тому являлся страх, проявленный им, так сказать, на виду у всех. Проступок казался ему зазорным. Легкий красный румянец зардел на юношеском челе. Теперь нужно непременно оправдаться, иначе окружающие могут счесть его трусом. Но как это сделать? Мысли совершенно не лезли в голову, и он ничего лучше не придумал, как удивить рабов своими знаниями, дабы переключить внимание с этого досадного эпизода, в другое русло.

– Правду ли говорят, что гиены существа бесполое? Мне об этом рассказывал один карфагенский бестиарий, – спросил с некоторым заигрыванием, Луций.

Буру и Палла не зря занимали свои посты. Заметив, как сконфузился юноша от неожиданной встречи с гиеной, хитрецы в мгновении ока сообразили, чем может отозваться им присутствие при этом конфузе. Проведя в услужении всю сознательную жизнь, оба знали, насколько бывают, мстительны и беспощадны господа, чье самолюбие задето, пускай даже и не ими. Был свидетелем, значит участвовал, значит можешь рассказать остальным – так считали повелители мира людей. А что может происходить в голове у юного отрока, так это одной Минерве может быть известно, да и то не факт. Поэтому, как только появилась возможность похвалить что угодно в новом хозяине, они уцепились за эту возможность. Стоило вопросу прозвучать, как Палла изобразил искренне удивленное лицо, как будто Зевс спустился с Олимпа и встал, прямо перед ним. Ища глазами что-то, и чуть ли не задыхаясь от столь вне-

запных познаний, он остановил взгляд на Буру. Взгляд полный удивления и даже ошеломления в некотором роде направил вилик на растравителя. Он смотрел на него как на профессионала своего дела, да и вдобавок, откуда он мог знать ответ.

– Хвала Геркулесу, – чуть ли не завопил во всю глотку здоровяк.

– Я день и ночь молил Ньямби, послать нам достойного хозяина, а он прислал не просто достойного, но и найдостойнейшего. Как я смогу отблагодарить своего Бога??!! Велю в его честь, заколоть всех моих овец, которых благородный Луций Пизон разрешает мне держать в своей отаре. Наш новый хозяин мудр и прозорлив не по годам!!!! Он уже сейчас знает то, что я узнал только спустя двадцать лет своей службы. Но главное, ведь он настоящий венатор в душе. Что может быть лучше, чем такой хозяин?? Конечно же ничего. Пускай, скинут меня в тартар, если я лгу!! – бросившись в ноги юноши и обхватив колени, он поднял того вверх, и продолжал:

– Ты прав молодой Марс, это очень загадочное животное, оно может быть и самцом и самкой одновременно. Но не в этом его главная радость для нас!! Видел ли ты, молодой господин, как жадно и с какой яростью, они поедают свою жертву??

Глаза Луция загорелись дьявольским огнем. Он никогда не видел гиен в деле, но был наслышан про их ненасытно-кровавый аппетит. Переведя взгляд на клетку взору предстала не одна гиена, изначально стоявшая у него за спиной, но стоя, в зловещем молчании наблюдающая за ним. Хищники застыли в нервном напряжении, как будто догадывались, что речь идет о них, и что сейчас, именно их ожидает кровавый пир. Это было вдвойне удивительно, ведь пока предпосылок к тому, в голос никто не озвучивал. Однако гиены чувствовали запах крови в воздухе, их черные носы жадно втягивали аромат будущих жертв, пытаясь различить назначенный обед в присутствующих. Морды хищники задрали вверх, уши стояли торчком, шерсть то вставала дыбом, то приглаживалась, будто бы волнующееся мохнатое море.

– Нет!! Не видел, и хочу посмотреть, – негромко произнес юноша.

Луций много раз видел растерзание приговорённых на арене, но ни разу это действие не проводили для его удовольствия. Юноше стало приятно, что рабы видят в нем не просто хозяйского сыночка, а взрослого патриция, что хотят угодить ему. Он попытался придать себе более деловой вид, чтобы не выдать ребяческой радости. Хотя, от опытных глаз растравителя и вилика, этот момент, разумеется, не ускользнул.

– Прекрасно!! – молвил Палла. – Как раз позавчера на рынке, мы купили хромых, кривых, больных рабов для растравки, и надо отметить взяли их оптом и дешево, – он сделал паузу, чтобы акцент на слова дешево и оптом, был как можно ярче.

– Сколько же можно им есть, и пить просто так, – продолжал он повторяя вскользь слова Флавиана, – пришло время исполнить свое предназначение, и как следует потешить хозяев. А ну веди сюда этот сброд, – он уже обращался к рядом стоящему помощнику.

– Ты сказал, что эти гиены три дня не ели?! – обратился Луций к Буру, прищурив при этом глаз. Ноздри его возбужденно раздувались, предвкушая кровавое зрелище.

– Да, господин. Хотя, надо отметить, они и так свирепые, но в сочетании с голодом, сущие церберы, – при этом растравитель весело подмигнул, как бы намекая, что сейчас будет зрелище хоть куда !!

– Тогда прежде сброда, пусти к ним Митраса. Я хочу посмотреть на чудо, так отрекомендованное мне, – говоря это, он таким холодным взглядом удостоил охранника, изначально рассказывающего про эту невидаль, что даже стоявший с ним рядом раб, предпочел отойти на пару шагов подальше, дабы злоба господина случайно не перекинулась и на него.

Буру даже глазом не повел, при этой просьбе. Предыстория появления Луция в зверинце ему была неизвестна, да и не интересна. Раз пришел, значит надо. Он был приучен подчиняться с самого детства, и не задавать не нужных вопросов. Сказали Митраса, значит Митраса. Скажет засунуть туда кого-нибудь еще, значит, засунет кого-нибудь еще. В споре с господином, даже в самом, казалось бы, мелочном, прорастают семена недоверия, из которых после, явятся на

свет ядовитые цветы. Покорность и молниеносное подчинение – вот самое лучшее средство от этих сорняков.

– Глот, Прот, а ну сучьи дети, впихните туда старика, – обратился он к двум рабам, стоящим неподалеку от калитки, ведущей в клетку. При этом он весело подмигнул Палле, – Сегодня, клянусь Дианой, они сожрут его.

Между тем Митрас считался действительно удивительным рабом. Происхождения его никто не знал, да и узнать то оказалось невозможным, так как у старика, просто на просто, отсутствовал язык. В дом его купили, с той же целью, что бедолаг, про которых говорил Буру. Он должен был стать кормом для хищников. Однако, не тут-то было. Стоило ему перешагнуть порог клетки, как ее обитатели превращались в хомячков или ласковых котиков. И неважно, какой клетки. А однажды произошел случай, что его забыли в клетке с гепардами, так он там прожил чуть ли не месяц, и если бы старика не заметили, то прожил бы, наверное, и еще дольше. Глядя на Митраса вне клетки, создавалось впечатление, что дикими зверями, он когда-то проводил больше времени, чем с людьми, ибо только в их клетках, только в обществе тигров и львов старик расцветал и принимал вид открытого и добродушного. Находясь же среди людей, Митрас закрывался, становился нелюдимым, в дружбу не с кем не вступал. При этом к хозяевам относился с уважением, видимо, быть рабом ему было не внове. Что же казалось феномена, его неуязвимости для зверей, то вначале это вызывало интерес. Не убиваемого старика засунули в клетку казалось ко всем животным жившим зверинце, к некоторым даже по три раза, но исход постоянно оставался одним и тем же, и вскоре это наскучило. Ведь что интересного смотреть, как лев лежит в клетке или на песке, ну подумаешь, не жрет старика. И что?? Скукота!! Толи дело видеть зверя в кровавом азарте!!! Тем не менее, публика так легко не сдавалась, чуду не давали заглохнуть. Нашлись те, кто специально под Митраса растравливали зверя, доводя того до иступленного неистовства. Но ничего не вышло. Стоило старику появиться на пороге, злость и ярость в животном утихала, и хищник превращался в меховой клубок, ищущий любви. Пытались кидать к ним в клетку мяса, загоняли еще одного раба, всё едино. Митрас выходил, как ни в чем не бывало, даже с сожалением, что приходится выходить. Но человеческий азарт не остановить. Ставки на то, что старика все-таки сожрут, день ото дня увеличивались, таким образом, подогревая интерес к этому чуду, до каких-то сумасшедших размеров. Буру и Палла выступали в споре непримиримыми соперниками. Растравитель постоянно проигрывал, при этом ставил исключительно на зверей, хитрый вилик, напротив, только на Митраса. И тем не менее, когда-то и это должно было надоеть. Старик оказался непобежденным. Актуальность Митраса пошла на нет, и вскоре про него совсем забыли. Обязанностью ему вменили успокаивать зверей, ибо стоило тому оказаться рядом с разъяренным хищником, запал последнего пропадал в мгновение ока. Надо отметить, что работа пришлась по сердцу Митрасу. Глядя на него со стороны, складывалось впечатление, что идет он вовсе не в клетку к зверю, а идет домой, к семье. Будто видит в ней не свирепых медведей, тигров или львов, а любимую жену, детей или состарившегося отца, ожидающего сына из далекого странствия. Тем не менее, сегодня, стоило имени Митрас зазвучать, как былой интерес пробудился, и зеваки, словно пчелы почуявшие мед, облепили клетку. Возле звериной решетки настолько плотно, что Буру пришлось пару раз щелкнуть кнутом, чтобы негодяи освободили место для молодого господина. Все-таки спектакль устаревали именно для него.

Стоило лязгнуть первому засову, звери оживились. Мелкие гиены закрутились в пыли, прижимая морды к земле, при этом визжа и скуля одновременно. Большая же, та, что стояла у Луция за спиной, горделиво вышла на встречу калитке, ожидая приговоренного с некоторым нетерпением. Шерсть на холке стояла дыбом, глаза горели адским огнем, желтые зубы, видневшиеся из поднимаемой верхней губы, оголялись мутным оскалом. Она смотрелась столь ужасна и красива одновременно, что публика, наблюдающая за ней, замерла. Каждый предчувствовал страшное зрелище, пребывая в нервном возбуждении.

Митрас же напротив, как только сообразил, что речь идет о нем, как бы ожил. Его белое лицо снова наполнилось жизнью, откуда-то появились силы и он бодрой походкой, распахивая перед собой охранников, направился к калитке. Гиена хищным взглядом наблюдала за ним из-за решетки. А он, кажется, не замечая этого, по мере приближения к калитке, все более и более увеличивал скорость ходьбы. Его ускоряющийся бег выглядел со стороны так, что не навстречу смерти торопится дед, а как минимум, возвращался из длительного путешествия домой. Второй засов скрипнул на воротине, и рабы приоткрыли ее совсем немного, так чтобы в случае попытки побега животных, стремительно закрыть. Митрасу же хватало и этой лазейки. Он повернулся боком, и словно краб, пробрался в образовавшийся проход. Очутившись внутри, старик остановился прямо против огромной гиены, которая вытянув морду вперед, вбирала тяжелым хрипением, запах будущей добычи. Остальные собаки в нетерпении скулили и визжали за ее спиной, требуя своего вожака поскорее бросится вперед, и так сказать, открыть пирушку. Вот первый шаг, навстречу старику, второй, третий. Шаги Анисы сменились разбегом перед прыжком ... как вдруг, будто бы неведомая сила поймала охотника за шкуру, и одернула. Гиена, в каком недоумении села на задние лапы, и в нерешительности устала на Митраса. Маленький хвост, до этого прижатый, запрыгал по плоскости земли, словно веник замел по дороге, шерсть опустилась, уши прижались к голове, и она, визжа как домашняя собачонка, полубоком помчалась навстречу старику. Тот раскинул руки в разные стороны, привстал на колени, приглашая ее в свои объятия. Подбежавшая гиена, смотрелась похожей на щенка, про которого хозяин забыл на несколько дней. Она издавала сдавленные хриплые звуки, принималась хохотать, лоснилась к ногам, просовывала морду подмышку Митрасу, подставляя бока для почесываний. Закончилось же эта любовная встреча, падением пред стариком на спину, являя на свет свое лысоватое брюхо, для поглаживания. Стая, не понявшая что только что произошло, подалась вперед, втянула запах старика острыми, как клювы носами, и переварив, уподобилась старшему товарищу, начав радоваться такому замечательному гостю.

Зрители вокруг клетки разделились в своих переживаниях. Кто-то улыбался, радуясь финалу, кто-то наоборот стоял обманутым в ожиданиях и лишенным зрелища. Но больше присутствовало тех, кто успел поставить ставки на происходящие, и теперь, после развязки, бурно обсуждающих произошедшее. Среди остальных, как-то потерялся Луций. Он одиноко стоял возле клетки, пораженный увиденным, и не могущий поверить собственным глазам. В данный момент его раздирали противоречия. С одной стороны, хотелось посмотреть смерть старика, хотелось увидеть, как огромная гиена вопьется в горло, как резкими движениями раздерет на мелкие кусочки тело жертвы. С другой стороны, он увидел чудо. По-другому это не называется, и от этого тоже стало радостно и как-то необычно. За свою недолгую, но все-таки насыщенную жизнь, он успел посмотреть много чего, однако такого, ему не то чтобы видеть, ему и слышать не приходилось. Внутреннее желание поделиться этой новостью с отцом, ведь он тоже обожал звериные травли, прям таки засвербело в нём. Очень хотелось быть первым, кто расскажет ему о диве дивном. Он уже повернулся, чтобы бежать, но остановился. Бег не делал хозяину чести, если он конечно хозяин. Вы где-нибудь видели мчащегося во весь пор господина?? Конечно, нет. В мгновение ока юноша сообразил, что галопом своим он выдаст в себе мальчишку, что рабы сотворившие в его честь представление, сочтут его всего лишь ребенком. Поэтому, приняв надменный вид и с усмешкой глянув на охранника, на того, которого обещал отправить к зверям в случае фиаско Митраса, юноша продолжил наблюдать за происходящим в клетке. Однако, охранник не увидел этого взгляда. Сейчас он был бесконечно счастлив. Казалось, он помолодел на несколько лет, ибо бледность с щек ушла, сменив окрас на здоровый румянец, глаза вместо потухающих огоньков, вновь осветились молодецким задором и озорством. Луций приободряюще хлопнул того по плечу и хотел уже уйти, как в толпе послышались голоса.

– Ведут! – как вспышка молнии пронеслось, среди разгоряченной публики.

И действительно, через центральные ворота на двор, гнали порядка десяти рабов. Церемонию звучно сопровождали щелчки опускающихся на спину кнутов и ругань охранников. Бедолаги бегущие вперед, были обмотаны пыльными лохмотьями, сквозь которые отчетливо виднелись свежо-красные следы бичей. Гонимых объединяло общее уродство и отреченность от мира. В потухающих усталых глазах не читалось признаков жизни. Они уже были мертвы, и лишь брэнная плоть, выживающая всем смертям на зло, не давала им упасть. Рабы и сами не знали, куда и зачем они бегут. Они двигались как-то интуитивно, хотя, конечно же, в роли шестого чувства направляющего ноги, выступали охранники. Кем же являлась это однородная, на первый взгляд, человеческая масса?? Составляла её, публика самая разносторонняя. Кто-то бежал без руки, другой без ноги, имелись тут и женщины непонятных форм, которых практически тащили, видимо ходить они уже просто не могли. То были не люди. То было действительно «мясо». Сопротивляться и бороться за жизнь они не хотели, да и не могли. Бояться смерти – устали, умолять о пощаде – не видели смысла. Поэтому внешнее их спокойствие даже немного испугало Луция. Такого равнодушия он никогда не видел, да и откуда видеть, ведь в цирках на казнях приговоренные все-таки хотели жить, а на подготовках к казням юноша не бывал. Там в Карфагене, когда преступника выталкивали на арену, он всегда пытался спастись, старался или убежать или принять бой, пусть и с неравным по силе соперником. Здесь же, с точностью до наоборот. Рабы казались настолько измученными, что смерть не страшила их, а скорее привлекала. Они ждали ее, видели в ней избавление, и молча, сбившись в маленькую кучку, наблюдали за своими палачами. Всмотриваясь то в гиен, то в охранников, эти получеловеки пытались угадать, кого из них первого отдадут на убой. Но ждали не только они. Хищники в клетке опытным глазом определили, что эту еще живую плоть, пригнали именно для них, и заволновались. Митрас по-прежнему находился среди зверей, но про него гиены, как бы позабыли. Зверье подбегало к самой решетке, ставили на нее лапы, и завывали, требуя себе еды.

– Господин, – обратился к Луцию, Палла, – вы бы хотели выбрать раба, того который первый пойдет в клетку??

Данное право выбора предоставлялось только отцу семейства или его представителю, и посему считалась почетным и очень уважительным. Однако Луцию не хотелось выбирать. Причина крылась в том, что казни, которые он видел до этого, проводились над злодеями, над преступниками, над подлецами, и справедливость наказания не вызвала сомнений. Тут дело обстояло по-другому. Переведя взгляд на рабов, и бездумно шаря по ним глазами, он не знал, как и с чего начать. Эти люди не были ему знакомы, и хотя сострадания он к ним не испытывал, ненависти тоже не питал. Как же выбрать? Молодой господин находился в замешательстве. Сейчас ему надо принять решение, кто будет жить, а кто умрет. Ведь это же так просто, но и так трудно, в тот же момент. Раньше, находясь на трибуне, единственным его занятием было наблюдать, как жертва пытается спастись от справедливой кары, как грациозный хищник, все-таки, приводит приговор в исполнение. Теперь же все обстояло не так. Теперь ему предстояло решить, кому жить, а кому нет. Все внутри него боролось, душа рвалась на части, а единственным желанием было то, чтобы на его месте оказался кто-нибудь другой, и чтобы он потом отвечал за дальнейшее, а не Луций. Причем ответственности пред кем-то конкретно юноша не страшился, его грызла ответственность перед собой. Снова и снова шаря глазами по уродливой горстке полулюдей, он пробовал выбрать жертву. Но сфокусироваться не получалось. Смотря, в нерешительности то на одного, потом переводя взгляд на другого, юноша искал хотя бы какой-нибудь повод зацепиться и приговорить, но он отсутствовал. Получеловеки смотрели в ответ, не пряча лиц но и не демонстрируя характер. Как только их взгляды встречались, они невольно отворачивали головы, тупили взоры, предпочитая разглядывать землю под ногами, а не молодого господина. Что же делать?? Кого послать на убой за просто так? Да что же со мной!! Тряпка я какая-то что ли?? Надо собраться и решить!! Но казнь без вины, и еще такая жуткая казнь, и всё за просто так пускай даже и получеловека. Ну ведь не виновен же он в

том, что он получеловек!! А даже если и получеловек, то что?? Он нарушал законы?? Клеветал на Великий Рим?? За что его убивать?? Эти мысли, словно весенний ветер, носились в голове, разметав что-то основное по ее стенкам, да так лихо, что это что-то, теперь не собрать воедино. Тем не менее, время шло. Промедление равняется слабости, означает, что он пока не готов принимать подобные решение и колеблется. А допустить такой мысли, особенно промеж рабов, он не мог. Луций ощущал как эти охранники, вилик, растравитель и остальные зеваки, как они смотрят на него. Он понимал, что они ждут вердикта и распоряжения, так же понимал, что секунды сейчас уже непозволительная роскошь. Но решения не было. Причем не было совсем. Он продолжал выискивать кого-нибудь среди бедолаг, но всё бес толку. Прыгая глазами с одного на другого, его внимание, неожиданно, привлек старик. Привлек лишь тем, что перестал прятать взор и смотрел в ответ смело, дерзко и без страха. Даже, наверное, он силился разобрать что-то в лице юноши, прочитав что-то в нем. Их глаза встретились. Быть может всего секунда прошла с этого момента, но Луций различил в его взоре какой-никакой, а вызов, или что-то другое, подобное вызову. Как молния среди ясного неба кровь вскипела в нем, и не успев понять что происходит внутри себя, он кивком головы указал Палле на старика.

Пока Луций догадывался, что повлияло на его выбор, и зачем он так поступил, желание, выказанное им, начало исполняться с невероятной быстротой. Палле даже говорить вслух ничего не пришлось. Он кивком передал охранникам волю господина, а те в следующую секунду схватили старика под руки и потащили к клетке. Клацнул засов, и жертву втолкнули внутрь. Нельзя сказать, что появление деда вызвало фурор среди представителей семейства псовых. Они, конечно хотели есть, но за время раздумий Луция, Митрас заново остудил их пыл. Однако незамеченным, появление жертвы тоже не осталось. Несколько острых морд поднялись из пыли и принялись рассматривать старика. Сначала это делалось ленно, с какой-то неохотой. Морды, словно дельфины на ровной глади воды, то показывались из общей массы, то пропадали. Но со временем, выныривание мордоплавников начало учащаться и произошло то, что и должно было произойти. От стаи гиен отделилась одна, и кивающей походкой, не спеша, двигаясь, словно краб полубоком, направилась на встречу к жертве. Ноги старика задрожали, он вцепился в решетку, но продолжал стоять. Смотря на приближающуюся гиену, бедолага забыл усталость, накопленную за годы, проведенные в неволе, забыл побои и унижения, забыл нескончаемые дни работы, и лишь сильнейшее желание жить, охватило его. Каждый ее шаг, словно наполненный шприц, вгонял в тело старика дозу страха, и чем ближе она подходила, тем больше становилось этого страха. Еще шагок, еще ... Еще .. Старик понял, что не сможет вмещать в себя его больше, что сейчас взорвется от передоза и вдруг страх пропал. Пропал совсем, как будто его и не было вовсе. Гиена находилась совсем близко, но он перестал бояться. Он стал смотреть куда-то сквозь гиену, куда-то дальше, как бы даже не замечая ее. Старика почему-то показалось, что после смерти, а ее он уже ощущал всем телом, сильнее всего ему будет не хватать неба, и голова машинально запрокинулась вверх чтобы проститься с ним. Этот взгляд являлся его последним желанием, его последней просьбой, его последней прихотью. Там наверху, редкие тоненькие полоски облаков, застыли белыми линиями на лучезарном небосклоне. Небо, словно купол сотканный из света, смотрело на него спокойным убаюкивающим взглядом, и тоже, как будто бы в ответ, прощалось с ним. Между тем шуршание приближающихся шагов вернуло его обратно в клетку. Гиена приближалась еще более стремительно, при этом улюлюкая и фыркая. Мгновение, ее голова, выныривая снизу вверх, схватила старика за бок, и рванула к земле. Спротивляться он не мог, и тело, словно разодранный грузный мешок, плюхнулось на землю. В мгновение ока, воздух наполнился липким запахом крови. От стаи отделились еще несколько псовых, следом еще, и вот уже все, опустив окровавленные морды вниз, рвали еще живого старика на части. Он не кричал, не отбивался, а лишь стиснув зубы, терпел мучительную и стремительную боль. Его затуманившиеся страданием глаза смотрели в сторону Луция. Он ненавидел и не скрывал этого. Ненавидел всем сердцем, всей душой,

всеми кусочками своего измученного тела. Отвращение к Риму, к его детям, и ко всем обитателям этого проклятого города достигло своего апогея, и в последнем выдохе, смешивая воздух с кровавой пеной, он прошипел одно лишь слово – Проклинаю!! Еще мгновенье. По телу пробежала последняя судорога, он дернулся и застыл навсегда. Страшный хруст и удушливый запах, отделились зловонием от кровавого пира. Никогда еще Луций не находился так близко к звериной травле. Он даже ощущал некий эффект присутствия, слушая как кости скрипели и лопались под натиском мощных челюстей. Раздался хлопок – это раскололся череп, и какая-то бледная жидкость, тонкой струйкой потекла из него на песок. Из стаи вырвались две гиены, и с жутким ревом схватились между собой, из-за оторванной ноги, которую не могли поделить. Ужасный пир сопровождался жадным и довольным рычанием, недоверчивыми взглядами друг на друга, как бы кто больше другого не съел. Прошло всего несколько минут, и кровавая жатва окончилась. Довольные охотники лежали на пунцовом поле, подняв сытые морды вверх, поглядывая через решетку, в надежде, что им достанется кто-нибудь еще.

Впервые в жизни Луций не получил удовольствия от увиденного. Находясь в непосредственной близости, ему казалось, что он и сам побывал в этой мясорубке. Рука невольно ощупывала голову, как бы желая убедиться, что это всего лишь иллюзия. Однако, новое непонятное чувство, сжимало череп так круто, что он продолжал гладить себя снова и снова, желая убедиться в целостности своей головы еще и еще раз. Ему казалось, что он чувствует белую жижу, текущую теплым потоком по его вискам. Машинально, не отдавая себе отчет, в том что сейчас сделает, юноша пытался смахнуть её. Чувство разочарования, словно вода заполняющая чашу, вливались в него с новой силой. Луций знал наверняка, что что-то пошло неправильно, что-то претило ему, но он никак не мог разобраться, что конкретно его гложет. Одно было точно. Ему больше не хотелось видеть, как хищник расправляется с добычей, и тем более, быть к этому причастным. Он опустил голову на грудь, и погрузился в свои мысли. Представление о казни перевернулось с ног на голову. Это перестало быть веселым развлечением. Его начала волновать судьба осужденного. Терзала боль, которую испытывал получеловек. Невольно, он проживал этот момент вместо старика. Впервые в жизни Луций задумался о том, как бы он смотрел на римлян, окажись в шкуре корма для гиен. Как бы он проклинал их. Новые мысли ужаснули молодого человека. Особняком стояли глаза поедаемого старика. Глаза полные презрения, налитые до краев злобою. Эти глаза вселяли страх в юную душу, пробуждали сомнения в правильности законов почитаемых им, и вообще, целиком в мироустройстве. Он тряхнул головой, будто бы пытаясь избавиться от неприятных ощущений, как от капель воды, оставшихся на волосах после купания. Подняв глаза на окружающих, и пересиливая себя, что было сил, Луций попытался улыбнуться, но получилось неубедительно. Двигая измученным взглядом по людям, стоявшим возле него, взору предстала новая, доселе неразличимая картина, совершенно не заметная для него раньше. В некоторых, уставившихся на него лицах, читались такие же чувства: боль, переживание за разорванного раба, состояние граничившее с тошнотой, сожаление. Вторая же часть напротив, казалась, была встревожена не тем, что произошло в клетке, а реакцией на это нового господина. Буравя глазами юношу, они прямо внутрь пытались ему заглянуть, извернуться наизнанку, но понять, что происходит с ним, доволен он или расстроен, и только исходя из этого, грустить или радоваться вместе с ним. Единственной их целью было угодить. То, что сейчас ихнего брата разорвали в клочья, их совершенно не интересовало. Это напугало Луция. С самого детства в нем жило чувство, помогающее определить, лукавит человек, или говорит правду. По крайней мере, ему казалось то, что он может это определять. К тем, кто привирал, пускай даже и немного, у юноши выработалась некоторая нелюбовь. Как-то автоматически выработалась. Причем неважно, где привирал человек, в какой-нибудь нелепой глупости, или врал основательно, так сказать, для удовлетворения своих корыстей. Связано такое явление было, прежде всего с тем, что ложь, в корне противоречило правилам отца, которые тот с таким усердием вбивал он в голову сына. Сила и честь, считались

жизненным кредо этой семьи. А честь не может быть связана с ложью, тысяча раз повторял отец. Лжет трус. Лжет для того чтобы выкрутится, чтобы спастись. Тот же, кто тверд духом, тот встречает трудности грудью, не отворачиваясь от них, а наоборот напирая. И вот теперь, внутренне вспомнив и повторив слова отца, в юношу были устремлены полсотни лживых, трусливых глаз, опутанных притворством, словно паутиной тысячи пауков. Помолчав еще не много, и не найдя ответов в себе и в окружающих, он медленно побрел в сторону ворот, ведущих за пределы зверинца. Сегодня он не знал как правильно понимать происходящие внутри себя перемены, и потому, единственным умным решением виделось убраться из этого поганого места. Вернувшись на виллу, Луций, не разговаривая не с кем, проследовал в свою комнату и завалялся спать.

Луций проснулся затемно. В воздухе чувствовалась прохлада ночи, и тело само собой, как бы по наитию, плотнее закутывалось в одеяло. Спать не хотелось, или может быть не могло, ведь лег в кровать юноша, совсем рано. Вставать тоже желания не было, кровать нагретая за время отдыха и присущая каждому человеку утренняя лень, крепко держали парня в своих объятиях. Так и не придумав в итоге, что же ему делать, Луций перевернулся несколько раз с бока на бок, и устался на дверь, из-под которой пробивалась тонкая полоска лунного света. Сверчок, находящийся где-то вне комнаты, старался изо всех сил быть услышанным, и стрекотал с такой силой, что казалось его главной задачей, было разбудить весь дом. Время как бы замерло и начало растягиваться, словно стало резиновым. Юноша и сам не знал, выпался он или стоит еще немного подремать. Полоса лунного света явно намекала, что подниматься рано. Луций перевернулся на спину, закрыл глаза и попытался заснуть, однако, этого совершенно не получалось. Сон, будто рукой смахнуло, а сознание, обычно так тяжело возвращающееся с утра, плотно заняло законное место в голове и больше не собиралось на покой. Около кровати, совсем рядом, на полу, слышалось равномерное сопение спящего человека. Это придулился Аким, раб привезенный из Карфагена вместе с остальным скарбом. Поняв, что сон на сегодня окончен, молодой господин окликнул его. Раб в ту же секунду проснулся, сел на пятую точку поджав под себя ноги, и немного побыв в этом положении, чтобы не уснуть, пошел зажигать светильник. Маленький огонек, запрыгал на кончике приплюснутой масляной лампы. Светлее не стало, но все-таки появилось какое-то ощущение света. Луций приподнялся на кровати, опираясь руками на длинную спинку, а ноги поставил на маленькую скамеечку внизу, тем самым давая понять Акиму, что он пробудился окончательно и желает покинуть комнату. Раб знал своего хозяина давно и хорошо. Несколько раз повторять не приходилось, поэтому, стоило одной ногой, коснуться обтянутой малиновым сукном скамеечки, как он уже застегивал на ней сандалии. Туника, бледно-малинового цвета, оказалась так же приготовленной, и выглаженной висела на спинке кресла.

Выйдя из кубикулума, в нос ударила свежесть наступающего дня, отгоняя от двух молодых людей остатки дремоты. Точнее сказать остатки дремоты от Акима, Луций проснулся уже давно и окончательно. Снаружи оказалось светлее, чем в комнате, однако все равно темно и некомфортно для глаза. Рассвет только-только принялся заниматься над крышами заспанных домов, и вместо света давал какую-то ярко-туманную дымку. Мир вокруг только готовился задышать новым днем, однако кое-кто, не был к этому готов. Причем, не готов он оказался, не по своей воле. Скорее, по своей природе. Этим кое-кем, разумеется, был Луций. Картины вчерашней казни, словно вспышки, выныривали из памяти ужасными подробностями. Сон не смог вымыть прошлых впечатлений и расставить мысли в голове. Вчерашнее чувство угрызения совести, с новыми силами, принялось грызть и точить молодое сердце. Отдых, казалось, сделал не лучше, а наоборот, хуже. Луций чувствовал себя натурально плохо. Вчерашний день навалился на него с новой, удвоенной силой. Он посмотрел вверх, туда, где над имплювием зияла пустота, усеянная угасающими звездами. Но там, в небе, отсутствовали ответы, лишь

дымка, точно такая же как и него в голове. Радость утра не приносила ожидаемого покоя. Юноша не знал, куда ему идти, но и стоять на месте сил не находилось. Он чувствовал потребность непременно куда двинуться и что-то делать. Луций побрел куда-то, словно пьяный, мотаясь и стороны в сторону. Аким тихонько семенил за ним, соблюдая дистанцию. Он легко угадывал настроение хозяина, и видя, что тот не в духе, старался поменьше попадаться на глаза.

Прогулка оказалась не долгой, а если точнее, то ее и не было как таковой. Ноги принесли молодого человека, туда, куда и должны приносить хорошо воспитанного сына. Другого места просто не могло быть. После череды небольших заворотов появилась нужная дверь, ведущая в таблинум. Юноша знал, точнее, надеялся, что отец уже проснулся, и если это так, то единственное место, где бы он мог оказаться, так это его новый кабинет (таблинум). Так и оказалось. При входе в кабинет, возле дверей, сидели два раба и тихонько переговаривались о чем-то своем. Появление молодого господина не смутило их. Они, так же как и Аким, переехали сюда из Карфагена, и посему прекрасно знали, что молодой сын иногда навещает отца, в столь ранние часы. Продолжая свой разговор, они почтительно отползли в сторону, освобождая проход.

Зайдя в новый кабинет Луций осмотрелся, ведь в новый таблинум, он зашел первый раз. Кабинет представлял собой небольшое помещение, без окон и с двумя выходами, расположенными друг против друга. Он смотрелся достаточно высоким, чтобы его обитателям дышалось комфортно и движения не были бы стеснены, но при этом компактным, так, чтобы его хозяин знал, где и что у него лежит, и при этом мог до этого быстро дотянуться. Прямо напротив основного входа, стоял большой стол, уже заваленный по-хозяйски какими-то развернутыми бумагами. Над ними корпел отец, сосредоточенно чего-то разглядывая в свете нескольких зажжённых светильников. Справа и слева, возвышались огромные, упирающиеся почти в потолок стеллажи, густо заставленные свитками папируса и книгами. По периметру кабинета, выделяясь из тени белизны мрамора, стояли несколько причудливых скульптур, разного содержания. Если посмотреть под ноги, то глазу открывалась причудливо собранная мозаика, светло-серых цветов, переплетающихся между собой на темном фоне. Однако не только взглядом можно было объять её. Она еще и чувствовалась, при каждом шаге, наступая на неё. Стены кабинета, как и положено моде того времени, пестрили узорами художника, однако не античными картинами а в стиле реализм. Глядя на них создавалось впечатление, будто бы находишься не в кабинете вовсе, а в живописном саду, среди горластых птах и разросшихся кустарников. К слову сказать, композицию дополняли кадки с цветами, выстроенные вдоль стен, и клетки с птицами, спадающие на невидимых цепочках, прямо с потолка. В целом таблинум можно было признать достаточно уютным.

Подойдя к столу, Луций застыл в ожидании и некоторой нерешительности. Он знал, что отвлекать отца нельзя. К тому же, будучи воспитанным юношей, хорошо знавшим манеры, сын терпеливо ждал, пока отец закончит. Уже через минуту, из-за вороха бумаг показалась убеленная сединами голова, со светившимися, как у кошки, глазами, и еле заметной блуждающей улыбкой.

– А сын, это ты!! – при этом улыбка приобрела более четкое очертание, и он снова нырнул в бумаги.

Луций ничего не ответил. Он прошел несколько шагов вперед, и грузно плюхнулся на клиентский стул, придвинутый к столу с обратной стороны. Пальцы, в нервном напряжении, отстукивали какой-то непонятный мотив, по черному канту стола, выполненному из камня. Тревога и печаль вчерашнего дня не покидали его. Перед глазами до сих пор рисовалось лицо растерзанного старика. Все виделось так четко, что казалось, происходит с ним сейчас и наяву. Эти глаза, словно два угля преисподней, светились обжигающим пламенем ненависти. Он чувствовал запах того раба, как будто бы тот лежал возле ног юноши. На мгновение ему показалось, что он ощущает липкость крови, разлившейся большим пятном возле стола. Этот поганый раб никак не отпускал его.

Отец снова вынырнул из вороха и уставился на сына. Если сказать, что его ребенок казался подавленным, то это значит, не сказать ничего. Пред ним, аккуратно примостившись на стуле, сидел не его сын, а сгорбленный старик, согбенный судьбой за долгие годы прожитой жизни.

– Что случилось? Рассказывай! – повелительным тоном приказал Флавиан.

Луций мялся на стуле, не зная, что ему собственно отвечать. Как нашкодивший мальчишка боящийся трепки, выглядел он сейчас. Тяжелая голова, подпертая рукой, казалось, еле держится на шее.

– Да и сам не пойму, что меня так гложет. Я не сделал ничего зазорного, отец. Однако тяжелое чувство вины сковывает мне грудь, будто я опоясан тугой цепью, той что Гефест изготовил для Прометея, – сейчас юноше казалось, что приплетя сюда немного мифологии, он сможет ярче и понятнее выразить свои чувства.

– Не торопись, – перебил его отец, – рассказывай по порядку.

Луций принялся описывать вчерашний день, не пытаясь скрывать от отца подробности произошедшего. Он знал насколько сильно любит его родитель, и поэтому всегда откровенничал с ним напрямую. Так же юноша знал, что отец готов простить ему любую шалость, поддержать его в любой, даже самой непростой, ситуации. И иногда, болтая с приятелями, он замечал зависть в их глазах, как только вопрос заходил про родителей. Причина оказалась весьма банальной. Их отцам сыны были недосуг. Их умы занимали другие, более важные дела, поэтому роль наставника в семье выполняли учителя и тренеры, которых нанимали за немалые деньги, и постоянно попрекали этим, если что-то в учебе что-нибудь шло не так. Луцию повезло. Такого отца как у него надо было еще поискать, да и поискав, вряд ли сыскали бы. Флавиан внимал повествованию сына очень внимательно, стараясь не упустить ни одной детали. Слушать человека и понять его, есть две разные вещи. Нельзя упустить из виду даже мелочей, ведь взгляд на одни и те же вещи, с течением времени, меняется кардинально, что же тут говорить о разнице восприятия мира взрослым мужем и юным подростком. Вспомнить хотя бы первую девушку, или первый бой, перед началом которого ноги тряслись сами собой. Кровь, словно кипящая лава, энергично бурлила по венам, тело превращалось в тугой лук, жаждавшее той стрелы, что заставит его распрямиться. Вот это были ощущения!! Томление, переживания!!?? Где они теперь?? И женщины и войны смешались в однородную массу, лишь изредка проблескивая огоньками чего-то былого. Однако, это серое настоящее, эта славная память прошлого, всё это сейчас только у него. А у его мальчика жизнь только начинается!!! Все впереди!! И виктории и поражения!! Отец с какой-то белой завистью смотрел на сына. Наверное, он бы многое дал, чтобы сейчас сидеть вот так, в растерянности, из-за какой-нибудь чепухи.

Флавиан по праву считался исключительным отцом, и нынешнее состояние сына вызывало у него тревогу. С мягкой улыбкой на лице, сидя прямо напротив Луция, ловил он каждое его слово. Ни одна деталь не оставалась незамеченной. Он видел, как пробежали мурашки по рукам сына, когда тот рассказывал, о выборе раба для казни. Чувствовал как в нем боролись противоречия, кричащие в одно ухо «Трус, слабак» а в другое «Великодушие, справедливость, честь». Становилось понятно, что Луций запутался, что он не понимал, правильно ли поступил. Серьезнейший конфликт раздирал душу ребенка на части. Пытаясь быть взрослым, стараясь походить суровостью на отца, он совсем не знал, что обрекая кого-то на смерть, пускай даже и бесполезного раба, ответственность за это решение, лежит на том, кто его принял. Сейчас он был еще юн, и не мог смотреть на ситуацию под правильным углом. Раб не человек, это верно, однако, он и не овца, идущая на убой. Он что-то среднее, ближе к овце конечно, но все – таки. Каждый, неважно, человек он или животное имеет свое предназначение в этой жизни. Каждый своё, и иногда и не одно. Солдат – воевать, мать – рожать, мясо – быть кормом. Как звери смогут радовать зрителей на арене, если у них не будет практики?? Вот, что следовало объяснить сыну. Удел человеческого мяса – кормить. А этот, тот которого скормил сын, взял

всё и испортил. Вместо того, чтобы сопротивляться, отбиваться и брыкаться, покорно сложил голову. Это проще барана к гиенам пустить. Если бы не вкус человечины, то он и вовсе провалил свою миссию. Так мыслил Флавиан, так было заведено в его доме, и так он хотел, чтобы мыслил его сын, будущий наследник.

– Раба втокнули к гиенам, – продолжал разгорячённо Луций, – но ни одна жила в нем не дрогнула, видно было, что старик страшился их, но не боится смерти. Высоко подняв голову, оставаясь при этом с каменным, надменным лицом, он выказывал презрение мне и всем остальным вокруг. Когда гиены стали рвать его на части, этот старый дед, смотрел на меня своими горящими глазами, в которых читались не мольбы о пощаде, а столько злости и ненависти, что мне стало не по себе. Казалось, что не раба я отдал на пожирание, а римского гражданина, вот как он смотрел на меня. Рабы так не смотрят!!! Будто бы и не заслуживал он такого конца, будто бы я совершил преступление, без вины казнив неповинного. Не могу понять, что со мной, но чувствую, что поступил неправильно, хотя в чем именно, не могу разобраться.

Флавиан не перебивал сына. Он дал ему сполна выговориться, выплеснуть из себя, все то, что камнем лежало на душе. Кроме того, он был тем человеком, который не болтает попросту, а ответ готовит долго и основательно. Поэтому когда Луций закончил свой рассказ, и вытер уже не детским кулаком, увлажненные от слез глаза, он продолжал молчать. Так прошло несколько минут, по истечении которых отец поднял голову и заговорил:

– Я услышал тебя, а теперь ты послушай меня. Давай не спеша, потихоньку, шаг за шагом разбираться в том, что произошло. И для начала, нам нужно понять, кем же являлся тот старик. Ты сказал, что чувствуешь, будто не раб он вовсе, но гражданин великой Римской Империи. А почему ты так решил? Разве не привезли его неведомо откуда закованного в кандалы, в трюме какого-нибудь грязного корабля. Разве не был он одет в рванину, или может быть он разговаривал на известном тебе языке? Почему же ты наградил его титулом гражданин? Как и откуда ты смог такое помыслить?

Луций потупил взор. Не это он имел ввиду рассказывая историю.

– Я знаю, что он раб, то есть, он без сомнения раб, но вел себя он так, как подобает достойному патрицию. Оказавшись в клетке, старик презирал смерть, смотрел ей в глаза без страха, а на меня бросил такой взгляд, что мне до сих пор перед ним, как будто совестно и стыдно, – тихонько закончил он.

– Что-то я тебя не понимаю. Ты знаешь, что он раб, однако, в глубине души сочувствуешь ему. Почему? – спросил отец.

Луций молчал в ответ. Он понимал, что несет какую-то белиберду, однако это белиберда сегодня являлась для него сегодня, правдой и основой. Ну не может презренный раб, не может это глупое животное, быть таким гордым и надменным. Не может он так призирать и одновременно ненавидеть. Флавиан немного подождал и убедившись, что ответа не последует, продолжал:

– А, что такое раб?? – громко вопрошал отец. Луций сидел так же, не поднимая головы, и как будто не замечал этого вопроса.

Раб – это орудие производства!!!, – торжественно проговорил Флавиан, – Ты же, зачем-то, возводишь его в культ человека. Это мнение ошибочно, и именно из-за этого мнения, ты не можешь найти покоя. Вот, например, как можно сравнить апельсин и нашу галерею? Правильно. Никак!! А ты, мой друг, каким-то образом пытаешься это сделать!! Но это невозможно. Раб не человек, хотя и может им стать. Однако, до той поры, пока он скован кандалами, пока я решаю, что ему делать и когда умирать, он не человек, и потому сравнение неуместно.

– Я знаю, что такое раб, отец, – вспыхнул Луций. – Но он совсем другое дело. Он гордец, смельчак, он образован!!! Я прочел это в его глазах. Рабы так себя не ведут. Я видел тысячи их, и все как один трусливы, завистливы, тупы и ленивы. Как только они заслужили наказания, все поголовно, пытаются оправдаться и избежать кары, хотя всегда, она справедлива. Этот старик

совсем другой. Может быть до рабской жизни, он был философом, может быть ритором, а может ...

– А какая, по сути, разница?? – перебил его Флавиан.

– Как какая?? Ты спрашиваешь, какая разница между философом и рабом разгружающим камни?? Я отвечу тебе отец. Разница в том, что один всю жизнь учился, развивался, постигал истину, а второй грузил камни, а в перерывах пьянствовал вино тайком от хозяина. Как можно их вообще сравнивать?

– Тогда как же так получилось, что он очутился в одном эргастуле с рабом-каменщиком?? – спросил отец, при этом растянув свой старческий рот, в игривой улыбке.

– Как случилось так, что образованный философ, ест одну и ту же кашу, что пьяница-каменщик. Как случилось, что он спит с ним по соседству, выполняет такую же работу. Кстати, надо отметить, выполняет ее хуже того раба, который тайком выпивает.

– Я, я не знаю. Может быть его народ оказался поработленным в какой-нибудь войне, может быть он совершил преступление и его пленили, да мало ли вариантов для того что бы сделаться рабом...

– То есть, возможно, он стал рабом случайно, и это его оправдывает?? А ты по незнанию, скормил гиенам выдающегося мыслителя-философа. Ты это мне пытаешься сейчас объяснить??

– Да, – при этом лицо Луция озарилось светом понимания, ему стало приятно, что он смог донести свою точку зрения. Самым важным для него теперь стало, чтобы отец посмотрел на этот случай его глазами. Чтобы он смог до конца понять чувства, кипевшие в юной груди. И Луцию казалось, что замысел получается.

– Скажи мне, если твой народ побеждают, захватывают, и обрекают на рабство, есть ли у тебя выбор?? Волен ли ты выбирать свою дальнейшую судьбу?? – с напущенной важностью спросил Флавиан.

– Волен! – не думая, в мгновении ока, выпалил Луций, – каждый сам волен выбирать, жить ли ему рабом или умереть гражданином.

– Тогда получается, и у того старика, что в прошлом считался философом, тоже был выбор! Правильно?

– Получается, был, – невнятно промямлил сын. Сейчас перед ним преставала та же картина, но не много в других красках.

– Значит, старик сам себе выбрал такую участь. – продолжал развивать свою мысль Флавиан, как бы вытягивая ее из сына. При чем тянул он ее медленно и скрупулезно, как рыбу на леске, чтобы эта мысль ни оборвалась и была понятной, на всем ее протяжении.

– Даже если и так, – продолжал упорствовать Луций, уже не такой уверенный в своей правоте, однако не желающий так просто сдаться. – Даже если и так, это не отменяет того, что он мог являться мудрецом и философом.

– Ну какой же он мудрец, посуди сам? Только не спеши. Мы, римляне, сначала думаем, а после делаем, в отличие от этого раба. Если философ сам себя обрек на рабство, то получается он плохой философ. Если всю свою жизнь он что-то там познавал и изучал и слыл наверняка мужем ученым, то почему же, при появлении возле ворот его города наших легионов, он не дал жителям его кормившим, правильного совета? Почему не спас своих граждан? Почему сам в их числе сдался на милость победителей? А кстати, милости ему никто не обещал. Получается та истина, которую он так тщательно изучал и нес в народ, оказалась ненужной и фальшивой. Что с нее толку, если теперь его дети гнут спину под ударами бичей на полях, а его женщины или разделяют ложе с нами, или трудятся на кухнях. Пойми сын, изучая любую науку, постигая самые великие учения, все это окажется бесполезным без элементарных умений. Например, если он не умеет плавать, то, как ему помогут философия и риторика на озере или в море? Правильно!! Никак. Так и здесь получилось!! Изучай ты что угодно, а не умея воевать, не умея

защищаться, ты в любом случае обречен на преклонение перед более сильным. Не сейчас, так чуть-чуть попозже. Такова природа всего живого. Если антилопа не может убежать от тигра, значит она уже не антилопа, а лишь завтрак для хищника. С людьми абсолютно так же, одни живут для господства, вторые для рабства. И никакие силы, кроме сил военных, не способны этого изменить. Если бы старик оказался бы достоин жизни, то нашел бы шанс доказать это, а он поступил как баран, который покорно ложившийся под нож мясника, при этом закрывая глаза, и надеясь, что что-нибудь переменится. Пойми, если бы его учение, если его ум оказался бы ценен, то об этом бы непременно узнали. Посмотри вокруг, мы живем в роскоши, но не всё Римляне придумали сами. Наши поля возделывают умелые земледельцы из Африки, греки отвечают за нашу духовность, северные племена рассказывают нам про металлы. Мы используем чужие знания. Поэтому, если бы старик что-то из себя представлял, мы бы знали про то, и наградили бы его соразмерно. Тут совсем другое. Продавец на рабском рынке, продал нам его для корма животным. Ну был бы он ценным, отдали бы нам его задешево да еще бы на корм??

– А если он гордец?? Если не захотел сломаться под нашим давлением, – как-то глухо спросил Луций.

– Об этом раньше нужно думать, на поле сражения. Там умирают войны. Выбирая же смерть в плену, надо понимать, что участь для него определяем мы. И когда той участи случится, тоже выбираем мы.

– Но он так смотрел?! – чуть ли не взмолился Луций. – Не смотрят так рабы.

– Правильно. – парировал Флавиан. – Рабы так не смотрят. Так смотрят идиоты, балбесы, те, что за отведенное им время не научились ничему путному и годны лишь для растравки гиен. А ярость этого деда!! – Флавиан рассмеялся. – Да плюнуть мне на нее и растереть. Тоже мне божок!! Я завтра скормлю собакам всю его семью, и если захочу, то и весь его народ. И всё потому что они бестолковые и больше не на что негодные. А любят они меня или ненавидят, какая мне разница? Это они должны обсуждать меня за спиной и бояться, а не я их.

Луций смотрел на отца с каким-то подобострастием. Именно за этим он и пришел в его таблинум. Мысли в голове наконец-то обретали прямое русло, с расчерченными берегами и читаемыми поворотами. Становилась понятно, куда бежать по ним мыслям, куда поворачивать, когда вспениться, а когда и пойти тихо. Правда, не всё оказалось так гладко, как хотелось бы. Внутри юноши сталкивались и перемешивались сразу два чувства. Первым из них была неприязнь. Неприязнь личная, к себе самому, потому что он как мальчишка, не до конца разобравшись в обстоятельствах, понастроил воздушных замков полных сочувствия, слез и печали, забывая главную истину. Ту истину, которой постоянно учит отец, ту, что он еще раз повторил и в этом разговоре. Мужчина, римлянин, не может позволить себе додумывать, он должен принимать во внимание лишь неоспоримые факты. Сначала думать, потом делать. Однако более удручающим он считал то, что он вновь показался отцу не зрелым мужем готовым облачиться в белоснежную тогу, а розовым юнцом. И это после недавнего разговора, в котором отец похвалил его ум. Сказал, что гордится, какой у него замечательный сын. Эти разочарования словами передать невозможно. Нижняя челюсть, пристала к верхней судорожно подёргиваясь, готовясь к всхлипу в любую секунду. Глаза увлажнились. Дыхание стало более широким, задерживающим воздух в легких на больший промежуток времени, не позволяя груди, разразится в рыданиях. И именно сейчас, ему в помощь приходило второе чувство – чувство некоего внутреннего спокойствия, принесенного тем, что он не сделал дурного, что казнь старика правильна и справедлива. Эта гамма противоречий текла внутри юноши, предавая его лицу, словно хамелеону, разные окраски и выражения. Тяжелая скала упала с плеч, и одновременно с этим, навалилась другая. Стыд перед отцом, словно вино налитое в амфору до краев, наполнило и его душу. Смотреть в улыбающиеся глаза отца не было сил, и лишь темнота утра помогавшая скрыть его стыд, давала некоторое облегчение. Луций сидел молча, опустив голову на грудь и потупив взгляд. Флавиан поднялся с места, подошел к юноше и легонько приобнял его, при этом

тихонько подталкивая плечом. Он прекрасно понимал переживания сына. Знал, как тот по-детски наивен, как раним, и как сейчас нуждается в его поддержке.

– Не переживай. В этом мире все сомневаются в том или в ином. Выбор не всегда бывает легким, а путь к принятию решения тернист и извилист. К сожалению, нельзя постоянно находить верное решение, и ошибки, которые допускает каждый из нас на своем жизненном пути, неизбежны. Но вчера ты оказался трижды прав. Первый раз – когда самостоятельно вынес приговор. Второй – когда побоялся того, что приговор возможно ошибочный. Третий – то, что пришел ко мне и рассказал все по совести, так как чувствуешь. Ведь для чего ты это сделал?? Для того, чтобы разобраться и не допускать ошибок в дальнейшем. Это для меня дорого стоит. Я смотрю на тебя сын, и вижу не какого то выскочку, но мудрого юношу, пытающегося понимать, что и зачем он делает. – отец дружески похлопал его по плечу. – А на кровь, которая льется по соседству с твоим взрослением, не надо обращать внимания. Она льется в любом случае и независимо от того, хочешь ты этого или нет. Более того, тот раб, которого ты казнил и покупался именно для этого, и если бы ты этого не сделал вчера, то сделал бы сегодня Палла, Буру или я. Повторяю тебе. Предназначение!!! – при этом он важно поднял указательный палец вверх.

Сладкий нектар разлился по всему телу Луция, после слов поддержки. Жизнь снова обернулась в краски радости. Воздух вновь вместил в себя весь аромат сада расположенного в перистиле, и одновременно наполнился живой влагой бассейна. Дышать стало легко и весело. Внутренний огонек снова зажегся и засверкал изумрудами в глазах молодого патриция. Все-таки есть одно неоспоримое преимущество у молодых людей. Им дано право совершать ошибки, за которые не всегда приходится отвечать. А происходит это хотя бы потому, что присмотревшись более опытным взглядом, и ошибки то ни какой и не произошло. Однако мимолетное веселье сменилось некоторым замешательством. И не много помолчав, он спросил:

– Вчера, там, в зверинце, рабы видели мой позор – с грустной улыбкой, почесывая шею, произнес Луций. – Что будет дальше отец??

– Не переживай. Сплетни про тебя, про меня, про всех членов нашей семьи, всегда будут. Важно правильно относиться к ним. Одно дело, когда они шепчутся, где-то там, в застенках двора. С этим ничего не поделаешь. Да и нужно ли?? Лично мне нет дела, что думает про меня моя лошадь, везущая в город товар, или мой раб, отвечающий за содержание зверинца. Совсем другое дело, как они себя ведут. Здесь да. Если раб осмелится выказать мне пренебрежение, улыбнуться приказу, или еще каким-нибудь способом усомниться в моей абсолютной власти, тогда самыми суровыми методами я научу его уважению. Если же увижу, что мое ученье идет только во вред ему, что оно озлобляет его скудный разум, тогда, в тот же самый момент, он пополнит ряды гладиаторов, если у него есть силы сражаться, или же ряды мяса для хищников, если их нет. Так что еще раз повторю: не думай о рабах, как о людях достойных. Это животные лишь внешне схожие с нами. Они созданы прислуживать, а не думать правильно ли поступил их хозяин или нет. А сейчас, тебе надо развеяться. Я как раз с утра, собирался посетить рынок, и прикупить несколько рабынь, а то здешние, страшные как Горгоны, наводят тоску, печалят взор, и не привносят на виллу красоты. Ты со мной?? – при этом Флавиан хитро подмигнул сыну.

Луций очень удивился этому предложению, ведь обычно работоторговцы, сами привозили к отцу товар. Он прекрасно помнил, как отец чинно восседал на своем кресле в атриуме, именно там он любил вести смотры, взирал на товар пригнанный знакомым мангоном. Как стройные босоногие мулатки, перемешиваясь с пышногрудыми белокожими девушками, пытались понравиться будущему хозяину. Слух, не первый год, гуляющий по Карфагену о его отце, как о хозяине добродетельном, считался честным и справедливым.

– Мы сами поедem на рынок? – не совсем доверяя ушам, переспросил Луций.

– Да!! Хотя мне рекомендовали здесь, одного торговца, рабыни которого славятся красотой на весь Рим, однако, такие шарлатаны как он, во-первых, запросят втридорога, а во-вторых не покажут тебе всех имеющихся девиц. Именно поэтому я и хочу съездить сам, заодно и с городом познакомимся, нанесем кое-кому столь необходимые визиты. Ну, так как? Ты со мной??

– Конечно!!

Уже через несколько часов они находились в Остии. День только начинался, а утро выдалось солнечным и не жарким. Конечно, если принимать в расчет тот факт, что Флавиан и Луций приехали с берегов знойного Карфагена, то утро в пору назвать и прохладным. Мостовая, не аккуратно сложенная из камней разного размера, отдавала ночной холодок, окрашиваясь из темно-серого в солнечно-светлый цвет. Булыжники, недовольно шипя и чуть-чуть дымясь, казалось с неудовольствием, отдают накопленную ими с таким старанием, ночную свежесть. Огромные многоэтажные инсулы, нагроможденные, будто-то бы уродливые исполины вдоль улицы, закрывали прямое попадание лучей Гелиоса в город. Дорога походила на солнечную зебру чередованием мрака и яркого света, проливающегося, как бы из-за плеч домов. Трава и деревья, только пробудившиеся ото сна, дышали на город прохладной бодростью. Несмотря на ранний час, Остия быстротечно заполнялась народом, и громкий шум множества голосов стремительно вытеснял утреннюю тишину. Людские потоки подобные каплям воды, сливались с разных мест в одну огромную лужу. Повозки и телеги, уже успевшие разгрузиться, с бряканьем и скрипом, старались поскорее покинуть город, дабы не застрять в прибывающем потоке человеческих масс. Остия просыпалась ото сна. Открывая свои огромные глаза, она дарила населению новый, полный надежд и переживаний, день.

И действительно, чем выше поднималось солнце на утреннем небосклоне, тем сильнее крепчали и наливались скученностью человеческие ряды, пробираться сквозь которые стало делом, решительно, невозможным. Поручив лошадей Палле, отец с сыном дальше пошли пешком. Оба любили пешие прогулки, и к тому же было интересно собственными глазами рассмотреть город, про который столько всего рассказывали. Впереди них, как и положено знатным патрициям, шло двое огромных мускулистых рабов, которые словно волнорезы, расчищали проход впереди себя, расталкивая любопытных зевак, или замешкавшихся работяг. Народ видя их, расступался, устремляя многочисленные взоры в сторону незнакомых, но точно важных персон. Раб-глашатай, идущий рядом с неизвестной парой, во все горло доводил до всеобщего сведения, что это сам Флавиан, победитель тысячи битв, военачальник награжденный золотой цепью Веспасианом, отмеченный золотыми наручами проконсулом Африки, и являющийся его представителем у берегов Остии, идет по этой мостовой. «Дорогу!!! Расступитесь и предоставьте ему дорогу!!!» Однако, чем громче он напрягал голосовые связки, тем плотнее становилась толпа вокруг них. Рим всегда любил героев, и интерес увидеть важного человека собственными глазами, превышал страх побоев. Тем не менее, преследовать его никто не собирался. Разок посмотрев на великого завоевателя, зеваки разбегались по своим делам. Вот так, окутанные мимолетным вниманием и секундным почетом, двигались теперь известные персоны по центральной мостовой города. Однако, долго идти по широкой и главной дороге, им было не суждено. Очутившись на перекрестке, компания двинулись чуть левее, где людские толпы еще более уплотнились. Пройдя через маленькую арку, они оказались на узкой улочке, ведущей к небольшому форуму. Навстречу, в том и в обратном направлении сновали покупатели и продавцы. Шум голосов, до этого не такой заметный, стал перерастать в гвалт, в котором разобрать что-нибудь отдельное не представлялось возможным. Людская масса начала перемешиваться красками одежд, будто бы морские течения встретились в небольшой бухте, глядя на которую теперь, нельзя было разобрать какого цвета там вода. Вот тощий, одетый в дырявый плащ бродяга, тянул за собой веревку с заарканенной за шею азиаткой. Причем красавицей ее бы точно никто не назвал. Она смотрелась кривой и рябой одновременно. По лицу волочашего веревку

доходяги читалось, что он употребил все имеющиеся средства, для покупки рабыни. При этом счастье, бывшее ключом из него говорило, что потратил он эти деньги правильно. Глаза его излучали радость, а нос, заросший угрями, был задран вверх. Этим самым он как бы демонстрировал окружающим, что у него тоже есть рабы, и он тоже гражданин славной Империи. Следом за ними, легко бегом, двигалась группа рабов, скованная между собой двумя рядами цепей. Они были угольно черного цвета, высокие, мощные и широкие. Темнокожие лица казались будто бы одинаковыми. Не составляло особенного труда догадаться, что купили их скопом, и что это люди одного племени. Массивные шеи уже успели облачить в кожаные ошейники, которые, как могло показаться, совсем им и не жали. Между тем, ни капли сожаления или грусти не блестело в африканских глазах. Напротив, озорной игривый огонек, передаваемый от одного к другому, озарял черные физиономии. Они остались вместе!!! Их купили в один дом!!! Что может быть лучше?? Подобная радость считалась хорошим пунктом и выдавала в них, рабов воспитанных, подготовленных для жизни в подчинении, бывшим работником. Но вернемся к сыну и отцу. Чем ближе они продвигались к центру площади, тем менее плотными становились людские потоки. Остановившись прямо посередине форума, Луций с Флавианом решили осмотреться, дабы понять, куда им двигаться дальше. Вдоль стен, по всему периметру форума, длинными рядами тянулись торговые подмостки. Выполненные из дерева и сбитые на скорую руку, они каждый раз со скрипом прогибались, стоило новому «товару» взобраться на них. Для более комфортных смотрин, эти подмостки как бы возвышались над форумом, давая покупателям возможность, словно зрителям в театре, скрупулёзно и особенно тщательно разглядывать рабов. Нижняя часть этой мнимой сцены закрывалась тяжелыми занавесками. То делалось, чтобы зрители целиком и полностью фокусировались на текущей продаже, не заглядывая, так сказать, в кладовую. Чтобы взбираться на эту шаткую конструкцию, сбоку приставили какое-то подобие лестницы. Стоит добавить, что эта лестница приходилась как минимум родственницей мнимой сцене, ибо лазать по ней мог далеко не каждый. Её конструкция, точно так же как и конструкция подмостков выглядела шаткой, и не надо быть особенно догадливым человеком чтобы понять, что она может развалиться в любой момент. Однако, оставим на мгновение старый подиум с дефилирующими по нему товарами и вернемся к площади, на которой так органично размещался невольничий рынок. Форум делился на четыре части, как прямоугольник. Каждая его стена считалась гранью. Вдоль каждой из этих граней, рабы продавались по назначению. Больше всего народа толпилось возле противоположной стены от входа. Приглядевшись, Луций увидел на подмостках молодую девушку, только что вогнанную на них. Оказавшись перед стольким количеством любопытных жадных и похотливых глаз, она совсем растерялась. Распрямитесь в полный рост, ей не позволял стыд. И стыдиться было от чего, ведь из одежды девушку окутывал лишь лоскут материи, перехваченный поясом в области груди. Более того, тот лоскут не имел целостной формы. Он был разодран с обеих сторон до уровня талии таким образом, чтобы сильнее выразить округлые, совсем еще юные формы бедер. Срам и чувство отвращения сковывали движения девушки. Еще совсем недавно, эта юная особа строила совершенно другие планы на жизнь. За свое недолгое существование она успела отказать нескольким женихам, выбирая для себя подходящую партию. Успела настроят планов, успела задумать, как сложится дальнейшая прекрасная жизнь. И всё вроде бы шло хорошо, но так же стремительно, как буря находит на город, у ворот ее дома появились римские легионы. Огненно-красного цвета, эти солдаты напоминали раскаленный песок, принесенный неизвестно откуда западным ветром. Закованные в броню войны больше походили не на людей, а на бронзовые изваяния. Однако, не это поразило ее в захватчиках. Истинный страх вызывал холод, исходивший от них. Там, под латами, от солдат не чувствовалось человеческого тепла. От них веяло металлическим спокойствием и равнодушием к побежденным. И это не было обманом. Девушка прекрасно помнила, к своему несчастью в деталях помнила, как ворвались захватчики на ее порог, как пал от удара меча отец, даже не успевший вымолвить слова. Пом-

нила перепуганные глаза матери, бросившейся на нее с ножом. Помнила, что не могла понять, за что мама пожелала ей смерти, а отгадку нашла лишь в трюме корабля, перевозившего пленниц. Помнила как мать, с этим самым ножом в руке, оказалась заколота, словно животное, под веселое улюлюканье солдат, кортиком легионера. Стоя на подмостках, не раз обесчещенная, и уже с полным пониманием новой жизни, она искала в толпе будущего хозяина, пытаясь угадать дальнейшую судьбу. Ведь где-то, среди этих отожранных рыл, стоял и он.

Следом за девушкой, под общее веселые выкрики народа, на торговый подиум поднялся продавец-мангон. Это был еще не старый человек, с приличным лишним весом, свисающим чуть ли не до колен и так сильно натягивающим засаленную тунику, что она смотрелась на нем, будто кожа на стареньком барабане. Взобравшись наверх, он уперся руками в колени и несколько раз громко продышался, чем вызвал бурю веселых эмоций у покупателей.

– Ты только смотри не сожри ее до продажи, – выкрикнул один невысокий зевака. Грохот смеха волной прокатился по толпе.

Отдышавшись, мангон стал глазами выискивать того, кто кричал. Но сделать этого не представлялось возможным, потому что лицо толпы имело одну общую гримасу с открытым ртом заливаемым смехом. Не найдя обидчика, он решил продолжать свое дело. Поправив венки на голове, который после подъема, съехал немного на бок, мангон было открыл рот. Как вдруг другой голос из толпы, вновь заставил его стать объектом насмешек.

– Вы думаете это венки, – захлебываясь голосил, какой-то сморщенный беззубый старикашка, – это повязка, что бы морда пополам не треснула.

Снова грохот смеха, сотряс стены и близлежащие подмостки. Шутка действительно удалась и пришлась, что называется, ко двору. Даже рабыня, только что втиснутая наверх для продажи, начала краешком губ улыбаться. Находясь в собственности этого рабовладельца, она не раз замечала, что кроме вкусной еды, его не волновало, ровным счетом, ничего. Бывало, раб при нем ошибался, совершал какой-нибудь чудовищный проступок и уже готовился к неминуемой каре. Но вдруг озирался, замечал, что в этот момент рядом никого из надзирателей не находилось, и тогда выдыхал, чувствуя себя спокойно. Причиной подобного являлась лень жирного владельца. Мангон нарочно делал вид, что не замечает проступка, дабы не тратить силы на выяснение обстоятельств. Да что там говорить, ему даже слуг позвать было лениво. Ведь им же придется пересказать содеянное преступником. Однако, ценность денег толстяк прекрасно понимал, потому и проделывал такие штуки, как лазание по лестнице, лично, никому не доверяя сей ответственный труд. Отдышавшись и найдя глазами обидчика, толстяк прокричал:

– Хвала Зевсу громовержцу, что сегодня будет дождь с сильным ветром, и тебя тощая дрянь, точно унесет в море, не будь я Лиссипом.

Началась перепалка. Под общий гогот и хлопанье в ладоши, двое поливали друг друга грязью, на радость остальным. Эта заурядная ссора не интересовала Флавиана и Луция и они, как будто сговорившись, синхронно, перевели взгляд в другую сторону. Там, около стены находящейся справа от входа, продавались рабы, предназначенные для физических работ. В данный момент на подмостках стояли четверо, голых до пояса, мужчин. Из остатков одежды на них зияли лишь набедренные повязки. Тело каждого носило на себе недавно приобретенные шрамы. Кровавые резкие раны не кровоточили, однако, их сочный цвет и количество, говорили, что владельцы этих украшений, в данный момент продающиеся на подмостках, являлись бывшими войнами, взятыми в плен на поле битвы. Руки рабов, опутанные веревками, находились за спиной, а на шеях висели таблички, описывающие их достоинства и недостатки. Головы новоиспеченных рабов, понуро опущенные вниз, не искали в толпе будущего хозяина. Чувство безразличия к тому, что ожидает их впереди пересиливало страх и переживания. Самую важную битву за жизнь они уже проиграли, так не все ли равно, что будет дальше? Такой вопрос и одновременно ответ вертелся в измученных и обреченных головах. Перед ними, взад и вперед, расхаживал продавец. Громким голосом он рассказывал, как их можно использовать, какую

ощутимую пользу смогут они принести. Мангон подходил к ним, хлопал по ляжкам, заставлял поднимать ноги, показывать зубы. Позже, по знаку продавца, на подмости, вытащили два мешка зерна.

– Подними, – громким повелительным голосом приказал мангон, одному из рабов. Его помощник развязал веревки, и освобожденный раб, молча, с уныло-злым, но послушным видом подошел к мешку. Поднять его сразу не получалось, как тот не старался, видимо ноша была действительно очень тяжелой.

– Подними, сказал, – заорал на него мангон.

Однако у бедолаги ничего не получалось. Он напрягся еще сильнее. От этого усилия вены вздулись не только на руках и ногах, но даже на лице. Мешок не поддавался. Вдруг из-за его спины, без приказа и разрешения появился второй невольник. Смелчак ногой подтолкнул мешок на руки к первому. Первый, словно маятник, на который накатили груз, выгнулся, предпринял самое последнее усилие, рванув вперед, и поднялся вместе с грузом. Ноги тряслись от напряжения, руки и шея налились кровью, лицо покраснелось от натуги, но он продолжал стоять. Когда-то давно, закаленный в боях, он умел пересиливать себя и терпеть.

– Обратите внимание, достойная публика, а ведь в руках у него сейчас полтора кикара!! – кричал разгоряченный мангон, показывая на мешок.

– Кто может похвастаться такой силой?? И я прошу за него всего лишь две с половиной тысячи сестерциев!!! Разве эта цена?? Или берите сразу четверых, тогда, только сегодня, будет скидка. Две тысячи триста сестерциев, за каждого, если берёте их скопом. Смотрите внимательно, может быть, с виду они и не кажутся огромными, но когда дело доходит до работы, фору дадут любому негру!!! Их можно использовать и как охрану, ведь они отлично обучены во фракийской армии, или, например, носить носилки. Такие богатыри никогда не уронят паланкин. Дополнительным и неоспоримым их преимуществом будет то, что они мало едят, в отличие от тех же нубийцев.

Он и дальше рассказывал, насколько хороши те рабы, но Луция с Флавианом, это не заинтересовало. Они продолжали исследовать рынок глазами. Теперь, желая узнать, что делается слева от них, пара направила туда свои взоры. Надо отметить, что эта сторона оказалась самой бесшумной. Здесь толпилось меньше всего людей, а если быть более точным, то практически никого. Лишь пара человек, обряженных в плащи, о чем-то тихо беседовали. В этом месте товаром считалась старики, с длинными бородами, в непонятных шапочках, и такие тощие, что казалось, их ребра сейчас прорвут кожу, и вываляться наружу. Продавец даже не пытался их рекламировать, потому что делать это ровным счетом было не для кого. Кто же они были на самом деле? Может быть, мудрецы, не оправдавшие ожиданий, может опытные в прошлом земледельцы, но вернее всего, они принадлежали к той категории, когда самому не нужно, а выкинуть жалко. Обычно, подобный сброд продавали для каких-нибудь другим нужд беднякам, предварительно наврав им с три короба, про способности этих рабов.

Не заинтересовавшись стариками, они пошли туда, где торговали женщинами. Им захотелось посмотреть поближе насколько хорош товар и возможно ли там чего-нибудь путное выбрать. Волнорезы – рабы расталкивали публику, которая с заметным негодованием, все-таки расступалась, увидав перед собой незнакомцев. Любопытство пересиливало страх, и некоторые особо заинтересованные, с неохотой освобождая дорогу, пытались заглянуть в лица незнакомцев, а особо наглые, даже заговорить. Но всё это не имело значения.

Навстречу отцу с сыном, неторопливой и важной походкой, прошел высокий худощавый мужчина, облаченный в накрахмаленную тогу, идеально уложенную по фигуре, с аккуратно подвернутыми складками. За ним, быстро семеня ногами и пряча лицо в копне рыжих волос, бежала та самая рабыня, всего минуту назад выставленная на продажу. Замыкал процессию темнокожий раб, двигаясь, след в след за новой невольницей. Этому слугу приставили к ней, чтобы она не сбежала. Но эта тройка уже не волновала ни Луция, ни остальных. Новый товар

загнали на подмости. Теперь там блистали две женщины. Обе, с черными, как смоль волосами, спадавшими толстыми локонами на белоснежные плечи. Девы не являлись погодками. Одна из них была старше другой, но при этом никто бы не сказал, что старшая второсортна. Наоборот, ее созревшие и сформировавшиеся черты тела, будто бы вылепленные из мягкой белой глины, плавно округлялись, отблескивая нежной кожей, маня ее загаром. Разумеется, не все части тела прелестницы открывались пытливому взору. Шея, кисти, покатые плечи, вот, пожалуй, и всё, что можно было рассмотреть. Остальное скрывалось в драпировках светло-розовой паллы, одетой на ней. Черты лица этой прекрасной рабыни, можно назвать, без сомнения, правильными. На небольшом овале лица гармонично сочетались глаза, в черноте которых заблудился и потонул не один восторженный обожатель. Нос, длинноватый и узкий, спускался идеально ровной линией, к ямочке, над пухлыми сочно-розовыми губами. Обрамлял лицо, коротенький, правильный подбородок. Головку рабыня держала чуть-чуть вверх, выказывая этим свое достоинство, и когда-то важное для нее, происхождение. На шее, длинной ниткой, блистало ожерелье из драгоценных камней. Разумеется, хитрый мангон, не собиравшись его отдавать вместе с рабыней, а заставил надеть, лишь для придания большого лоска и красоты. Этим действием он хотел набить большую цену, ведь красивая женщина, наряженная в изысканные украшения, смотрится дороже, чем такая же, но без них. Этот прием являлся достаточно заурядным среди торговцев. Второй рабыней, возгнанной на подмости, оказалась совсем еще девочка лет четырнадцати или шестнадцати. Скорее всего, и как позже подтвердил торговец, она являлась дочкой той, с которой ее выставили на продажу. Девочка, хотя и выглядела молоденькой, но уже начала «окукливаться». Волосы, ее, как и у матери, чернели смолью. Только прическа значительно отличалась. Стрижка молодой особы, представляла собой расчёсанными в разные стороны пряди, оставляющие широкий пробор на маленькой головке. Глаза девицы, выделялись своими размерами и выразительностью взора, обрамленные густым рядом длинных ресниц, они словно облака окутывали того, на кого она глянет. Брови, выщипанные на современный манер, напоминали летящую птицу, расправившую крылья. Нос, в отличии от материнского являлся плавным продолжением лба, спадающим, будто русло реки, между двух берегов. Губы, как и у матери, дразнили налившейся спелостью и сочностью. В ее гардеробе не было украшений, лишь белая туника, спускающаяся почти до колен, и сандалии, повязанные чуть выше щиколотки, подчеркивали стройность ног своей владелицы. Вдвоем они смотрелись, будто птицы небесные, спустившиеся на землю, посмотреть как дела у смертных. И только глаза выдавали затравленный нервничающий вид, перепрыгивающий с одной головы покупателей на другую. Без сомнений, эти женщины считались главным козырем, изюминкой, украшением, сегодняшних продаж. Мангон, будучи на этом рынке профессионалом своего дела, хорошо знал сословие местных богачей, и так же хорошо знал, что в город прибыл новый управляющий дел Луция Пизона. Сплетни разлетелись раньше их появления. Поэтому, хотя условно с Флавианом никто знаком не был, все совершенно точно знали, кто он. Стоило мангону увидеть, что незнакомая, красиво одетая пара двинулась в его сторону, он сразу же решил показать, так сказать, товар лицом. Не заинтересоваться этими красавицами, привезенными из далекой Иудеи, было, решительно, невозможно. И расчет сработал на сто процентов. Флавиан и Луций, оба, жадно пожирали глазами женщин, уставившись на них, как на что-то диковинное.

– Я хочу вам представить, – начал толстый торговец свой рекламный лозунг, но его тут же заглушил Флавиан. Он заговорил громко, чтобы всем было слышно, но при этом спокойно, с какой-то надменностью и величавостью в голосе.

– Сколько?? – грубо перебил его Флавиан.

Толпа тихонько зароптала, разглядывая незнакомца. Многие, разумеется, догадывались, что за патриций стоит промеж них, однако точной уверенности, что это точно он, не имели. Еле слышный шепот переговорищиков послышался среди людей. А Флавиан, находясь в самом центре этой людской массы, горделиво поднял подбородок вверх, и спокойным, но уже нетерпели-

вым взглядом, поглядывал в сторону будущих наложниц, не замечая больше никого, включая магнона, от которого ждал ответа.

– Десять тысяч денариев, – еле слышным голосом, бурча себе под нос, объявил мангон. Оглашая цену, взгляд продавца блуждал, где-то внизу, будто бы он что-то потерял и изо всех сил силился найти. На самом же деле он переживал, и причиной переживаний являлась цена. Цена сильно завышенная, пускай даже и за таких прекрасных рабынь. Впрочем, наряду с переживаниями, мангон так же так же хорошо понимал, что у этого клиента есть просимые деньги, да что говорить просимые, есть и большие. Не попробовать сорвать куш пожирнее, было не в правилах этого человека, хотя данное предприятие и сопрягалось с определенным риском. В этом торге, без которого и продажа не считалась бы продажей, присутствовал момент пугающий его. Заключался момент в следующем: покупатель мог посчитать цену оскорбительно высокой, а помимо денег, у патриция имелись в наличии власть и связи, которые он мог употребить таким образом, что после, никаких барышей не захочется. Однако запах наживы не давал покоя, он рисковал, и шел на это сознательно. После объявления цены, прошла уже минута, а ответа так и не следовало. Торговец продолжал рыскать глазами где угодно, только б не встретится со взглядом покупателя. На клиента сейчас он глядеть боялся. Еще минута, в толпе начал подниматься недовольный гул. Мангон переселил себя, невольно перевел взгляд на Флавиана. Тот стоял, не двигаясь, как стена неприступной крепости. Не один мускул лица старого война, не выражал ровным счетом ничего. Патриций молча смотрел на мангона, орлиными, хищными глазами. Как торговец не увиливал, а взгляды их пересеклись, и на секунду остановились друг на друге. В холодных глазах покупателя, читалось столько власти, столько силы, столько воли, что у толстого мангона ноги подкосились. Он понял, что проиграл это сражение. Он осознал всем своим естеством, что совершил ошибку, и теперь мангону хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть куда угодно, но только бы не держать ответ перед этим человеком. Чаша весов в его сознании, та на которой находился барыш, начала стремительно подниматься вверх, под ужасным давлением страха, расположенного на противоположной стороне.

– Отец, – практически взревел Луций, – клянусь Меркурием, который этому мангону, покровительствует, цена слишком высокая. Кого ты продаешь? – он уже обращался торговцу. – Это, по-твоему, кто? Дочери Афродиты? Ты совсем из ума выжил??

Молодой патриций начинал нервничать и разъярится. Несправедливость он не переносил с детства, а несправедливость к его семье, считал кровной обидой.

– Посмотри на них, юный Марс. Видел ли ты где-нибудь еще, столько грации, столько достоинства и столько красоты сочлененной в одном человеке. Посмотри на стан этой царицы, он хрупок и силен одновременно, посмотри на белизну ее кожи и рук, ни одна в Риме не похвастается подобными. Посмотри на эти два лица, такими ты будешь любоваться каждый день, и никогда не налюбуеться. В объятых обеих, ты надолго потеряешь покой. Не одну и не две недели, молодой господин, не захочешь ты выбираться из теплой постели, согретой этими двумя красавицами.

Кровь, мощным напором прильнула к лицу Луция. Он покраснелся как вызревшая вишня. Конечно, подобные мысли промелькнули в его голове. Да и как там их могло не оказаться, глядя на эти чудесные создания, однако, обсуждать это в присутствии отца, да еще в присутствии остальных зевак, оказалось совершенно не с руки. Какое-то чувство юношеского стыда, разлилось по молодым, наливающимся жизнью, жилам. Флавиан обратил на это внимание, и еле заметная умиленная улыбка, расплылась по его губам. Сын вырослел, превращаясь из маленького наивного ребенка в мужчину, в будущего лучшего друга, и этого становилось приятно. Луций же, несколько сбитый с толку упоминанием про постель, силился что-нибудь ответить, но никак не мог подобрать нужные слова. Он стоял посредине толпы, с глупым, потерянным в пространстве выражением лица, силясь что-то из себя выдавить. Но что-то, хотя бы чуточку умное, упорно не лезло в голову. Тем не менее, потребность что-то ответить, так

сказать, закончить разговор, поставить точку, разрасталась с новой силой в юном организме. Однако, заканчивать разговора ему не пришлось. Отец пришел на помощь сыну.

– Я ведь приехал сюда не на один день, мангон. И потому уверен, что видеться тебе со мной захочется часто. Так не лучше ли начать наше знакомство, с хороших соседских цен, а не с мыслей о быстрой поживе, – обратился Флавиан к торговцу и одновременно ко всему рынку.

– Кем же вы являетесь, достойный патриций, ведь раньше я вас здесь не видел, – спросил мангон, при этом поднимая голову чуть-чуть вверх, показывая тем самым свою неподдельную заинтересованность.

Флавиан сделал знак глашатаю, чтобы тот представил его как подобает именитому человеку. В тот же момент зазвенел голос раба, славящего как положено, а может даже и сверх нормы хозяина. Глашатай драл горло, упоминая о том, кто такой Флавиан, где воевал, кого захватил, и за какие заслуги сам Луций Пизон, наградил его великой честью, представлять интересы консула во всех делах торговли и управления. Закончив торжественную тираду, он оглядел окружающих, желая видеть восторг и преклонение на их лицах, и убедившись, что эти эмоции там изображены, перевел взгляд на торговца. Тот, будучи не только опытным работником, но и замечательным актером, скорчил физиономию удивления и умиления одновременно. Мангон так старался, что казалось, и сам поверил в свою гримасу.

– Я слышал про тебя, – в восхищении воскликнул он, – хвала Зевсу Громовержцу, за то, что он привел тебя к моим подмосткам. Но как я поступил с тобой? Мне стыдно, очень стыдно. Так не поступают с великими завоевателями, с фаворитами самого Луция Пизона. Я хочу, сейчас же принести свои извинения. Этих красавиц, что не сыскать ни в одном царстве на земле, я дарю тебе в качестве компенсации за грубость, и с надеждой на твое снисхождение ко мне, а также с верой в возможность нашей дальнейшей дружбы. – При этом мангон сделал несколько шагов вперед, и сложился в услужливом поклоне. Разумеется, его действия диктовались не правилами этикета, и тем более не любовью к героям ратных подвигов. Сухим и железным расчетом являлись они. Вовремя сообразив, что Флавиан обставил его, и что он действительно перегнул с ценой, торговец решил форсировать события. Он справедливо предположил силу связей нового знакомого, и с помощью их захотел выйти на частные рынки Рима. Мангон захотел получить вход туда, где в кулуарах, самым известным и богатым семьям предлагались лучшие рабы и рабыни мира, туда, куда на сегодняшний день он не имел доступа, туда, где без него проворачиваются сверхприбыльные сделки. И определенно, затраты в виде двух женщин, к тому же доставшихся ему практически бесплатно, стоили того. Хитрый торговец уже представил, как перед ним распахнулись двери дворца, как его рабыни, красиво кружась, предстают пред очами Тита Флавия, страстного поклонника женской красоты. Он уже видел, как этот баловень судьбы, предпочитает остальным рабыням, его девушек, как ауресы и драгоценные камни, словно золотой поток, наполняют его хранилища. Торговца аж передернуло от таких изумительных мечтаний. Но это всего лишь планы на будущее, а сейчас нужно было заручиться дружбой и покровительством старого война.

Флавиан был не менее опытным человеком, чем торговец. Он прекрасно понимал, что перед ним замер в поклоне хитрый плут, а не поклонник подвигов на поле брани. Однако, что не говори, а лесть всегда являлась мощным оружием, пробивающим даже самые сухие сердца. А лесть, смешанная с хорошей актерской игрой, да и к тому же произнесенная во весь голос перед таким количеством народа, на который, надо отметить – возымела действие, смогла поколебать и его. Он стоял, окруженный людьми, немного раскрасневшийся от удовольствия. Старый воин чувствовал как внутри, по жилам, растекалась сладкое чувство самолюбования. Нынешний наместник посмотрел на сына. В его чистых, пока еще наивных, глазах переливалось неподдельное счастье. В них блестела гордость и честь быть приемником столь почитаемого отца. От этого взгляда Флавиан окончательно обомлел, и заявил во всеуслышание, что принимает извинения, вместе с дарами и с дружбой, предлагаемой мангоном. Как весело пело

на душе в это мгновение. Но ведь неправильно радоваться в одиночку!! Не желая сдерживать благородный порыв в себе, Флавиан обернулся к народу на форуме и прокричал во всеуслышание, что в честь этой нерушимой в будущем дружбы, он желает угостить честной народ в местной таверне гретым вином и лепешками.

Гром аплодисментов и бурные овации охватили зрителей этой ссоры и последующего примирения. Праздно шатающиеся зеваки обрадовались шансу подкрепиться, а у представителей знати на лицах появились снисходительные улыбки умиления, ведь всегда приятно осознавать, что сильный человек имеет сердце из мягкого воска, которое при необходимости можно и растопить. А уж в том, что Флавиан силен и занимает высокое положение в обществе, сомнений уже ни у кого не возникало.

Домой, счастливые обладатели иудейских красавиц, засобирались еще засветло, но по отдельности. Флавиану надо было сделать несколько визитов, с кем-то познакомиться, а с кем-то и обновить старые дружеские отношения. Луцию же выпало удовольствие привести домой, новый дорогой товар. Он распорядился чтобы красавиц посадили в открытую повозку, и везли бережно, как будто глиняные горшочки. Сам же гарцевал рядом с телегой, на своем вышколенном белоснежном коне, периодически бросая невидимый взгляд, то на одну рабу, то на другую. Разглядывая девушек, словно полотна в картинной галерее, он никак не мог определиться, какая же ему больше нравится. Та что старше, налившаяся, точно спелая черешня соками жизни, или младшая, только вбирающая в себя эти соки, но от этого не менее прекрасная. Большую пикантность этим наблюдениям предавало то обстоятельство, что девы следили за юношей в ответ, наблюдая за его движениями своими кошачьими игривыми глазками. Стоило Луцию чуть-чуть потерять дам из виду, как они, прикрывая свои коралловые губки ладонями, еле слышно, принимались обсуждать его. День стоял погожий, и удаляясь дальше и дальше от города, воздух становился сочнее и прозрачнее. Высокие деревья, нависавшие над выложенной каменной тропинкой, словно крыши беседок, прятали ездовых от палящего зноя. По краям дороги, справа и слева от нее, желтело поле усеянное подсолнухами. Бросая неосторожный взгляд на него казалось, что тысячи маленьких солнц, расправив лучистые лепестки пошире, что-то кричали своему старшему брату на небе. Поле не было безграничным. Обрамляли эту благодать, прорываясь в бешеном прыжке из-под земли, известняковые валуны, разбросанные по горизонту белыми скалистыми пятнами. Жизнь чувствовалась повсеместно. Она ощущалась в жужжанье мухи или в похлопывании крыльями перелетных птиц. Хотелось пустить коня в галоп, чтобы разбиться об эту красоту, вобрать её в себя, пропитаться ею. Хотя, конечно же, ни погода и ни это место, не были истинной причиной изумительного настроения. Действительным поводом и венцом замечательного самочувствия являлась именно пара рабынь, так удачно дополняющая своим присутствием красоту вокруг. Барышни, как и полевые цветы источали прекрасное изнутри, и сейчас, в свете палящего дневного солнца, их великолепие красовалось особенно заметно. Немного напуганные, но от этого не менее жгучие взгляды, которые словно стрелы Аполлона, они выпускали из-под длинных ресниц, буравили молодое сердце. Их легкость, почти прозрачность одновременно восхищала и страшила юношу. Ему казалось, что сейчас они могут взять и упорхнуть словно бабочки, оставив его не с чем. Глядя на дев Луцию думалось, что это вовсе и не женщины, а самые настоящие жрицы Афродиты, каким-то непостижимым образом спустившиеся с Олимпа и доставшиеся в собственность ему с отцом. Ведь по-другому и быть не может. Это полубогини не иначе!! Первый раз в жизни он истинно любовался женской красотой, стремясь не спугнуть эту красоту и не мешать ей благоухать для него и для окружающих. Именно для него и для окружающих. Ведь и рабы, что следовали вместе с ними из Остии домой, попали под чудесное влияние очаровательных нимф. Усталость измученных тел сменилась настоящей, непоказной бодростью. Плечи, до этого согбенные трудом распрямились. А лица, те лица, что не улыбались, навечно, целую вечность, засияли кривыми, но благополучными улыбками, вторя присутствию очаровательных дам. Луций чувствовал их

влияние на рабов, видел как те преображаются только от одного только взгляда восхитительных жриц и нарочно разрешал дамам дарить подобные взгляды. Будучи отцовской породы, он не любил прятать счастье за пазухой. Если хорошо ему, так пускай и весь мир тоже порадуетя!!! На сердце юноши чувствовалась легкость и веселье. Хотелось кричать и плакать от счастья, а еще хотелось сделать какую-нибудь невинную глупость, которая привлекла бы их внимание. Но он, почему-то робел. Кто-то невидимый, будто бы держал его одной рукой за шиворот, а второй за горло, не давая сказать ничего путного, и разрешая лишь искоса поглядывать в их сторону. Он не единожды практически наезжал на повозку силясь заговорить, но всякий раз отскакивал обратно, так и не сумев вымолвить не слова. Какое-то скрытое величие, какая-то царственность и внутреннее достоинство исходили от женщин. Да их купили за деньги, да они продавались на рынке, но относятся к ним как к рабам, юноша, почему-то не мог. Неизвестно почему, но больший страх общения в нем вызывала младшая из дев. К уже описанному величию и царственности, в ней читалась еще некоторая воинственность, свойственная Амазонкам живущим на берегах одноименной реки. Непримируемость, бьющая шипящими волнами внутри, читалась в глазах этой девушки. Её сила суровость и бескомпромиссность разжигали в Луции азарт охоты и неистовое желание победить, причем именно победить, а не сломать эту девочку. Ею хотелось владеть, но владеть так, чтобы и она того хотела. И именно это и было загвоздкой. Обращаться с женщиной или ухаживать за женщиной, избалованный юноша просто не умел. Она как будто отрезала все пути ведущие к ней одним лишь только взглядом. Что ему мешало и что его останавливало, он не понимал. Хотя если разобраться, Луций и не хотел этого понимать, ибо новое чувство, как бы предвкушения, щекотало молодые нервы, заставляло томиться и желать, возбуждая в избалованном мальчике какое-то новое, доселе неизвестное чувство. Неизвестно куда бы дальше завели его мысли о молоденькой девочке, если бы не старшая, смотревшая на молодого хозяина с большей открытостью. Сверкнув белоснежной улыбкой, она уперла в Луция испытывающий взгляд.

– Что тебя так веселит женщина? – практически выпалил он, обращаясь к старшей из дев. Умнее чем этот идиотский вопрос, в голову ничего не пришло.

– Сегодня прекрасный день, один из самых счастливых в моей жизни, – ровным голосом, полным достоинства и тоже время кокетства, ответила старшая. Младшая оживилась, уставившись на Луция еще более заинтересованным взглядом.

– Интересно, чем же он так хорош для тебя?? – расплывшись в ответной улыбке проговорил Луций, и не дожидаясь ответа, продолжал, – Может быть сегодня большой иудейский праздник ?? Или просто хорошая погода направляет твое настроение, – Луцию хотелось показать себя высокомерно умным, поэтому он говорил с некоторой заносчивостью.

– Нет, господин, – с еще более широкой улыбкой отвечала старшая, подсаживаясь ближе к краю телеги, с той стороны, с которой ехал Луций.

– Я радуюсь тому, что мы с дочерью попали в хорошие руки, к добрым хозяевам. – с еле заметным поклоном закончила она.

Луций расхохотался. Но сделал это вежливо, как положено патрицию.

– С чего же ты взяла, что попала в хорошие руки?? Как можешь ты судить о том, зная меня всего два часа своей жизни, а отца моего и того меньше. Откуда тебе известно, какие мы, хорошие или плохие. Или ты умеешь предсказывать будущее? Тогда погадай мне иудейская женщина!! – он снова рассмеялся, косясь при этом на младшенькую.

Луций поймал себя на мысли, что эта младшенькая, завладевает его вниманием, сильнее и сильнее. При этом ничего для того не делая. Ему хотелось, нет, даже не хотелось, у него сформировалась какая-то потребность выглядеть в глазах этой девушки непременно умно. Теперь, после произнесенной фразы, он отчитал себя за то, что его речь звучала как-то глупо, она звучала она по-идиотски. Новое чувство стремительнее и стремительнее захлестывало его.

Юноша совершенно не понимал, почему мнение рабыни, как заключение хорошего адвоката, начинало интересовать его. Однако это было так!!

– Нет, хозяин. Я не умею предсказывать будущее или гадать. И если сказать честно, то и не хотела бы того уметь. Однако, бог наградил меня глазами и умением ими смотреть. И теперь, прежде всего, я хочу сказать вам спасибо.

Луций уставился в некотором недоумении, сначала на старшую, после перевел взгляд на младшую девушку. Надо отметить, что младшая тоже ничего не поняла и смотрела на мать в некотором изумлении.

– За что спасибо? – спросил Луций.

– За то, что не разлучили нас с дочерью. Именно этот момент наполняет меня счастьем больше всего. Мы всегда, каждое мгновение дальнейшей жизни будем благодарны вам за это, – мать притянула дочь к себе, обняла за плечо и ласково поцеловала в лоб.

Юноше стало не по себе. Он хорошо понимал, зачем они с отцом их купили. Но, обсуждать это с матерью, которая словно горлица, прижимает к себе своего птенца, не решался. И не потому что боялся произнести правду вслух, а как-то просто по-человечески неудобно. Любовь матери, это спасибо за то, что они вместе, всё лепилось в общий комок непонимания. Или точнее понимания, ведь что может быть непонятного, когда тебя благодарят за то, что не разлучил. Но ведь до этого никто не благодарил!! Наверное, потому и удивительно. Глядя на этих женщин, где в глубине себя он осознавал, что купили они не рабынь для развлечения, а не понятно кого, но кого-то хорошего. Однако, пусть будет как будет, дома с отцом разберемся. Сейчас же его интересовал ответ на вопрос, почему они хорошие хозяева. Как она это поняла? Ведь мы с отцом действительно хорошие, размышлял Луций.

– Про то что вы остались вместе, я понял. Но с чего же ты решила, что вы попали к добрым хозяевам? – при этом он попытался придать себе более грозный вид. Однако получилось глупо. Вместо напущенной строгости появилось игривое настроение, в один момент вскружившее голову и вытряхнув из нее всё серьезное. Гримаса солидного и страшного повелителя не выдержала и пяти секунд. Юноша, изо всех сил пытаясь себя сдерживать, начал, невольно, прыскать в уголки рта. И если первые приступы смеха он смог в себе задавить, то следующие окончательно его победили. Словно прорванная плотина, не справляющаяся с бешеным потоком воды, разбивается, так и Луций, рассмеялся звонким, задорным смехом. Веселье настолько поглотило молодое тело, что слезы ручьями полились по щекам. Немного отдышавшись, молодой патриций перевел взгляд на дочку. Та тоже, видимо насмеявшись от души над его конфузом, вытирала слезы.

– Так что же?? – продолжал он спрашивать, уже с не пряча веселье.

Мать вытерла глаза, также промокшие от смеха, но продолжала уже успокоенным, медленным тоном.

– Сказать правду, я и не знаю почему так решила. Я смотрю на тебя и верю в это. Вот, пожалуй, и весь ответ. А ты как считаешь Луций, права ли я? К добрым ли мы попали хозяевам?

Юноша, весело гарцующий рядом, задумался. Отец учил его не принимать поспешных решений и не давать быстрых ответов. Вот и сейчас данный вопрос заставил его пораскинуть умом. Можно оценить кого угодно и как угодно, но себя – тут совсем другое дело. К себе всегда будешь и более критичен, и более снисходителен. И как бы удивительно это не звучало, но эти два чувства будут дополнять друг друга, а не противоречить. Вот если рассуждать о ком-то!! Чего там думать!! Отец хороший, дядя Децим плохой. Но только речь заходит про себя самого, нужен более детальный анализ, нужна математическая точность, ведь не приведи бог, забудешь какую-нибудь свою заслугу или наоборот припишешь чего лишнего. Хотя, конечно, приписать то можно, почему бы и нет. Так, в раздумьях ехал он какое-то время, весело теребя при этом

то молодой ус, только-только начавший расти, то бородку, гусиным пухом пробивающуюся на свет. Однако путного ничего в голову не пришло.

– Твой вопрос озадачил меня, – с веселой игривостью проговорил он, – и я не могу дать тебе точный ответ. Однако, могу дать обещание, даже скорее поручительство. И заключается оно вот в чем: в нашей семье всем воздается по заслугам. Если ты добр и честен, то и в ответ получишь тоже самое. Если наоборот – не жди снисхождения. В доме есть свод правил и законов, при соблюдении которых можно хорошо жить. Эти правила одинаковы для всех, и действуют в любом месте имения. Ни домашний надсмотрщик, ни бригадир в полях, не позволят себе лишнего, если ты не провинился. Если же ты работаешь хорошо, об этом узнает отец и наградит тебя.

– Этот ответ придает величия вашей семье, – с каким-то чувством восторга проговорила мать, – ведь только там, где чтят законы, могут жить и живут люди. Но скажи мне, юный патриций, насколько они суровы?

– Отец всегда говорит, что законам нужен не страх наказания, а прозрачность понимания. А, впрочем, сами всё увидите!! – он кивнул головой вперед.

Из холма показался белый краешеквиллы. Время для разговора в дороге закончилось, и поэтому, отделившись от телеги, юноша поскакал вперед, чтобы первым похвалится перед семьей удачным приобретением.

Вбежав в атриум Луций никого не обнаружил. Натертый до блеска пол и прохладные стены, не успевшие еще собрать в себя полуденную жару, дарили свежесть для отдыха. Находится здесь и сейчас, особенно появившись с раскаленной улицы, было воистину наслаждением. Но где же остальные?? Может быть, что-то случилось в их отсутствие?? Однако нет, вдоль стены прошли двое рабов, неся в руках большую жаровню, наполненную доверху раскаленными углями. Не обращая внимания на молодого господина, они юркнули в комнату матери, предупредительно не закрыв за собой занавеску. Прямо за ними, в тоже мгновение и в ту же комнату, пробежала рабыня египтянка, небольшого росточка, сморщенная, тощая, но постоянно улыбающаяся и со щипцами в руках. Эта была Асо, женщина которую привезли из Карфагена в числе прочих незаменимых рабов. Она, без сомнения, являлась любимицей матери, потому что как никто другой, умела следить за ее кожей, наносить макияж, а главное делать совершенно неповторимые прически. Не единожды матушка брала ее с собой на знатные пиры и светские рауты, объясняя это желание тем, что никто о ней лучше не позаботится, чем ее Асо. На самом же деле это являлось не совсем правдой. Асо действительно хорошо прислуживала во время торжеств, действительно могла поддержать практически любую беседу, могла казаться незаметной, если того требовала ситуация. Однако, Гермес наградил египтянку еще одним незаурядным качеством, восхитительной памятью. Увидев новую прическу, у какой-нибудь из приглашенных матрон она запоминала ее в точности и впоследствии могла воспроизвести в мельчайших подробностях. Причем для этого ей не требовалось понимания технологии укладки или стрижки, она делала это как бы по наитию. Конечно, подопытным кроликом вначале выступала какая-нибудь из рабынь, а при неудачном стечении обстоятельств и несколько девушек. Госпожа всегда получала готовый продукт, иногда даже немного усовершенствованный и додуманный. Вот и сейчас Асо готовилась обрадовать матрону чем-то новеньким, ведь не зря же ее отправляли еще в Карфагене, на ученье к самой Лицинии Магне, слывшей тогда первой модницей Африки. Луций направился к матери следом за Асо, ему хотелось похвастаться, как удачно они с отцом посетили рынок. Войдя в кубикулум, он застал Эмилию, сидящую на стуле, разглядывающей себя в большое ручное зеркало, выполненное из серебра, с большим рубином посередине. Мама находилась в прекрасном расположении духа. Этот вывод напрашивался глядя на её сегодняшнее одеяние. Превосходно сложенное тело укутывала туника небесно-голубого цвета, которую матрона очень любила и носила только по каким-то особенным случаям. Сзади матушки, практически растворившись в распущенных

волосах своей госпожи, копошилась Асо. Взгляд ее сосредоточенный, устремлялся куда-то в затылок, а быстрые руки стремительно выполняли задуманную прическу. Рядом находился стол, на котором в рабочем беспорядке валялись гребни, шпильки, стояло несколько шкатулок с чем-то непонятным и разноцветным. Больше же всего стол пестрел пузырьками с жидкостями, назначение которых никогда не откроется мужчине.

– Луций!!, – воскликнула мать, увидев появившегося на пороге сына. – Долго же вы с отцом сегодня гуляли. Расскажи мне скорее, как у вас всё прошло?

– Клянусь Фортуной, сегодняшний день я запомню навсегда!! – Луций снова разгорелся душой, мысли лились таким мощным напором, будто река выходит из берегов в половодье, и путались в голове. Он начал запинаться и повел рассказ бессвязно, но с таким ярким и живым чувством, что даже если кто-нибудь не понимал бы языка Луция, то смог бы догадаться, насколько счастлив молодой рассказчик. Когда он кончил, единственное что смогла понять Эмилия, так это то, что они купили двух рабынь, что рабыни эти красивы, и самое главное, они достались семье абсолютно бесплатно. Хотя по своей природе Эмилия и не считалась прижимистой или жадной, чрезмерные траты на покупку рабынь считала глупостью и пустым занятием. Нет, о ревности мыслей никогда не шло. Она воспитывалась в лучших тонах Римской Империи, и обращать внимание на маленькие радости мужа, совершенно не собиралась. Более того, матрона одобряла вкус супруга, и радовалась его мужскому здоровью. Однако, вкус вкусом, а деньги деньгами. Позволить переплачивать за рабов, пускай даже и красавиц, она не могла. Ей, как и любой другой даме высшего общества была известна история о Квинте Латуции Катутле, купившего себе раба Данфиса, за цену сопоставимую с покупкой добротной виллы вблизи Карфагена. Но с суждением о том, что такое приобретение подчеркивает утонченность его вкуса, показывает стать положения, и как бы теперь говорит за него самого, она не соглашалась. Эмилия считала с точностью до наоборот. Подобные траты она относилась исключительно к расточительству и отсутствию практичности. По ее скромному мнению, для того что бы видеть прекрасное в мире и людях, необязательно разбрасываться деньгами. Это чувство воспитывается внутри себя самого и никак иначе. Она считала, что даже в самом уродливом человеке, при желании, можно найти прекрасные стороны, надо только поискать. Однако, сегодняшний случай выглядел совершенно другим, и она, как и положено хорошей матери и рачительной хозяйке, успела заинтриговаться до предела.

– Так веди скорее их сюда, мне любопытно посмотреть, на ту, которая так растревожила моего сына, – заканчивая фразу, она ласково улыбнулась ему. Конечно же, от материнских глаз не ускользнуло возбуждение ребенка. Будучи, достаточно опытной в делах амурных, она слишком хорошо знала, как ведет себя мужчина, сильно кого-то желая.

Луций как сумасшедший рванул с места и скрылся в дверном проеме, не заметив умиления матери. Вылетев во двор, юноша вдруг опомнился, сообразив, что ведет себя как мальчишка и это совсем ему не к лицу. Однако, сердце так бешено колотилось, что казалось, отбивает военный марш внутри, и для того чтобы успокоиться потребовалось изрядно времени. Сделав несколько глубоких вдохов и поправив волосы, которые разметало по всей голове после бега, он огляделся. Повозка с новоиспеченными рабынями как раз подъезжала. Он кликнул Паллу.

– Принимай пополнение! – в этот раз его голос звенел холодом, размеренностью и презрением. В душе он уже осуждал себя и за мальчишеское поведение в комнате матери, за поведение возле повозки, когда его застенчивость смогла преобладать над гордостью римского гражданина. «Тьфу» оплевывал он внутри самого себя, «тоже мне, придумал, нежные вздохи, томление!! Тряпка а не всадник» продолжал он изводить себя. Молодым людям в его возрасте вообще свойственно преувеличивать размер проблемы и то, что было в действительности приятным и немного наивным поведением, виделось ему теперь проявлением слабости.

Повозка остановилась, раздув вокруг себя клубы пыли. Новые рабыни сразу же заметили перемену настроения молодого патриция, и теперь со страхом смотрели вниз на милого, всего мгновение назад, нового хозяина. Если по дороге на виллу Луций казался им добрым человеком, то теперь его было не узнать. Лицо не выражало ничего. Глаза вместо ветреной жизни наполнились льдом и снегом, под толщею которого, не было видно и краешка того озорного мальчишки, что скакал рядом с ними всего час назад. Он холодно посмотрел на них, потом обратился к Палле:

– Мать хочет посмотреть на них. Веди дев сразу в кубикулум.

– Хочет ли молодой господин, что бы мы привели их в порядок, после долгой дороги? – спросил Палла. А ведь действительно, после транзита из Остии, рабыням, которых взяли за красоту тела, а не для работ, не мешало бы и принять подобающий вид.

– Нет, веди сразу. Она не любит ждать – отрезал металлическим голосом Луций.

Палла помог женщинам слезть с коляски, правда помощь эта считалась весьма условной. Подойдя, он протянул руку той, что помладше, и когда она плавно протянула свою в ответ, рванул её так, что практически скинул девочку с повозки. Надо отдать должное юной рабыне, после эдакого броска, она будто кошка, смогла приземлиться на ноги. Мать, быстро сообразив, что следующий черед за ней и не дожидаясь помощи «галантного кавалера» спрыгнула на дорогу. Еле заметная улыбка скользнула по лицу Луция. Он сам не знал от чего улыбается, но прыть новой рабыни развеселила его. Поглядев немного на новый товар и убедившись в том, что они действительно красавицы, юноша направился обратно в покои матери. Невольницы поспешили за ним, ведь по оказанному приему, несложно было догадаться, что ждать здесь совсем не любят. Добравшись до кубикулума, они застали Эмилию, все так же сидевшей на своем красивом стуле, опять же с зеркалом в руке, но теперь, светящееся лицо ее выражало неподдельное счастье – она была довольна работой Асо.

– А, вот и вы, – протяжно пропела она, переводя взгляд с зеркала на Луция, а после на новых рабынь. – Представитесь-ка.

– Меня зовут Ревекка, – с глубоким, низким поклоном начала более старшая раба. – Это моя дочь Авелия. Мы родом из царства Иудейского, города Махерон, павшего под мужественной рукой, непобедимого Римского воинства. – Говоря про бывший город, еле заметная тень прошлого, сладкого и теперь такого далекого, пробежала по ее лицу.

– Происхождения мы ... , – попыталась она продолжить, на Эмилия резко оборвала ее.

– Все что было и какого вы рода, более не имеет никакого значения. Меня интересовали лишь ваши имена. А теперь я хочу увидеть ваши тела, чтобы понять как вы доплыли. Я хочу быть уверена, что вы не привезли болезней в мой дом, после путешествия на корабле. Раздевайтесь! – уже более повелительно сказала она.

Младшая, та что была дочерью, отвела взор куда-то в сторону. От любого, даже от самого последнего раба не могло ускользнуть насколько противна и мерзка ей эта просьба. Точнее приказание. Просьбы для нее уже давно растворились в небытии и перестали существовать как таковые. Авелия перевела взгляд на мать, как бы ожидая от нее команды. Взгляд девочки наполнился решимостью и ненавистью, краска стыда прильнула к юному лицу. За то время, что прошло с момента их порабощения, они насмотрелись многого. Обе готовились к самой суровой участи, однако Флавиан, так весело угощавший толпу вином после покупки, и Луций, такой нерешительный и робкий, показались им людьми совершенно другого покроя. Двигаясь на повозке по булыжной мостовой, искоса поглядывая на молодого патриция, Авелия с внутренней радостью отмечала, что этот юноша даже симпатичен ей. Он виделся не черствым избалованным мальчишкой, а юношей вынашивающим в себе зачатки хорошего, высокого, того настоящего, свойственного истинному римлянину. Однако, тот холодный прием, оказанный по приезду, расставил всё на свои места. Вот он стоит около стены, и кривя губы в отвратительной ухмылке, смотрит, похотливыми глазами, на ее позор. Она перевела взгляд на Паллу, который

в свою очередь тихонько кивнул головой на рукоятку бича, и стиснул его с такой силой, что податливая рукоятка закрипела под нажимом сильных пальцев. О боже!! Как же тяжело терять надежду, даже не успев насладиться её иллюзией. А может быть оно и к лучшему, ведь к хорошему быстро привыкаешь. Что тут выдумывать, в этой богом забытой стране, чего-то хорошего не может быть, по умолчанию. Всё вздор, выдумка, иллюзия. Мать быстрее опомнилась, и не дожидаясь уговоров вилика, сделала несколько шагов вперед, определяя тем самый центр комнаты. Светло-розовая туника, застревающая на теле вспотевшими пятнами, легко снялась через голову. Тело осталось прикрыто лишь повязкой, закрывающей интимную его часть. По всей длине ног, кожа отливала бурыми и красными синяками. Такие же, но менее выделяющиеся гематомы имелись на спине, и одна на животе. Но даже при этих увечьях, тело Ревекки смотрелось великолепно. Плечи смотрелись широкими, но при этом достаточно утонченными, грудь можно бы смело назвать небольшой, однако, своей упругостью и приподнятостью, она привлекала к себе внимание. Линия бедер, более узкая относительно остальных женщин, однако ей наоборот добавляла пикантности и вносила какую-то изюминку. Но самым удивительным украшением несомненно являлась кожа Ревекки, точнее её участки, не задетые побоями. Такой безупречной кожи Эмилия не видела никогда. Признаться честно, никто не видел подобного. Ее естественный блеск мигом притянул восторженные взгляды присутствующих, ее упругость, ее гладкость, ее нежность, возбудило желание прикоснуться к ней, почувствовать ее. Эмилия, не выдержав поднялась со стула, подошла к Ревекке, и ласково провела рукой по телу, начиная от шеи и заканчивая животом. Взгляд не обманул. На ощупь кожа была бархатно-шелковистая, без имеющая морщинок и складочек. Ощущения и вид вблизи потрясли еще больше прежнего.

– Скажи мне, Венера с рождения одарила тебя таким подарком? – обратилась она к Ревекке.

– Нет, госпожа, – ответила рабыня потупляясь. – Это долгая и кропотливая работа. Чтобы кожа имела здоровый блеск и природную мягкость, необходимы скрабы привезенные с озера Сирбонида, крема с добавлением масла розы, необходим массаж, и конечно же мази из Египта, сделанные из ила, с самых заповедных участков реки Нил. Я знаю все, про то как ухаживать за кожей, волосами, ногтями, и с удовольствием расскажу об этом новой госпоже, если она того пожелает – закончив, Ревекка согнулась в низком поклоне, и замерла так, ожидая разрешения выпрямиться.

– О, я очень этого хочу – захлопала в ладоши Эмилия, при этом пританцовывая ногами. Матрона уже представляла, какой фурор она вызовет своим появлением, на каком-нибудь светском рауте. Она видела как сотни раздосадованных взглядов завистливых подруг устремятся на неё. Как они будут перемывать ей кости, конечно же, за ее спиной, как будут язвительно шутить и подсмеиваться, но каждая, оставшись один на один с собой, непременно будет завидовать. Потому что не завидовать такой восхитительной коже, просто невозможно. Еще добавлял радости возраст Ревекки. Ведь при первом же взгляде на нее Эмилия увидела одногодку. Плюс минус немножко, но это не считается.

Ревекка поднялась. Матрона сияла словно изумруд и не скрывала этого. Она прям-таки светилась от счастья. Ведь помимо игрушки для ночных утех мужа, в семью попал еще и очень, очень искусный косметолог. Однако не все разделяли радость происходящего. Чуть поодаль стола, с разбросанными принадлежностями для укладки стояла Асо, которую буквально трясло от злости. Она силилась сдерживать себя, пытаясь натянуть улыбку на искаженное злобой лицо, но получалось не очень хорошо, и Эмилия тоже это заметила.

– Асо, – окликнула она ее, – я веряю этих рабынь тебе. Смотри за ними так же внимательно, как смотришь на пирах за новыми прическами. Доверяю тебе их. Гляди, чтобы ни один волос не упал с их голов, а о любом, кто причинит им обиду, или только задумает причинить, рассказывай лично мне. Теперь же ступай, проводи их в термы. Они должны привести себя в порядок. Позови массажисток, пускай помогут убрать синяки с этих прекрасных тел, и одень

девушек как подобает. Сегодня будет ужин, и как я понимаю, отец семейства непременно захочет их увидеть – закончила Эмилия уже с каким-то холодком. Причем этот холодок никаким образом не относился к ревности. Совсем нет. Видимо Эмилия вспомнила какое-то неотложное дело и уже полностью переключилась на него. Однако, от этого переключения важность выполнить приказание госпожи никуда не девалась, и раздосадованная Асо жестом пригласила новых рабынь следовать за ней.

Во время происходящего все как-то позабыли про Авелию, стоявшую прислонившись спиной к стене, пытающуюся с ней слиться, и сделаться как минимум незаметной. Она тихонько крутила головой в разные стороны сиюсь догадаться, вспомнят про неё или нет. В девичьей, еще не испорченной пороком головке, крутилась всего лишь одна мысль: придется ли ей пройти тропью позора сегодня или получится избежать этого пути, ну или хотя бы отложить на попозже. Однако, действительно, в данный момент она никого не интересовала. Взоры, все как один, фокусировались на Ревекке с Эмилией. Хотя один взгляд девушка все-таки на себе поймала. Её разглядывал Луций. Молодого юношу совершенно не интересовал разговор, занимающий остальных. Как коршун высматривает мышь, он хищно разглядывал Авелию. На секунду, когда госпожа уже отправляла их в баню ей показалось, что Луций окликнет ее, что заставит раздеться перед всеми. Однако этого не произошло. Он отвернулся, и немного постояв вышел вон.

Добравшись до бань Луция Пизона Асо поручила новых рабынь местному смотрителю, отвечающему за пар и холод в термах. Никон, так звали смотрителя, считался тем типом людей, которые не задают лишних вопросов, не спорят, а лишь выполняют поставленную им задачу. Прожив всю свою сознательную жизнь человеком порядочным и честным, в принципе, ничем особенным среди других не выделялся. Хотя, когда-то задолго до того, как стать рабом, говорили будто бы Никон слыл замечательным оратором. Однако в дальнейшем жизнь, со всеми ее острыми углами, повернула судьбу так, что уставший искать правду в судах, доказывать в купленных прениях свою правоту, он промотал накопленное небольшое состояние, и закабалился к Луцию Пизону в рабы-смотрители. С тех пор прекратились ссоры, и вообще разговоры с кем бы то ни было. Смотритель закрылся от всего мира. Он перестал искать человеческого общества или общения, отвечая на приказы и распоряжения неглубоким поклоном, да взглядом усталым, но теперь почему-то счастливым. В новой большой семье его приняли радушно, любили и по-своему уважали. Причем ту любовь и уважение ему дарили не только рабы, нынешние сослуживцы, но господина хозяева. В свои пятьдесят с небольшим годов, выглядел Никон, весьма неплохо. На нем всегда красовалась постиранная, свежая, белоснежная туника, под стать его бороде и вьющимся как у бычка волосам. Ростом он сильно не выделялся, а с течением времени начал еще и уменьшаться. Годы, с усердием забирали свое, сгибая позвоночник в дугу от лука, и прижимая голову старца ближе и ближе к земле. Однако, приобретенная кривота не могла скрыть силу тела готового еще потрудиться на славу, и рабы, нарушавшие гегемонию его жизни невыполнением приказа или просто плохим поведением, ощущали на себе мощь его рук, а также злость и неистовство еще не старого смотрителя. Вот и сейчас, получив распоряжение от Асо он лишь расспросил пленниц, знают ли они как надо мыться в термах, и получив утвердительный ответ, провел их в раздевалку.

По истечении получаса новоиспеченные рабыни уже находились в тепидарии. В прямоугольной комнате с не высокими потолками, вокруг круглого бассейна с фонтанчиком, грузно стояли лавочки из белоснежного мрамора. Пол и стены тепидария, выполненные из отшлифованной и подогнанной одна к одной мозаике, согревали взоры кремовым цветом. Находясь здесь появлялось чувство, будто пол наползает на стены, как бы является их продолжением, а не чем-то отдельным. Солнечный свет лениво спускался сюда сквозь небольшие окошки, сделанные в самой верхней части потолка. Молочные скульптуры атлетов и мифических красавиц

виц, как будто бы прячась выглядывали из-за закругленных углов, разглядывая отдыхающих. Причудливые барельефы купальщиков и купальщиц, бегущих друг другу на встречу, занимали пузатым узором всю правую стену строения. Такого тепидария, или подобного такому по убранству и роскоши, Авелия с Ревеккой никогда не видала. Однако, назначение его было знакомо дамам, ведь не один и не два раза ходили они в подобные заведения для отдыха. Сегодня, сейчас, в эту минуту, они находились тут одни, и только треск ламп, развешанных на стенах и горевших через одну, нарушал святую тишину сердца римских терм. Усевшись на лавку дамы осмотрелись. Им хотелось убедиться, что они тут действительно одни. Просидев немного и получив тому подтверждение, без всякого сговора между собой, на глазах обеих, крупными каплями, заблестели слезы. В одну и ту же секунду в женских головках, будто бы зигзагом молнии, пролетели воспоминания минувших дней. Не говоря друг другу не слова, даже не переговариваясь между собой, обе подумали об одном и том же. Им вспомнились те бани, что величаво возвышались над Махероном. Им вспомнился запах горящих дров, манящий теплотой и будущими блаженствами. Им вспомнилась прошлая жизнь. Однако далее, воспоминания матери и дочери разбежались в разные стороны. Юной Авелие колыхнули память подруги детства, с которыми весело крича, бегали они по закрытым дворам, не замечая никого и ничего. Вспомнилась причудливая игра в обруч, с которым она никак не могла совладать и постоянно проигрывала. У Ревекки же всплыли в памяти руки рабыни Данили. То были волшебные руки способные разогнать кровь по жилам и так размять кости, что по окончании массажа казалось, будто бы заново родился. Вспомнила она и холодные воды фригидария, за омовение в которых жутко ругался ее муж Иким. И всё потому что считалось, что женщинам там делать нечего. Но отказаться от той свежести она попросту не могла, и тайком, так чтоб супруг не догадался, все-таки ходила в них. Мать и дочь сидели на лавочке, погруженные совсем в недалекое прошлое, пытаясь хотя бы не телом, но душой подольше остаться там, где они жили так хорошо, там где остались их родственники и друзья. Они просидели бы так, быть может, еще долго, однако шум приближающихся шагов за стеной, заставил их встрепенуться. В проеме показалась фигура женщины, которая проследовала мимо, даже не посмотрев в их сторону. Полет в приятное прошлое закончился. Они снова очутились близ Остии, будучи рабынями, готовясь развлекать вечером новых господ. Ревекка повернула голову в сторону дочери. Она смотрела на нее. Смотрела на ее плечи, на тонкую спину с нежными розовыми лопатками, на волосы спадающие курчавыми черными локонами почти на поясицу, вдыхала аромат ее кожи. Нет!! Не для этого проклятого города берегла она ее, не здесь должен распуститься этот прекрасный цветок. Матери стало очень тесно внутри себя, захотелось выпрыгнуть из кожи, начать драться, кусаться, рвать что-нибудь на части, лишь бы не допустить скоротечного будущего.

– О боже, только бы избежать, – шептала Ревекка, еле поднимая губы. – За что?? – спросила она себя и немую пустоту вокруг. – Почему это произошло именно с нами?? Где же ты Иким, обещавший защитить нас?? – Голова ее кружилась, пол раскрашенный кремовой мозаикой закрутился с неведомой скоростью, потолок как будто опустился сверху вниз. Мать почувствовала, что ей нечем дышать. Картинка поплыла перед глазами, ее пошатнуло и она уже полетела вниз, но уцепилась за край лавки сумев удержаться.

– Мама что с тобой? – вскрикнула испуганная Авелия, хватая ее под локоть.

– Все хорошо милая, – поспешила успокоить ее Ревекка. Она действительно пришла в себя. Как бы ей того не хотелось, и как бы не мечталось о замечательном прошлом, они с дочерью находились сейчас именно здесь. А это значит, что надо жить по правилам установленным в Риме. Если такое происходит, то значит так и должно быть. На все воля господ нашего. Заслужили пройти этот путь, значит надо идти. А роптать?? Роптать смысла нет, только себе и дочери хуже сделаешь. Надо дальше жить. Ведь зачем-то же они живы. Ведь есть же какая-то высшая цель у всего этого!! Ревекка знала, что делится с дочерью тем, что лежит у нее на сердце нельзя ни в коем случае. Пред ней надо выглядеть сильной, ну или, по крайней мере,

делать вид что ты таковая. Своим примером надо разжигать ее к жизни, надо толкать ее в будущее. Надо каждый раз доказывать, что все хорошо, пускай и не сейчас, но в дальнейшем обязательно будет. И как бы ей того не хотелось, приходилось исполнять роль беспечной матери, делая вид, что роль раба не так страшна как ее малюют. На самом же деле, в том что этот путь правильный, что дальше будет хорошо, Ревекка не была уверена, а если на этот вопрос ответить совсем честно, то она была уверена абсолютно в обратном. Единственное, что ее заставляло на то надеяться, так это память. Память о том сгорбленном старичке, который, казалось был вхож во все дома Карфагена, учивший народ, что именно вера поможет любому человеку пройти уготовленный путь. Еще тогда, в осажденном Махероне, она не верила ему но вопрошала:

– Скажи мне отче, как же можно надеяться, да и на что? Ведь вот они захватчики, стоят кругом нашего города, и самые опытные их полководцы предрекают нам скорую кончину. Во что же верить?? Как не дрогнуть??

– В бога единого верь и уповай на него – тихеньким голоском отвечал старичок, теребя сморщенными пальцами щуплую бородку.

– Верю отче, но боюсь. Ведь что станет с нами? с нею? – она кивком головы показала на спящую неподалеку Авелию, накрытую простынкой и улыбающуюся от чего-то хорошего во сне.

– Вижу, что и с ней, и с тобой, всё хорошо будет. Бережет бог вас. Только и вы его не предавайте.

Ревекка пыталась возразить, но старичок ушел от неё, сев рядом с еще одной новоиспеченной вдовой, заливающейся слезами. Обняв несчастную женщину, он все шептал ей в ухо какие-то слова, после которых лицо вдовы так и осталось мученическим, но слезы утихли, а в глазах появилось спокойствие. Лишь тогда Ревекка увидела и смогла осознать размах всеобщего горя. Ей, почему-то стало стыдно за попытку удержать старичка на дольше, ведь в его словах нуждались не только женщины, но и мужчины, сидевшие на улицах с таким отрешенным и растерянным видом, что желание помочь им, заглушало собственное горе. «Как же это бог сможет помочь? Ведь вот же оно горе, уже стоит за нашими дверьми. Ведь знаю же, что не будет чуда. Что не ударит молния и не превратит ненавистных римлян в соляные столбы. Как же тут верить??» но осеклась. В эту же секунду она поняла, что кроме веры у нее нет ничего больше, что жизнь сейчас должна или закончиться или начаться по-новому, что так как было больше никогда не будет. Она уставилась на спящую дочь, потом перевела взгляд на кинжал лежавший на столе подле нее, потом на ту вдову, к которой всего минуту назад подходил старичок. Женщина смотрела в ответ каким-то ледяным перепуганным взглядом, понимающая немой вопрос не произнесенный Ревеккой вслух, но как будто бы заданный. Вдова медленно покачала головой в разные стороны выражая протест, но движения эти выглядели настолько трясущимися и не уверенными, что за ответ их принять было невозможно. Дальше вдова демонстративно спрятала лицо в складках туники, как бы говоря этим – решай сама. Ревекка понимала, что драгоценные секунды, словно песчинки в часах, тают. Что если сейчас она не решиться, то потом, скорее всего пожалеет о том, но больше решиться никогда не сможет. И так!! Или сейчас или никогда. Снова взгляд матери остановился на дочери. Милая мордашка с торчащим из-под простынки носиком слегка поморщилась. Улыбка счастья с милой физиономии и не думала никуда деваться, напротив, она залила лицо целиком, превратив девочку в маленького светлого ангела. Нет!! Не могу!! Не хочу!! Нельзя!! Решение принято. Теперь она знала, зачем бог оставил ее жить. Теперь она поняла свое предназначение на оставшиеся года. Она осознала конечную цель. Дочь должна вырасти, дочь должна стать счастливой. Правда как она сможет защитить свою девочку, ей пока не было известно, но какое-то внутреннее чувство уверенности предавало ей сил. «Поплыву как щепка по реке жизни. Вверяюсь в твои руки господи. Направляй и веди меня».

Тишина бани с нотками пихты, тянущимися с курильни, помогли ей опомниться. Она снова находилась здесь, рядом со своей девочкой, боязливо вглядывающейся в лицо матери, пытающейся угадать самочувствие той.

– Авелия, – начала она тихим протяжным голосом, оглядываясь по сторонам. – Доченька, я хочу с тобой серьезно поговорить, пока у нас есть время побыть вдвоем.

– Слушаю тебя, мама, – сказала она тоненьким голосом, повернувшись в пол оборота.

– Наше положение с тобой не завидное. Но жить дальше надо, ибо, как говорил проповедник Февда, не мы определяем день своего рождения и день своего ухода.

– Но мама, – прервала ее с всхлипом Авелия, которая ждала этого разговора, но всякий раз боялась завести его первой – то, что нас ждет дальше это не жизнь. Кем мы будем? Наложницами хозяина? Одного?? Или потом нас гостям предложат? И это в лучшем случае!! – Авелия покачала головой. – Только скажи мама, дай лишь намек, что ты понимаешь меня, и прямо сейчас давай разобьем головы, да хоть об эти лавки, и покончим...

– Даже слушать этого не хочу, – холодно, но с внутренним спокойствием оборвала ее Ревекка – ведь помнишь ты об одном из самых тяжчайших грехов на земле? А помнишь ли о спасительном промысле Божиим? Вспомни всё, чему тебя учили. Или забыла ты что, прервав жизнь мирскую, муки земные закончатся, но там за чертою смерти, начнутся муки более сильные, вечные, адовы.

Дочь смотрела на мать глазами полными отчаяния. Сколько раз плывя в трюме корабля, набитого рабами будто селедкой, ей приходила в голову эта мысль. Сколько раз она видела как жирные потные руки матросов, выдергивали из перевозимого стада рабынь покрасивее, и не стесняясь никого, громко, с ядовитым лающим смехом, обсуждали во весь голос, планы своих развлечений. Не раз и не два в их числе была мама. А один раз и ее достали на свет божий, но греха не успело произойти. Капитан забрал ее у перепившихся матросни и отправил обратно в трюм. Сначала, в юной детской душе затеплилась надежда, что не все в этом мире потеряно безвозвратно, что есть еще добрые люди способные отличать добро от зла, однако, скоро ей открылась циничная правда. Не тронутые девочки, стоят гораздо дороже на невольничьих рынках. Зачем дальше жить?? – спрашивала она себя, и не находя ответа, задавала тот же вопрос матери, только что пригнанной с пирушки на палубе корабля. Ревекка молчала в ответ. Ничего не отвечая, поправляя волосы собранные в пучок, мать притягивала дочь к себе, обнимала, и молча сидела глядя куда-то вдаль, сквозь маленькую щелку борта корабля. Авелия видела, чувствовала, понимала, как ей сейчас плохо, ощущала как та терпит будто бы терпела сама, и одновременно ненавидела и жалела ее за это малодушие. В такие минуты, ей становилось совестно за мать. Ведь куда же ниже? Неужели жизнь так ценна, да и жизнь ли это вообще? А после, когда негодующее дыхание выравнивалось, а злость сменялась пониманием, ей становилось стыдно за себя. Ведь, это не ее только что втолкнули в трюм после унижительной гулянки. Авелия сидела как птенчик под крылом матери, чувствовала, как пахло от нее потом мужчин, перемешанным с запахом вина и чеснока. Чувствовала всю грязь, лежащую на слабых материнских плечах, слышала ее дыхание, и на какое-то время понимала не только головой, но и сердцем, кому сейчас действительно тяжело. Чтобы хоть как-то поддержать маму, она еще плотнее прижималась к ней, обнимала ее за талию, сжимала сильно-сильно в своих объятиях, и замирала в молчании зная, что сейчас надо просто быть рядом.

Вот и теперь, смотря на Ревекку, ей было горестно, тяжело, и стыдно за ее безволие. За то, что она убоилась дальнейшего пути, пускай и страшного, за то, что страх перед своим крестом так согнул ее, что казалось, мать никогда не разогнется. Авелия верила в бога, семя посаженное в Махероне произросло в дерево с толстым стволом, однако, зубы червя подтачивали корни и выпивали из него веру. В презрении к матери она чувствовала свое малодушие. В который раз посмотрев на неё без сердца, одними лишь глазами, Авелия уверялась, что такая судьба постигла не только ее, а еще многих и многих. Так и что же?? А то, что не ропщет, не злится, не

клянёт судьбу злодейку. Теперь она гордилась Ревеккой!! А после принимала свою жизнь такой какая она есть, внутренне повторяя слова матери, что на все воля Божия, и надо лишь верить и уповать. И вот снова решимость, готовность снести всё, что будет впереди воскресали в ней.

Ужин в доме Флавиана, был затеян, как и положено, на вторую половину дня. Вечер плавно угасал, сдавая полномочия ночи и первые звезды, пока еще тусклыми точками, появились на небе. В воздухе чувствовалась живительная прохлада, наполняющая долгожданной свежестью, растения, животных и людей. В саду трещал сверчок. Причем делал он это так задорно и неистово, что казалось, будто бы хочет заглушить, пытаясь перекричать, музыканта, сидевшего перед триклинием и играющего на кифаре. Музыка лилась медленная и грустная, но так прекрасно сочетающаяся с закатом, что казалось, является его естественным атрибутом, а не прекрасным человеческим дополнением. На пути к столам, сквозь галерею перестилия, коридор подсвечивался лампами самых причудливых форм. Какие-то из них установленные на полу, другие на потолке, а остальные приделаны к стенам. Следуя меж них вперед, как по указателям, создавалось впечатление, что идешь по дороге вымощенной светом, куда-то в приятное теплое будущее, а не к накрытым, ломящимся от еды, столам. Хотя кто скажет, что будущее в виде накрытых столов, не светлое или приятное? В бассейне, слева от дороги, плавали маленькие лодочки везущие горящие свечки. Однако не просто по воде они плыли. Их морской путь лежал сквозь цветочно-лепестковое море. В воздухе витал аромат амбры, мускуса и ладана. Ими благоухало буквально всё вокруг.

Луций, уставший от приятных покупок, от очарования Остии, и вообще от тягот насыщенного дня, пошел отдыхать. Лишь тронув головой подушку, он заснул как убитый, а пробудившись вечером, сильно отругал Акима, не растолкавшего его к ужину. Напрасно тот оправдывался и уверял, что действовал по распоряжению Эмилии, и что именно она строго настроено запретила ему будить сына. Луций был непреклонен и непоколебим. Распорядившись одеть себя в любимую тунику, с вышитыми алмазными нитями узорами, он приказал рабу идти к Палле, чтобы получить десять ударов плетью. Услышав последнее Аким повалился в ноги к хозяину умоляя пощадить, внутренне зная, что молодой патриций не передумает, однако, прекрасно понимая и то, что если он так не сделает, то количество ударов в следующий раз может возрасти. Как и ожидалось, на все мольбы раба, Луций лишь посмотрел презрительным взглядом, перешагнув валяющееся тело, и вышел вон. Он действительно опечалился тем, что не присутствовал на пиру с самого начала. Юноше очень хотелось не пропустить ни слова из беседы гостей, попробовать поддержать диалог какой-нибудь удачной фразой, и при счастливом раскладе, возможно, получить похвалу отца, и одобрительное снисхождение остальных.

Войдя в летний триклиний, он увидел около шести пар, возлегающих подле стола. В глаза, переливающиеся сверкающим блеском бросились шикарные женские наряды. Искрящиеся жемчужные ожерелья надетые на золотые нити, изящные драгоценные браслеты, причудливые прически с массивными дорогостоящими гребнями, обрамленные тяжелыми серьгами. Истинными украшениями этого ужина, несомненно являлись дамы. Так было положено считать по этикету, и у молодого юноши получалось соответствовать этому требованию. Рядом с ними, как и положено законам того времени, возлегли мужья. Убранство благоверных заметно уступало женской половине, но этот вопрос их особо и не интересовал. В ту пору мужчины мерялись красотой дам и конечно же уровнем благосостояния. То были мужи с веселыми выражениями на лицах, уже несколько раскрасневшиеся от вина, и казалось, чем-то сильно довольные. Все как один переливались статью, и все-таки отдавая должное моде, как и положено занимаемому положению в обществе, облаченные в разноцветные туники, пошитые на последний манер. Еще одной общей чертой мужского электората, являлась тучность и грузность фигур, и лишь Флавиан держался от них особняком. Закаленный походами и лишениями, он, скорее всего, уже не мог достичь таких «высот» в объемах тела. Недаром Аристотель, когда-то ска-

зывает: привычка – вторая натура. И действительно, старый воин настолько привык питаться на бегу и понемногу, что на длительных пирах испытывал некоторую ущербность от своей неполноценности. Столько есть в течение вечера и ночи, он не мог физически. Хотя, надо отметить, пытался идти в ногу со временем, и соответствовать нынешней моде на обжорство. Его старый друг, Порций Фест, даже взялся помочь в его горе и обучить Флавиана, так сказать, «правильно» питаться. Однако из обучения ничего не вышло, как тот не старался. Не помогли и хитрости из арсенала увесистого толстяка, такие как немножко покушать перед трапезой или техника постепенного увеличения порций. Даже «коронный номер» заключающийся в том, чтобы незаметно извергнуть проглоченную пищу наружу не возымел нужного эффекта, наградив Флавиана, вечным презрением к данному фокусу и к фокусникам, проделывающим его.

При появлении Луция в зале повисла секундная тишина, которую прервал Флавиан, представив сына гостям. Юноша протянул правую руку вперед, тем самым салютовав присутствующим. После обошел кругом стол и возлег на отведенное ему место, рядом с отцом. Глядя на торжество становилось очевидно, что к ужину готовились и уделили достаточно внимания с принимающей стороны. Ложа на которых возлегли гости и хозяйева, красовались празднично-пурпурными тканями, которые отец хранил для особых случаев. Столы, пилястры на стенах, мозаика на полу, лампы – всё блистало чистотой, вычищенной с тройным усердием, сверкая и переливаясь в свете отбрасываемых лампами. Сервировка стола тоже не отставала в подготовке, и так же была на самом высочайшем уровне. Кубки и чаши, инкрустированные драгоценными камнями на толстых ножках, причудливых форм посуда, изображающая, то обезьяну, растопырившую лапы в разные стороны, в каждой из которых находились корзины с фруктами; то серебряный ослик, навьюченный тюками, свисающими по бокам, из которых торчали маслины или оливки. Однако это считалось закусками и прелюдиями. Главным же угощением в эту минуту были жареные сони. Изящно разложенные на двух серебряных блюдах, они манили видом и запахом гостей. Мельком посмотрев под стул, Луций увидел среди огрызков яблок и прочих остатков усевающих пол, клешню омара, застрявшую, под одним из лож. Значит, блюда меняли уже несколько раз, и обед находится на своем экваторе. Юноша давно придумал эту хитрость, точнее, подслушал ее у кухонных рабов. Хитрость заключалась в том, как по количеству объедков, которые кидали под стол, можно определять сколько времени идет пир и когда он закончится. Беседа меж гостями набирала все более громкий оборот. Тему он пока уловить не мог и лишь озирался по сторонам, хватая то там, то здесь обрывки фраз. Крутя головой в разные стороны, будто бы только что проснувшаяся сова, Луций поймал на себе взгляд, находящейся прямо напротив него, матроны. Она хихикала вместе со своей подругой, и кивком головы, указывала в его сторону. Юноше стало не по себе. Быть объектом насмешек и шуток, как и любому другому человеку, ему не хотелось. Однако, выяснить причину их веселья он так и не смог. Гул голосов и звучание музыки, не давали сконцентрироваться на их общении, а читать по губам он до сих пор не научился. Хотя, спустя мгновение, смысл беседы ведущейся рядом с ним, стал проявляться, а смех матрон напротив забываться. Его отец шумно спорил с возлегающим справа от него, толстым патрицием. При этом оба активно жестикулировали, и порой так увлекались, что со стола на пол летала посуда.

– Напротив, Флавиан!! Не стоит думать о них, как о бездушных животных, – кричал упитанный гость, показывая пальцем, на котором блестело огромного размера кольцо в форме черепахи, на рабов, вносивших в триклиний новый стол, с красовавшимся посередине блюдом.

– Так как же ты прикажешь о них думать?? Может нам еще совета у них спрашивать?? – Флавиан выждал паузу и продолжал – Как только мы приехали сюда, я велел выстроить рабов работающих в полях, для смотра. И клянусь златокудрым Аполлоном, что даже он, являясь богом-врачевателем, рассмеялся бы, увидев тот сброд, который предстал пред мною. Были косые, худые, или вообще еле живые. Так вот мне интересно, если бы я спросил бы их: Что же мне с вами сделать? Ответили бы они мне по совести, мол, да!! давно нам пора на остров

Эскулапа, пожили и хватит!!!! – при этом он так расхохотался, что мраморные диски, натянутые между колон, задрожали. Остальные гости, вместе с толстым патрицием, тоже поддержали шутку и рассмеялись, искоса поглядывая на рабов и подмигивая им.

– Однако, – продолжал Флавиан, уже с серьезным видом, подняв указательный палец вверх, – однако, ценить хорошего раба я умею, потому что знаю сколько сил надо потратить на обучение и воспитание, действительного хорошего раба. И сейчас, я вам это докажу!

Щелчком пальца он призвал к себе официанта, что-то шепнул тому на ухо, и официант пулей вылетел из триклиния. Публика замерла, ожидая чего-то действительно необычного. Между тем рабы сменили стол, содержание которого, приковало внимание гостей и заставило на несколько минут забыть про поспешно выбежавшего раба. Посередине стола, на огромном золотом блюде, лежало что-то не понятное. Основу его составляла мелко нарубленный зелёный салат, разложенный по всему блюду, похожий на траву. Далее, по всей площади, с небольшим отступом от краев блюда, возвышался подиум со ступеньками с каждой из сторон. Состав этого подиума, по внешнему виду, было не угадать. Он представлял собой остывшее желе прозрачно – телесного цвета, перемешанное в себе, но ровное и гладкое по краям. На этом подиуме, красовался раскрытый лепестками наружу, во всем своем цветущем великолепии, цветок. Середина его состояла из маслин, перемешанных между собой с черной икрой, а лепестки сделаны из желто-красных перцев, и политы сверху сладким соусом. Ропот восхищения послышался среди гостей. Улыбки умиления озарили не только богатые лица, но и лица прислужников. Этакого блюда, до сегодняшнего дня, не видал никто.

– Уважаемые гости, прошу пробовать. Это кушанье не любит теплых температур, и долгих размышлений.

Уже через секунду, раб в белом сюртуке, ловким движением разрезал блюдо на несколько частей и разложил гостям по тарелкам. Вкус оказался весьма необычным. Он походил на мясной суп, но при этом супом не являлся. Внешняя оболочка отдавала холодом, тогда как внутреннее содержание – теплым. Угадать основной ингредиент ни у кого не получалось, хотя попыток для этого предпринималось немало. Пирующие настолько сильно заинтриговались этим, что не скрывали друг от друга удивленных улыбок одобрения. Даже рабы, находившиеся чуть поодаль стола, тоже светились радостными физиономиями, игриво наблюдая за веселыми угадываниями патрициев, и не могущих даже примерно сообразить, что же в итоге им подали.

– Ну не мучь нас Флавиан, – сказала тоненьким тягучим голосом одна из матрон, лежащих с правого угла стола. При этом она расправила складки туники, немного взмокнувшей от жары и такого количества съестного.

– Мы перебрали уже все возможное, и невозможное тоже – закончила его подруга, кокетливо при этом прихихикнув.

Флавиан победно осмотрел присутствующих, выискивая глазами того, кто хотел бы еще раз попробовать угадать блюдо. И убедившись, что таковых нет, несколько раз громко хлопнул в ладоши. В проеме двери появился засаленный раб, облаченный в тунику, со следами свежих капель жира на ней. Выглядел он толстым, что совершенно не подходило к понятию раб, как к токовому. Лысая массивная голова, с глубоко посаженными на ней глазами, с искренним переживанием и даже с какой-то опаской смотрела вперед, на гостей. Руки, наскоро помытые перед появлением, нервически теребили подол фартука, наброшенного на него поверх туники. Войдя, нетвердую походкой в триклиний, он стал опасливо озираться по сторонам, как зверь, которого приготовили к травле. Раб заглядывал в лица гостей, хозяина, молодого господина, в лица своих товарищей рабов, пытаясь угадать, что являлось поводом его вызова на ужин. Ведь раньше он не помнил такого, чтобы его вот так брали, вытаскивали с кухни и заставляли бегом нестись к пирующим хозяевам. Мысли самые ужасные лезли в лысую голову. Уж не подгорело ли какое-нибудь блюдо?? Уж не пересолил ли он соней?? Или самое страшное, не подавился ли

кто из гостей, по его милости. Однако, увидев, что публика в триклинии находилась в самом замечательном настроении, немного приободрился.

– Подойди!! – повелительным тоном приказал ему Флавиан.

Раб замер в нерешимости, потому что голос хозяина показался ему страшным. Но собравшись с силами и сделав глубокий вдох, подошел, остановившись на некотором почтительном расстоянии. Что делать дальше он не знал, поэтому замер в оцепенении, ожидая своей участи.

– Что за блюдо ты нам приготовил? – уже более мягким голосом продолжал Флавиан, видимо заметив, что повар, сейчас от страха может сознание потерять.

– Запеченный в яме, хобот африканского слона, приготовленный под соусом из розы и черного перца, – дрожащим голосом проговорил он, не смея поднять глаз. Повисла немая пауза. Повар зажмурил глаза, ожидая самого страшного приговора в своей жизни.

– Великолепно!!! Уверен, что божественная Геба, подносявшая на Олимпе богам нектары и амброзию, ничуть не постеснялась бы подать им и такое блюдо – послышался голос старого патриция, развалившегося на ложе, и ковыряющегося палочкой в зубах.

– Ничего вкуснее и я не едала, – поддержала матрона, находящаяся в правом углу стола, поигрывая при этом ожерельем с крупными жемчужинами, и разглядывая повара в свои прищурившиеся глаза.

Восхищение, будто звуковая волна, начало двигаться с одной стороны, на другую, ударяясь и отражаясь обратно во фразах довольных гостей. Лишь Флавиан возлегал неподвижно, молча слушая то одного, то второго хвлящего. Когда же все умолкли, он взял со стола большой серебряный кубок, на поверхности которого барельефом красовался Посейдон, вырывающийся из моря, в пене и брызгах, инкрустированных изумрудами.

– Прими же от меня этот кубок, в знак моего довольства тобою, – обратился он к рабу-повару.

Гробовая тишина заволочла триклиний. Раб стоял опешивший и не знал, что ему отвечать. Точнее, он не мог разобрать шутка ли это какая-то, или может быть сон. Никогда в жизни, он не получал от хозяина ничего кроме брани, тумачков и пинков. А сейчас!! Он стоит перед патрициями, матронами, пред остальными рабами в лучах славы. Повару вдруг показалось, что птицы запели в саду, им вторили фонтаны, своим нежным журчанием, и все этого происходило для него одного. Он принял из рук хозяина кубок, но ответить ничего не мог. В горле стоял огромный комок, мешающий говорить. К глазам прилипли слезы, а сердце забилося так сильно, что казалось его звук, заглушает все вокруг. Приняв кубок, он повалился к хозяину в ноги, стал целовать сандалии, гладить лодыжки, и всхлипывать так протяжно, что даже самые сухие сердца, растаяли в эту минуту. Флавиан жестом приказал рабам забрать растроганного повара, потому что тот, в нежном порыве, ничего вокруг себя не видел и не слышал, в том числе и приказания хозяина отцепиться от его ног.

– Вот и конец нашего спора, мой друг, достопочтенный Кандид. Хороший раб и живет по-хорошему, коли может доказать, свою состоятельность и нужность господину. А плохой, – он задумался, ковыряя зубочисткой во рту, – плохой, значит не смог за свою жизнь научиться ничему путному, был скотом, обязан скотом и подохнуть. Что тут еще надо говорить? – и после не долгой паузы, добавил, – Хотя я считаю Сенеку, наидостойнейшим оратором, и величайшим философом Рима, все же не согласен с ним в некоторых деталях. Раб должен знать свое место, и обращаться с ним, как будто бы с равным. Никак не возьму в толк, что же он этим хотел сказать??

– А как быть с больными и старыми, с теми, кто когда-то, может быть и давно, но все-таки доказал свою пригодность? Хотя бы и твой повар !! Ведь может же он состарится или заболеть? – не сдавался Кандид, при этом игриво прищуриваясь.

– Может состариться, может и заболеть!! Это верно. Однако, что мы делаем, когда находим в садах гнивающее дерево? Что делает пастух с коровой, не дающей молока?? А-А-А ты

задумался!!! Верно!!! Если ты считаешь свои капиталы, если хочешь, чтобы дела твои шли в гору, то приходится избавляться от балласта!!! Что толку если дерево плодоносило? Что толку если корова давала молоко?? Сейчас этого нет!! Раньше корова ест – молоко дает, теперь просто ест!!! Однако, если ты толковый хозяин, то с легкостью сможешь сообразить, что старое дерево согреет рабов в морозы, а старая корова накормит их мясом. Всё должно употребляться в дело, на то мы и являемся людьми разумными, в отличии и от скотины, и от рабов.

– Мою точку зрения, я тебе уже явил, и менять ее не собираюсь – отвечал ему Кандид, поигрывая перышком меж своих толстых пальцев, – однако, мы с тобой никогда не придем к единому мнению. Поэтому, предлагаю выбрать арбитра!! Кого-нибудь из наших гостей, того кто смог бы рассудить наш спор. Согласен?

– Прекрасная идея. И я так понимаю, что ты уже выбрал, кого-то? – проговорил заигрывающим голосом Флавиан, рассматривая пирующих.

Гостям идея нравилась. За столом поднялся шум. Одни вставали на сторону Кандида, поддерживая его в и доказывая, что рабы тоже люди и заслуживают снисхождения. Другие напротив, соглашались с Флавианом, видя в рабах лишь орудия труда, или какую-нибудь другую полезную вещь. Чувствовалось, что спор будет долгим и интересным, да и признаться честно, темы подобной, давно не поднималось. И это тройне удивляло, так как предмет спора имелся у каждого, да еще не в единичном экземпляре. Гости кричали, стараясь переорать соседа, считая личный опыт самым разумным и правильным. Публика разгорячилась, лица и без того красные, налились румянцем еще сильнее, и неизвестно чтобы из этого вышло, если бы не Кандид, поднявшийся с ложа и жестом показавший окружающим, что он будет говорить.

– Думаю, выбрал!! – с улыбкой проговорил он. – Поскольку наши старые знакомые, уже заняли свои позиции относительного этого вопроса, и не собираются отказываться от них, я хочу, чтобы твой сын решил исход спора. Он юн, он не испорчен базиликами, его уши еще не успели привыкнуть к сладким речам адвокатов и к грозным тирадам обвинителей. Скажи нам Луций, как ты думаешь, что же такое есть раб?? И как следует относиться к нему??

Луций, совершенно не ожидал такого поворота событий. То есть ему, конечно, хотелось отличиться, но как-то по-другому он себе это представлял. Придя на ужин хотелось попробовать, на что-то остроумно ответить, колко и чуть язвительно что-нибудь заметить во время разговора, но никак не выступать претором, в споре гостей и родителя. Внутри что-то смялось. Бодрость и находчивость мгновенно его покинули, оставив на смену лишь глупую улыбку, да глаза, огромные, будто коровьи, которыми он медленно обводил присутствующих, как бы ища в них ответа. Алый румянец пробился сквозь естественную белизну щек, и какая-то неведомая сила обвила шею, сжимая ее, и не давая дышать спокойно. Первой мыслью пришедшей на ум, стал не ответ на поставленный вопрос, а идея как бы на него не отвечать. Она заключалась в некой хитрости, если точнее, то в глупом притворстве. Дать понять всем, что самочувствие сейчас не важное, и сославшись на него, увильнуть от ответа. Однако, эта задумка сразу отлетела, сама собой. Уж больно по-детски это выглядело, да и может ли вообще патриций ссылаться на такие глупости как здоровье, выступая пред слушателями.

– Мне трудно будет рассудить вас по нескольким, весьма объективным, причинам. Первая и скорее всего самая основательная причина, это то, что я молод и не опытен. Где мне судить вас, прославленных представителей сословия всадников, умудренных годами, убеленных победами, окруженных всеобщим почетом. Второй же причиной является то, что разговор, который вы вели, не был полностью услышан мной, а значит, какие-то вещи мне придется додумывать. И тем не менее, я попытаюсь – Луций и сам не знал, откуда в нем проснулся дар красноречия. Слова шли сами собой изнутри, как вода течет по руслу реки, не докладывая никому от куда взялась, просто бурлит себе и всё. Луцию нравилось это новое чувство спокойствия и рассудительности, нравилось то, как значимо он сейчас выглядит. По крайней мере, юноше так казалось. Он распрямился во весь рост, заложил для важности руки за спину, и стал

продолжать холодным, чеканным и тихим голосом. Взоры заинтересованных гостей устремились к нему, но больше всех буравил взглядом своего ребенка, Флавиан. Он, казалось, еще больше Луция изумился, доселе неизвестной никому, речистости сына.

– Начну с Сенеки, которого вспомнил в разговоре отец. Всем известно, его видение мира, известны его труды, известно его отношение к рабам. Однако, так же известна и одна из его любимых поговорок, которая гласит, что нет в мире ничего безобразнее, чем старик, что из доказательств своей пользы прожитой жизни, не имеет других, кроме своего возраста. Если мудрейший философ представляет раба, пускай таким же человеком, что и он сам, то и человека такого он презирает. Ведь сказано же, что седина не является заслугой. Это всего лишь стечение времени. Так ответьте же мне достопочтимые гости, чем эта поговорка, отличается от суждений моего отца. Всякий кто хочет развиваться, будет услышан и отмечен в соответствии со своим положением. От этого складывается и отношение к нему. Ведь будь раб человеком или вещью, его ценность будет напрямую зависеть от умений и приобретенного опыта, а не от названия. Всякому надо купить себе старость деяниями, какими-нибудь заслугами, своим отношением к делу, которое назначила его жизнь. У людей это дело одно, а у рабов другое. Однако, это не отменяет того, что всякому необходимо прикладывать усилия для обеспечения беспечной старости.

– Абсолютно верно!!! Правильно сказано!!! – подхватил Кандид. – Ты говоришь, что старость надо купить, и я думаю так же. Вот старается раб, пытается угодить во всё, усердствует не жалея себя. Видно его трудолюбие, причем не только хозяину, но и рабам вокруг. Как вдруг, хворь напала, ну или годами стал стар, так что ж его, по-твоему, на помойку? К примеру, твой благочестивый родитель, считает именно так!!!

– Нет!! Не на помойку!!! – рассудительным голосом ответил юноша.

– Ага!! – практически закричал Кандид, и даже подпрыгнул от удовольствия, – что же ты прикажешь с ним делать?

– Если верно служил, то я желаю ему лучшей участи.

– Что делать с ним скажи? А то все мы здесь люди добрые, и только добра вокруг желаем.

– Да, хоть бы и отпустить на волю – продолжал Луций таким же спокойным тоном.

Кандид торжествовал. Он медленно повернул голову в сторону Флавиана и впился в него продолжительным, победоносным взглядом. Лицо его не просто излучало радость, оно сияло триумфальным ликованием с тонкой ноткой завоевания. Ведь сын поддержал его, а не отца. Флавиан еще не успел этого сообразить и лишь смотрел на сына глазами счастливого отца, наблюдая в своем ребенке зачатки рассудительного философа. Однако, маленькая подозрительная тень сомнений все-таки закралась в его душу. Неужели!! – подумал он, Луций считает, что я поступил не верно, отправив тех доходяг в расход. И будучи больше человеком действия, чем философом, будучи прямым и бесхитростным, а не искусным политиком, он решил разобраться в этом моменте прямо сейчас.

– Я не понял тебя Луций!! Ты считаешь, я поступил ошибочно и несправедливо, с теми рабами??

– Нет, отец. Я так не считаю – с ледяным спокойствием продолжал Луций, заметивший торжество Кандида и негодование отца.

– Как это понимать?? – взревел Кандид. – Ты же только что говорил о том, что хорошего раба по прошествии лет, можно на волю отпускать??!! Что теперь изменилось?

– Ничего. Я так и думаю, и от слов своих не отказываюсь. Просто вы с отцом, не много о разных вещах говорите.

– Э во оно как!!! – толстый патриций, даже захлопал в ладоши и подмигнул сидевшему рядом, тоже удивленному Флавиану. – Ну, тогда просвети нас!!

– Вы говорите о разном, и я попробую объяснить, то как вижу и то, как понимаю этот вопрос. К примеру, вы достопочтенный Кандид, имеете ввиду рабов домашних, тех с кем вы

жили не один десяток лет и чью работу видели и смогли бы оценить. Отец же отправил на остров Эскулапа тех рабов, которых видел первый раз. Будучи распорядителем и поверенным Луция Пизона, он поступил правильно, убрав доходяг непригодных к труду. Ведь не просил же Луций Пизон позаботиться о ком-то отдельно?? Да и могло ли быть по-другому, раз на место Мария, того кто привел дела любимого нами проконсула в упадок, назначают моего отца. Теперь порядок в делах будет обеспечен. И, по-моему, правильно начать именно с чистки нахлебников, лоботрясов и бездельников.

Гробовая тишина повисла в триклинии. Даже сверчок, соревновавшийся с музыкантом, замолчал. Взоры сконцентрировались на юном ораторе. Рабы, подслушивавшие за углом, и у входа в триклиний, тоже застыли в неподвижности, боясь шорохом выдать себя и пропустить столь важную для себя дальнейшую информацию.

– По-твоему те, которых отправили на остров, не заслуживали шанса?? – первым прервал тишину, в какой-то задумчивости Кандид.

Луций задумался, ведь именно поэтому поводу он недавно спорил с отцом. Однако, держать в споре сторону Флавиана казалось для него теперь важнее, чем собственные убеждения. Авторитет отца в ту минуту, был не то чтобы непоколебим, он был неприкасаем.

– Я думаю, когда наши легионы захватывают города и страны, их население возможно заслуживает шанса – неожиданно вмешался в разговор, тоже толстый патриций, весь вечер до этого молчавший, но как оказалось, внимательно слушавший. – Однако, нельзя обратиться к Фортуне, только тогда, когда тебе это необходимо. Эту капризную богиню надо задабривать на протяжении многих лет, строить в ее честь храмы, устраивать празднества. И тогда, быть может в ту самую минуту, когда это так необходимо, она снизойдет до тебя и пошлет шанс, про который мы с вами так долго рассуждаем. На все воля богов!!! – громко закончил он и пролил из кубка несколько больших капель на пол, отдавая дань Фортуне. Остальные последовали его примеру, так же сплеснув из кубков на мозаику.

– С этим спорить бессмысленно, – поддержал его Кандид, по виду которого можно было догадаться, что разговор его сильно занимал. Его сущность светилась изнутри, он радовался за Луция, был доволен тем, что юноша не растерялся, а напротив, размышляет. И как размышляет!

– Однако, без сомнения, все вы слышали историю несчастного Педания Секунда, убиенного своим же рабом, из-за того, что передумал даровать ему свободу – продолжал он.

– Слышали – спокойным голосом отвечал Луций, которому очень понравился ответ толстого патриция.

– А слышали про погромы близ его дома?? Слышали про хаос, что произошел практически следом, когда рабов, составляющих его же законную собственность, повели на казнь, согласно древнему закону.

– Тоже слышали – в один голос ответили толстый патриций и Флавиан.

– Выходит дело, раз поднялся такой шум, неправильно с рабами поступили? Получается и у них есть права, а мы ими пренебрегли. Ведь, если бы все произошло по совести, то не было бы никаких столкновений, в которых, стоит признаться, участвовали не только рабы, но и прочие свободные граждане Рима, просто соболезнающие бедолагам.

– Закон, есть закон, – важно проговорил Флавиан, поднимая при этом указательный палец вверх, как бы демонстрируя этим, что это основа основ.

– Как ты считаешь Луций, правилен ли этот закон? Не устарел ли он?? Не делает ли он из нас животных?? – при этом Кандид сделал упор именно на имя юноши, чтобы каждый понял, что вопрос адресован именно ему.

– Да, я слышал про беспорядки, которые устроил народ. Слышал их доводы в защиту рабов. Все они указывали на то, что из-за одного провинившегося раба, казнить остальных нельзя. Слышал, как они демонстрировали младенцев-рабов и вопрошали в толпу, в чем же

они повинны? Слышал, как выводили стариков, отдавших жизнь на служение господину, и задавали тот же самый вопрос. И да, я знаю, что им ответил на это сенат, знаю, как не хотели они соблюдать закон, и как Гай Кассии, взял на себя последнее слово, которое и стало в итоге окончательным. И если вам интересно мое мнение, то я согласен с тем, что закон должен исполняться, даже если, с первого взгляда он противоречит нормам морали.

– Ага!! Все-таки противоречит. То есть ты считаешь, что сенат поступил не по чести, соблюдая закон? То есть и ты видишь в нем мерзость, которая ложится красными пятнами на честь достойного римлянина.

При этих словах, произносимых Кандидом, Флавиана передернуло и покорило. Разговор стал заходить в то русло, из которого можно и не выбраться чистым. Кандид открыто протестовал против случившегося, но сейчас, он еще и компрометировал сына, навязывая тому свою точку зрения, искусно маскируя её под личиной благородия. Более того, Флавиан прекрасно знал честолюбие своего сына, знал какие мысли он носит в голове, а также слышал, через слуг конечно, как сын бранил сегодняшнюю власть. Сейчас, он видел как загорелись глаза Луция, стоило тому услышать, вот так запросто, в своем доме, такие опасные, но вместе с тем близкие ему слова. Однако, ответ сына заставил его пересмотреть взгляд на характер своего ребенка.

– Нет. Я считаю, что этот закон никоим образом не пятнает чести римлянина. И справедливость своей мысли я вижу в том, что убийство римлянина, префекта города, в своем собственном доме, не может быть действием спонтанным, а есть акция продуманная, хладнокровно решенная позорным рабом. Я уверен, что кто-нибудь из рабов обязательно знал или догадывался о злых мыслях убийцы, и не сделал ничего, позволив, свершится задуманному.

– То есть, из одного негодяя, должны погибнуть несколько сот человек? – уже каким-то загадочным и расстроенным голосом проговорил Кандид, заглядывая в глаза юноши, как-то искоса.

– Я считаю, что торжество закона должно превозмогать над чувствами. Я считаю, что если бы сенат отреагировал по-другому, то очень нехорошие мысли поселились бы в головах рабов по всему миру. И напоследок, я считаю, что каждый волен распоряжаться своими рабами, как ему будет угодно. Поэтому, придя в собственный дом после прений в суде, он смог бы явить рабам свою волю, сказав им о том, что их хозяин, является обладателем прогрессивных взглядов, и если бы случись в его доме что-то подобное, наказан будет только виновный.

Пирующие и обслуживающие пир рабы, уставились на Луция. Он стоял раскрасневшийся от эмоционального возбуждения, глаза юноши светились дьявольским пламенем. В нем читалась такая уверенность и решимость, что спорить с ним сейчас, было бы делом неблагодарным, даже, если бы, он оказался тысячу раз неправ. Свою тираду он выпалил с такой уверенной твердостью, что казалось, по-другому просто не может быть. Видимо не зря Луций занимался с греком-преподавателем искусством ораторского мастерства, ибо на лицах, слушающих его, не то чтобы сомнения в правоте слов юноши не было, отсутствовал даже намек на них. Однако, к такому еще не успели привыкнуть родители Луция. Они возлегали, разинув рты и не сводя глаз со своего ребенка. До этой минуты родители не замечали в своем мальчике яростного и непреклонного Демосфена. Хотя речь его и не особо понравилась Флавиану, потому что в ней виднелись нотки нападок на Кандида, как бы вызов ему, однако, в любом случае, она была пламенна, обдуманна и патриотична. Отцу особенно доставило удовольствие, что произнес речь именно его сын. Между тем Кандид ни капли не расстроился, и не принял на свой счет никаких обидняков. Напротив, ему импонировали люди, умеющие думать и идти за своими мыслями, даже если они пересекались с мнениями остальных, пускай и более авторитетных людей. Его подкупала открытость Луция, нравилось его неподдельное стремление отстаивать свою точку зрения. Да и просто, всем своим видом и напористостью он понравился Кандиду. Поэтому расплывшись в неподдельной улыбке, он ответил:

– Я такого, своим рабам никогда не скажу!! Что же я, сумасшедший что ли? – при этом он прыснул со смеху и так звонко расхохотался, что смог заразить смехом и остальных. Кто-то смеялся от его шутки, но большинство гоготали глядя на Кандида, как тот захлебывался, охал и трясся, держа себя то за живот, то за лицо, видимо, чтобы треснуть. Несколько минут ушло на то, чтоб успокоиться. Хохот то утихал, то снова взрывался от чьей-нибудь веселой шутки, доводя до трясучки всех гостей.

– Давайте передохнем от наших споров, – сквозь гогот, могучим голосом, прокричал Флавиан, при этом сделав знак рабу-распорядителя ужина, кивнув тому головой. В мгновение ока несколько ламп потушили, что создало эффект полумрака в триклинии. К гостям ближе подвинули курильни с благовониями, в которые предварительно добавили побольше ладана, дабы перебить запах еды, державшийся в воздухе после последних горячих блюд. Позади гостей, еле слышно, так чтобы их никто не заметил, выстроились музыканты, ожидающие команды играть. И началось. Сверху, казалось прямо с потолка, начали падать сначала одинокие, потом парные и тройные лепестки роз. Они казались такими воздушными, и падали так медленно раскачиваясь в воздухе, что казалось, будто это не лепестки вовсе, а лодочки, красных и белых цветов, плывут по воздуху. Музыканты, при каждом опускании лепестка на мозаику триклинии, повторяли звук похожий на каплю, разбивающуюся об пол. Дождь из роз усиливался, устилая своими корабликами все вокруг. Сзади слышались звуки ветра и дождя. Дождь пошел еще сильнее, потом еще сильнее. Барабанная дробь из падающих корабликов перемешалась между собой и стала чем-то единым. Вокруг не стало видно, ровным счетом, ничего. Лишь красно-белая стена, да грохот ударных. Казалось, что триклиний сейчас разлетится на куски, неспособный вмещать эту вакханалию. Как вдруг, в одно мгновение, все прекратилось, и посредине триклиния оказалась девушка. Никто не видел, как и откуда она появилась. Казалось, что она родилась из тех лепестков, что падали сверху. Девушка стояла одна, среди разверзнутого цветочного моря, но рассмотреть ее не представлялось возможности. На ней, поверх головы, красовался полупрозрачный платок, покрывающий девушку до пояса, в тон цветам, разбросанным на полу. Ее тонкие ноги, прятались в юбку из такого же материала что и платок, однако цвет юбки смотрелся более бледным и хуже просвечивающим. Щиколотки, виднеющиеся из-под юбки, остались босыми, лишь чуть поверх них, виднелись несколько переплетенных между собой золотых цепочек. Запястья тоже украшались золотом, только в отличие от ног, эти украшения были браслетами, свободно гуляющими, по тоненьким вытянутым в разные стороны рукам. Гости застыли в ожидании чего-то нового и доселе невиданного. Триклиний наполнился такой тишиной, что слышалось, как масло горит в лампах, или как птицы горделиво выхаживают по саду. Однако, тишине не суждено править в сей обители. Заиграла музыка. Неспешно, местами тихо, она лилась мягко и спокойно, будто ручей воды. Непонятно почему, но присутствующие точно знали, что это ручей перерастет в реку, бурную, с порогами и крутыми поворотами. Но это должно случиться впереди, этого надо ждать, заставляя гостей теперь лишь предчувствовать это. Сейчас же музыка играла спокойно, басами отбивая ритм сердца гостей. Вот девушка из роз встрепенулась раз, за ним второй, и плавно, могло даже показаться, немножко лениво, начала свой танец. Ее руки мерно рассекали воздух, как будто бы она обнимала кого-то невидимого, как будто гладила его ладонью, скользила пальцами по его невидимой коже. Танцовщица, как кошка, терлась и трепетала от этих невидимых прикосновений. Зрители не видели рядом с ней никого, но она видела!! Ее хрупкий стан вторил музыке, раскачиваясь и неспешно прогибаясь под ее влиянием. Спустя немного времени, ее партнер, так для всех кроме неё и невидимый, как будто бы растаял, и ее плавные нежные поглаживания, перешли на себя. Кончиками пальцев правой руки, она ввела по внутренней части левого плеча, неторопливо скользя вниз. Она повторяла это движение несколько раз, но с каждым следующим повтором, нажим её пальцев становился сильнее, и платок, накинутый сверху, мешал этому скольжению. Танцовщица специально чуть-чуть приблизилась к гостям,

мягкой и медленной, в такт музыке, походкой. Ей хотелось чтобы гости ближе рассмотрели ее кожу, чтобы прочувствовали ее желание танцевать для них, ее желание отдаться этому танцу. Но не только это она хотела показать. Еще она демонстрировала как этот платок мешает ей наслаждаться собственным телом, чтобы гости, так же сильно как и она, захотели бы избавиться от него. Луций смотрел на девушку, и никак не мог насмотреться. У него совершенно не получалось разобрать, кто же та, что танцует танец. Он вглядывался в лицо, скрытое за прозрачным материалом, но разглядеть его черты не получалось. Под покрывалом виднелись лишь глаза, кошачьи, хитрые и самодовольные устремленные в него, как ему казалось в этот момент. И каждый из присутствующих мужчин, думал точно так же. Каждому из них думалось, что страсть и голод в тех глазах прикрытых платком, адресованы именно ему. Плавная музыка начала ускоряться, ударник прибавил быстроты на своем тимпане, и когда скорость касаний стала невероятной, громким железным лязгом грянули кимвалы, и девушка из роз сдернула платок с головы, кинув его на пол. Музыка вернулась к первоначальному и степенному ритму. А танцовщица, вопреки ожиданиям присутствующих, оказалась еще в одном платке, но уже более прозрачным и более коротком, нежели предыдущий. Луций начал вглядываться еще пристальнее. Ему казалось, что он уже видел эту девушку, что это кто-то знакомая, а не нанятая отцом танцовщица. Там, за платком, начинали проясняться черты лица, но все равно слишком слабо, чтобы разобрать их. Ломая глаза в бесполезных попытках, Луцию лишь казалась, что танцовщица слегка закусила свою нижнюю губку, наслаждаясь плавными движениями пляски. Интрига захлестывала больше и больше. Он понимал, что хочет ее даже не зная, кто она и откуда, не зная, как выглядит ее лицо и сколько ей лет. Платок, оставшийся на ней, не закрывал оголенные предплечья, украшенные золотыми браслетами. В тусклом освещении, эти руки двигались, словно грациозные змеи заколдованные дудкой факира, заставляя смотреть только на них и не думая больше не о чем. Их белизна, их молодость притягивали взор, казалось, что они пахнут не тронутой юностью и наивностью. Девушка продолжала танцевать, только теперь ее кисти скользили не по плечам. Теперь они двигались от шеи, стекающими скользящими движениями вниз, проходили вокруг небольшой груди, описывая полукруг около каждой, достигали упругого, немножко выпуклого живота, и поднимались обратно, захватывая те же области. Снова застучали ударники, разгоняя темп музыки, снова последовал бой кимвал и девушка, быстрым движением рванула пояс, обвязанный вокруг талии. Но не сняла его, а лишь показала белоснежный живот, с родинкой над пупком, и ловким движением замоталась обратно. Музыка вновь вернулась к привычному темпу. Флавиан, возлегающий дальше всех от мнимой сцены, почувствовал нетерпение. Он быстрее других очаровался танцем, и жаждал чтобы танцовщица скорее сняла и второй платок, и когда этого не случилось, дыхание сперло от досады, а где-то внутри еле заметно, проступил гнев. Собственно говоря, про который он тут же забыл, потому что танцовщица так плавно и так изящно двигала бедрами, скользила руками по небольшим холмам груди, ласкала свою шею и руки, что гнев быстро ретировался, уступив свое место возбуждению. Она продолжала танцевать, то приближаясь то отдаляясь от гостей. В один момент она приблизилась к Луцию, и нежно коснулась его щеки кончиками пальцев. Юноша, совершенно не осознавая что происходит, протянул к ней руку, пытаясь схватить танцовщицу и привлечь к себе ближе, но она словно облако, выскользнула она из его объятий, оставляя в мальчишеской руке лишь тот платок, который укутывал талию. Этот трюк смотрелся так гармонично, будто был отрепетирован до этого, хотя конечно, это не являлась правдой. Луций притянул к себе платок и жадно вдохнул запах тела, которой еще оставался на нем. Ноздри его расширились. В этом вдохе сосредоточилась жадность и похоть одновременно. Флавиан заметил это и еле заметно улыбнулся, однако не успел скрыть свою улыбку от Кандида, тоже наблюдавшего за ним. Танцовщица продолжала двигаться, заставляя своими стройными ногами и руками, биться мужские сердца в учащенном ритме. Повернувшись спиной к гостям, она обхватила края верхнего платка пальцами и тихонько потащила его вперед.

Он, повинувшись ее желанию начал спадать с головы, но делал это очень медленно, завораживая и притягивая взгляды. Сначала из-под него появились волосы, разбросанные по плечам и спине в беспорядке, вьющиеся, и черные как смоль. Даже в этих волосах чувствовалась энергия танца. На каждый ее изгиб в такт музыки, они отвечали ей мерным покачиванием, спаданием с плеч на спину, трением между собой, открыванием кусочков спины, видневшихся под ними. Когда платок все-таки покинул затылок она повернулась, придерживая его прямо над носом, открывая на обозрение свои черные алмазные глаза. Сколько же в них читалось кокетства, озорства, жизни и хитрости. Маленькими шашками она снова приблизилась к Луцию, и снова отошла от него, лишь только тот протянул руки на встречу. В этот раз ему не разрешалось стянуть его. В этот раз платок сам по себе полетел вниз, делая танцовщицу узнаваемой для всех. Это была Авелия. Насколько же красивой она смотрелась в этой воздушной юбке, под которой слегка просвечивала тоненькая, почти невидимая, набедренная повязка. Как же грациозно двигалась она в полоске из кожи, поддерживающей грудь, прилегающей неплотно, так что при определенных движениях ее нижняя часть открывалась взору гостей. Авелия являлась богиней сегоднешнего вечера, амазонка с растрепанными и живыми волосами, всевластная и всемогущая. Ритм музыки то разгонялся, то останавливался, и невозможно было предугадать, что произойдет в следующую минуту. Танцовщица продолжала танцевать, величественно извиваясь перед публикой. Руки скользили по открытому телу, задевая грудную повязку, заставляя ее сдвигаться с места, открывая на секунду молодую грудь, и закрывая ее обратно, не дав зрителям и нескольким секундам насладиться зрелищем. Ловким движением, она стрепла волосы в копну и перебросила их через плечи, так чтобы они не закрывали ее тело от зрителей, и продолжала танцевать. Луций чувствовал, что теперь он находится не в своей власти а только в ее, и если бы сейчас его госпожа сказала бы разбить голову о стены, то он бы выполнил это с великой радостью. Кровь бурлила в жилах, будто лава в вулкане, на глаза нашла пелена застилающая все вокруг кроме нее, уши отказывались слышать, точно в них положили вату. Он чувствовал ломоту в костях, от безумного сумасшедшего желания, с которым не мог справиться, да и по правде говоря, не хотел справляться. Ее тело звало к себе, манило. Он уже чувствовал, что сейчас сорвется с места и унесет ее подальше от всех, однако, остатки здравых чувств смогли превозобладать и успокоить разгорячённое естество. В душе юноша уже молился своим богам, чтобы танец поскорее закончился, потому что справляться с собой сил, оставалось меньше и меньше. А она продолжала заигрывать с ним, и со всеми остальными одновременно. Бедра еще несколько раз качнулись, скрывающиеся под юбкой, но и этому суждено было прекратиться. Её тоненькие пальцы потащили юбку вниз, освобождая из плена красоту собственного тела. На свет явились трусики, тонкими линиями закрывающие прелести танцовщицы. Она продолжала извиваться. Чувствовалось, что в этот момент она сама себя любит, сама себя хочет. С каждым новым наклоном или поворотом, воспаленному вниманию Луция, открывались новые, неприкрытые части ее тела. Пухлые белые ягодицы, двумя свежими булочками, выросли из-под повязки, заставляя сердце Луция колотиться с бешеной силой, особенно тогда, когда она находилась к нему полубоком, и плавными облегающими движениями вела руками по своему бедру снизу вверх. Еще чуть-чуть и контроль будет потерян безвозвратно. Он решил попробовать переключить внимание, чтобы хоть как-то успокоится. Глаза занимались поиском того, чем бы отвлечься, но тщетно. Словно замороженный, краем взгляда, он все равно ее видел. Рядом, на столе стоял бокал вина, который он осушил залпом. Ничего не могло его отвлечь. Как околдованный, он смотрел только в ее сторону, будто кролик повинующийся удаву, не в силах отказать от нее и отвести взора. Авелия же ловким движением сдернула с груди повязку, прикрывшись лишь волосами, спадавшими с плечей. Голова молодого человека чуть не взорвалась от напряжённости. Луций слышал ее дыхание когда она гладила себя по груди, видел ее томный заигрывающий взгляд, когда мраморные пальцы прикоснулись к набедренной повязке, показав на мгновение, молодую поросль под ней. Все вокруг него закрутилось

кувырком, голова сделалась тяжелой, мысли, переплетаясь в один огненный клубок, не давали сосредоточиться на чем-то одном. Только об ней он думал, только ее одну ему было надо. Юноше казалось, что даже дышат они в такт, то глубоко, то с замиранием, то громко выдыхая из живота огромную порцию воздуха. Вот набедренная повязка, задевая аккуратные колени, поползла вниз, оставляя ее как Афродиту, вышедшую из пены, нагую, сильную и прекрасную. Одной рукой она прикрывала грудь, вздымающуюся от усталости танца, другой прикрывала низ, оставаясь при этом самым совершенством. Музыка утихла, оставляя в воздухе лишь ее сбившееся дыхание, которое не могло быстро восстановиться после танца. Утих и триклиний. Каждый, кто стал свидетелем этого танца, переваривал сие событие. Оно было божественным, грациозным, одним единственным в своем роде, и самое главное, увиденным впервые. Авелия, уставшая и немного вспотевшая, буравила черными быстрыми глазами зрителей. И это возымело действие. Кандид приподнялся на своем ложе, вытянул голову вперед и стал медленно, но громко и выразительно, хлопая в ладоши. Звук этих хлопков, одинокий и сильный, метался по триклинию отражаясь от стен, пола и потолка, и растворяясь в ночи сада. Вслед за Кандидом аплодисменты поддержал Флавиан, за ним Луций, который уже не мог усидеть на месте, вытянувшийся во весь рост и хлопавший в ладоши так не истово, что казалось не танец он только что видел, а сам Аполлон с золотой кифарой в руках, выступал пред ними. Гости присоединились громкой овацией. Хлопали и рабы, никогда не видевшие ничего подобного. Но радостнее всех била в ладоши Эмилия. Ведь данный танец был отличным поводом похвалиться перед старыми подругами в Карфагене. А Авелия так и стояла недвижимая, перед ложами пирующих, как прекрасная обнаженная нимфа с распущенными волосами, желанная и недостижимая как звезда. Флавиан жестом разрешил ей уйти, и она в тот же миг, подняв свои игривые глаза на Луция, почему-то сконфузилась. После, подняв платок лежащий рядом, быстро обвязалась им, и с румянцем на молодых розовых щеках, загадочно улыбаясь выбежала из триклиния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.